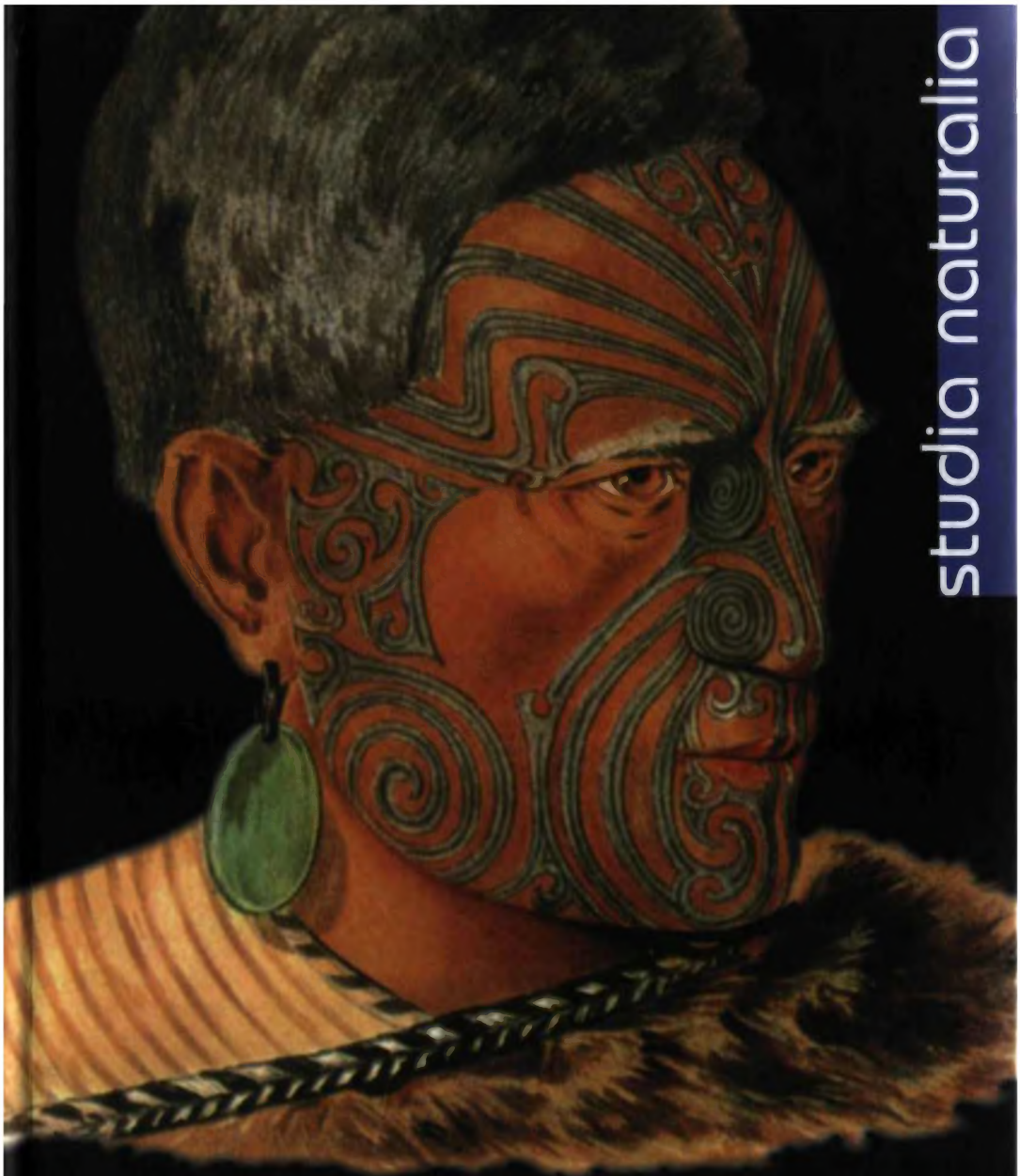

studia naturalia

М. Б. Медникова

НЕУЗГЛАДИМЫЕ ЗНАКИ

татуировка
как исторический
источник

М. Б. Медникова

НЕИЗГЛАДИМЫЕ ЗНАКИ

татуировка
как исторический
источник

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2007

Исследование выполнено в Институте археологии РАН
в рамках тем «Природа и культура в морфологии человека»
и частично «Методы изучения процессов адаптации
в древних популяциях человека»

Медникова М. Б.

М 42 **Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник.** — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 216 с., ил. — (Studia naturalia). (Вклейка после с. 96)

ISBN 5-9551-0211-6

В отличие от других способов менять свою внешность — причёсок или грима — татуировка остается навсегда. Неслучайно в глазах многих древних народов ее нанесение было делом нелегкомысленным. Когда-то жители Борнео верили, что их рисунки действуют как факелы, освещая путь умершим в кромешной темноте царства мертвых. Древние греки и римляне использовали татуировки как наказание. Для алтайских скифов наколка служила воплощением священного текста. Чем же объяснить современную популярность манипуляций с телом? Может быть, первобытное мышление не покинуло нас безвозвратно?

В книге антрополога, доктора исторических наук М. Б. Медниковой татуировки и прочие неизгладимые знаки искусственного происхождения на теле человека рассматриваются как исторический источник. Привлекаются свидетельства археологии, физической и социальной антропологии, фольклористики, анализируются памятники древней письменности. Книга содержит разработку оригинальных научных идей, подаваемых, по возможности, в достаточно популярной манере, что позволит воспользоваться этими данными специалистам разных отраслей знания.

Издание предназначено для антропологов, культурологов, историков, археологов и самого широкого круга читателей.

ББК 28

*В оформлении переплета использован
портрет маорийского вождя (XIX в.)*

ISBN 5-9551-0211-6

9 785955

102115

© М. Б. Медникова, 2007

© Языки славянской культуры, оригинал-макет 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Татуировка: что это такое?.....	9
<i>Древняя универсальная традиция. Способ манипуляции человеческим телом. «Неизгладимые знаки». Разные способы нанесения татуировок. Основные идеи антропологов о происхождении татуировок. Татуировка с позиций «зооцентризма».</i>	
Глава 2. Источники исследования: археология, письменность, изобразительное искусство.	27
<i>Немного о мумиях. Древнейшая мумия в альпийских горах. Тайны пустыни Такламакан. Феномен в горах Алтая. Естественнонаучные методы в изучении пазырыкских мумий. Психология звериного стиля. Фигуры геральдики и наследие наших далеких предков. Теперь немного о костях. «Гарри Поттер»: история шрама. Письменные источники. Татуировки в Библии. Священные тексты и сообщения древних авторов. Свидетельства средневековых летописцев. «Татуировки» в изобразительном искусстве. Орнаменты трипольских статуэток. Остров Пасхи: маленькие тайны огромных статуй.</i>	
Глава 3. Тело как текст	83
<i>Культура до культуры. Природный язык тела. Тайны красоты и законы восприятия. Луна и солнце. Семантика частей тела. Тело — дом — храм. Управляю телом — управляю мирозданием. Феномен человеческого тела и происхождение изобразительного искусства. Палеолитические Венеры. Части тела в наскальных изображениях. Рисунки на частях тела.</i>	
Глава 4. Историческая география татуировок.....	110
<i>Африка. Ближний Восток. Индостан и Юго-Восточная Азия. Северо-Восточная Азия. Японские острова. Борнео (Калимантан). Н. Н. Миклухо-Маклай о татуировках в Океании. Меланезия. Полинезия, Микронезия, Фиджи. Новая Зеландия. Австралия. Южная Америка.</i>	

Глава 5. «Rich man — poor man, begger man — thief»	151
<i>Моряки, пилигримы, изгои, бродяги, преступники. Люди в замкнутом пространстве. Soldiers, sailors. Begger Man — Thief. «От тюрьмы да от сумы не зарекайтесь» — а значит, и от татуировок. «Сакральное» пространство тюрьмы. Татуировка у якудза. Роль изоляции в активизации мифологического мышления.</i>	
Глава 6. Современность и традиция. Назад к истокам?	180
<i>Суть эпохи — глобализация. Одиночество в большом городе. Постфольклор как средство общения. Эkleктика побеждает... Экстремалы. Самобичеватели в исторической ретроспективе. Единственная альтернатива. Этнические мотивы. Да здравствуют кельты и японцы! Возрождение архетипа. Элитарные развлечения. Современные опасности.</i>	
Вместо послесловия. Что с нами происходит?	206
Литература	209

ПРЕДИСЛОВИЕ

На столе у каждого уважающего себя алхимика или философа в эпохи Ренессанса и Нового времени должен был стоять человеческий череп. Можно считать, что это было напоминанием о бренности всего сущего, весьма наглядным «*memento mori*».

Автор предлагаемой вашему вниманию книги по роду деятельности палеоантрополог, т. е. специалист, имеющий отношение к исследованию останков древних людей, прошел обратный путь, который можно условно озаглавить «от костей к философии». На самом деле, если говорить серьезно, антропология — наука о человеке, занимающая пограничное положение в системе естественных и гуманитарных дисциплин, по моему глубокому убеждению, способна решать самые существенные и актуальные вопросы нашей жизни.

Антропология универсальна: она систематизирует знания о происхождении биологического вида *Homo sapiens*, изучает его естественную историю и физическую организацию. В широком смысле это уже давно система наук о человеке, включающая и такие сферы изучения, которые долгое время существуют самостоятельно (например, этнология, археология и др.). Подобное понимание антропологии до сих пор сохраняется в некоторых научных школах, преимущественно англоязычных. Попытки объединить естественнонаучный взгляд на человека со знаниями о его материальной и духовной культуре, языке далеко не случайны, они восходят к философским взглядам французских просветителей XVIII в.

Возможно, именно сейчас, в начале XXI века, вновь становится особенно актуальным сведение вместе разрозненных и «специализированных» знаний, добытых представителями смежных научных дисциплин на протяжении двух столетий раздельного существования. Биологическая антропология способна только обогатиться, обратившись к данным археологии, этнографии, древней истории, даже филологии и фольклористики.

Действительно, отделить биологию от культуры, обсуждая феномен человека, исключительно трудно. К тому же, возможно, некоторые культурные явления прямо проистекают из нашей биологической сущности со свойственными ей физиологией и психологическими границами личности.

Само человеческое тело на протяжении всей истории нашего вида выступало независимым культурным феноменом.

Наглядным примером служат разнообразные свидетельства манипуляций, изменяющих внешний облик. Среди таких действий, возможно, первое место принадлежит татуировкам, как ни удивительно, не менее актуальным сегодня, чем тысячи лет назад.

Понять, почему это происходит, мы и будем стремиться. А для этого рассмотрим тело человека как явление мировой культуры, а татуировки — как важный исторический источник.

Иногда поэты в нескольких словах могут выразить то, чему ученым требуется посвятить объемные научные труды.

Илья Кормильцев в стихотворении «Атлантида», например, написал следующие строки:

ты узнаешь меня по тайному знаку
я узнаю тебя по перстню на пальце
наша память хранит забытые песни
мы умеем плясать первобытные танцы.

В известном смысле, мы все — немного «жители Атлантиды». Чтобы лучше себя понять, обратимся к свидетельствам о культурных модификациях человеческого тела в древности. Почему действия, направленные на трансформацию и даже разрушение собственной природы, были столь популярны в прошлом и опять возрождаются сегодня? И наоборот, на каком историческом этапе развития возникло неприятие этих явлений? Я попробую ответить на эти вопросы на страницах данной книги.

ТАТУИРОВКА: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Древняя универсальная традиция. Способ манипуляции человеческим телом. «Неизгладимые знаки». Разные способы нанесения татуировок. Основные идеи антропологов о происхождении татуировок. Татуировка с позиций «зооцентризма».

Оба пола рисуют на своих телах Tattow, так называется это на их языке. Это делается введением краски черного цвета под их кожу, таким образом, что она не смывается. У некоторых бедно украшенные фигурки людей, птиц или собак; у женщин обычно просто знак вроде Z на каждом сгибе пальцев на руках и ногах. У мужчин тоже есть похожие и многие другие различные фигуры, например круги, кресты и т. д., которые имеют они на руках и ногах...

Их метод татуирования я должен сейчас описать...

*Из дневника капитана Джеймса Кука,
писанного во время его первого кругосветного плавания
на барке «Эндевор» в 1768—71 гг.*

Вопрос о происхождении татуировок вообще очень сложен и не входит в наши задачи.

С. И. Руденко

Что касается телесной красоты, то, прежде чем перейти к дальнейшему, я хотел бы знать, есть ли между нами согласие в определении ее.

Похоже на то, что мы не знаем, что такое природная красота и красота вообще, ибо приписываем человеческой красоте самые различные черты, а между тем, если бы существовало какое-нибудь естес-

твенное представление о ней, мы все узнавали бы ее так же, как мы узнаем жар, исходящий от огня. Но каждый из нас рисует себе красоту по-своему:

Turpis Romano Belgicus ore color

(Цвет лица белгов постыден для римлянина).

Мишель де Монтень, «Апология Раймунда Сабундского»

Древняя универсальная традиция

Прежде чем приступить к повествованию о татуировках в их историческом разрезе, нам предстоит определиться с некоторыми основными понятиями. Что может оказаться особенно важным для нашей книги? Какой багаж идей, накопленных учеными и мыслителями всего мира, лучше всего взять с собой в дорогу?

Первым делом, постараемся понять, в чем же заключается оригинальность условного современного человека по сравнению с его предшественниками. Изменился он или нет? Здесь мы будем иметь в виду не внешние изменения, хотя в работе о татуировках внешности, конечно, должно быть уделено первостепенное внимание. Нет, в данном случае речь идет о внутренней картине мира, диктующей нам многие действия.

По словам Мирчи Элиаде (2002), оригинальность и новизна современного человека по отношению к традиционным культурам — в его стремлении рассматривать себя как существо исключительно историческое, в его стремлении жить в Космосе радикально десакрализованном, то есть рациональном и потерявшем священный статус. По словам Ю. М. Лотмана (2001), история — вообще один из побочных результатов возникновения письменности.

Человека архаического история не интересует, его не интересует время, где все течет, все изменяется. Его мысли и дела занимает то, что мы можем в наш компьютерный век назвать Матрицей Первозданного Порядка. Его история Священна, она повествует о свершениях богов и героев-просветителей, и все происходящее лишь слепки с первоначальных событий, имевших место при сотворении мира.

Отсюда одно из важнейших различий между человеком архаической культуры и современным человеком — неспособность последнего проживать свою органическую жизнь как таинство. Совсем не таков человек традиционного общества. Элементарные физиологические явления становятся для него ритуалами, помогающими при-

близиться к реальности, освободиться от автоматических действий, лишенных содержания и смысла.

Наверное, поэтому манипулирование с телом в древности — неотъемлемый атрибут человеческой культуры. Чаще всего процедуры внешнего воздействия применялись при прохождении так называемых ритуалов перехода (при посвящении подростков, принятии в мужской союз, вступлении в брак, в знак траура).

В системе координат, помогавших представителям традиционных культур отсчитывать время, помимо космических реперов (наблюдений за движениями солнца, луны, звезд) основное место занимало пространство (иначе продолжительность) человеческой жизни.

С точки зрения биологии, период индивидуального развития или период онтогенеза человека подразделяется на раннее детство, отрочество, зрелость и старость. Каждый из этих этапов имеет четко выраженные психологические и физиологические особенности (мы все хорошо это знаем, наблюдая со стороны за своими детьми и родителями, братьями и сестрами). С социальной точки зрения время жизни человека традиционного общества тоже строго делилось на отрезки, наполненные разными ролями. Они во многом совпадали с периодами онтогенеза.

Рождается и растет ребенок. В традиционном обществе его достаточно поздно отнимают от груди. И вот уже первый самостоятельный возраст «от 2 до 5», когда вставший на ноги человечек активно осваивает мир. Согласно архаическим представлениям, он еще не полноправный член родовой общины. Если, не дай бог, что случится, он и похоронен будет иначе, не так, как взрослые. Года в 4 возможны первые посвятельные обряды. Но чаще это происходит в 6 лет. От 6 до примерно 10 лет — в традиционном обществе «период второго детства». Дальше идут подростки, в некоторых культурах раньше, в некоторых позже их вводят в мир людей (именно просто людей, потому что полноправные люди только взрослые). (Рис. 1.1)

Человеческое тело полагалось «доделать», чтобы оно соответствовало своему новому общественному состоянию. Ведь чтобы стать подлинным человеком, необходимо тоже походить на мифическую модель. Забежим немного вперед и приведем один пример: в некоторых племенах (нуэр в Африке) 6-летним детям выламывали нижние резцы, «чтобы показать различие между человеком и животным». Заметим, что именно в 6 лет постоянные резцы сменяют молочные зубы.

Здесь знания о темпах биологического развития послужили основой для возникновения ритуала.

Рис. 1.1. Детство – особый период в жизни представителя традиционного общества. Человека предстояло «доделать».

Переход из одной возрастной и социальной категории в другую всегда сопровождался ритуалом, как правило, болезненным, и отождествлялся с подобием смерти и последующим возрождением в новом качестве (инициация подростков, вступление в брак). Точку перехода (испытания) можно, по-видимому, соотнести в иных терминах с точкой бифуркации, с моментом раздвоения сценариев жизни и смерти. Ведь, скажем, в случае подростковой инициации можно не выдержать сложностей посвящения. Зато благополучно преодолевшие ритуалы испытания получали новое имя и «новую жизнь». Это свидетельствует об ином восприятии смерти, точнее, о семантическом равенстве смерти настоящей и ритуальной. Смерть при посвящении означала одновременно конец детства, неведения и самого состояния непосвященности. Эта мистическая кончина не содержала отрицательного эмоционального заряда, наоборот, она несла идею тотального возрождения Космоса и племени.

Как заметил Элиаде (2002, с. 16), в архаической мысли ничто лучше смерти не выражает идею «конца», завершенности, как ничто лучше, чем космогония, не выражает «творение», «деяние». Космогонический миф как абсолютная идея строительства вселенной — объект для бесконечных подражаний. Копирование космогонического

творения во всех доступных формах обеспечивает гарантированный успех в любой созидательной деятельности.

«Воссоздание мифа» и происходило во время ритуалов посвящения. Причем посвящаемых условно можно делить на три категории. Первая — наиболее многочисленная, к ней относятся лица обоих полов, достигшие соответствующего возраста. Вторая категория — вступающие в тайный союз представителей одного пола (были в истории союзы мужские, но были и женские тайные общества). И, наконец, наиболее ответственные испытания предстояло перенести будущим специалистам в области сакрального — шаманам и колдунам.

Прошедшие обряды люди несли на своем теле, в прическах и одежде соответствующие знаки, обозначавшие их социальный статус и этническую принадлежность, т. е. своеобразный сакральный текст. Манипуляции с телом и их последствия имели огромное информационное и психологическое значение для жизни представителей общества традиционной культуры. Не исключено, что они вообще оказали исключительное воздействие на становление «разумного человечества». Считают же некоторые антропологи, что действия, сопряженные с манипулированием телом покойного сородича, помогали умерить агрессию еще питекантропам и стали важным фактором социализации уже на стадии эволюционного развития, предшествовавшей появлению *Homo sapiens sapiens*.

Феноменология тела находит неожиданный отклик в работах современного философа В. А. Подороги. Он предлагает мыслить образ тела в образах становления, как совокупность порогов: «объект», «мое тело», «аффект». «Мы в каждый конкретный момент являемся смешанными телами — состояниями... мы всегда пересекаем этот уникальный порог становления, изменяя дистанции, обрывая и возобновляя коммуникации с собой и с Другим, захватывая и отдавая свои экзистенциальные территории, преобразуясь из одних тел в другие...» (Подорога, 1995, с. 20).

Слишком сложно? Ну что же, попробуем начать иначе...

Способ манипуляции человеческим телом

Татуировка — один из способов манипулировать человеческим телом, включающий нанесение шрамов, рубцов, прокалывание, прижигание.

В отличие от других способов менять свою внешность, например, причесок или грима, татуировка, как правило, остается навсегда. Уже одно это слово «навсегда» должно привлечь наше особое внимание...

Следовательно, в глазах наших предков нанесение татуировок было делом не легкомысленным. Считается, что фактические доказательства практики татуирования в древнем мире распространены уже в IV тыс. до н. э. в Египте. На самом деле, по-видимому, эта традиция намного древнее и распространена гораздо шире — и в мире, давшем начало современной западной цивилизации, и на Востоке, и на бесчисленных островах мирового океана.

Европейские исследователи традиционных культур Африки, Азии и Океании составляли подробные этнографические описания, повествующие об обычаях местных народов покрывать свое тело сложными орнаментами. В то же время многие сугубо европейские традиции долгое время оставались недооцененными.

Современное слово «татуировка» («tattoo» в международном варианте) происходит от полинезийского слова «tatau».¹ Капитан Джеймс Кук, первым из европейцев, услышал и записал это выражение в 1769 году.

«Неизгладимые знаки»

Л. Я. Штернберг, написавший более ста лет назад соответствующую статью для крупнейшей российской дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона, назвал татуирование обычаем выводить на теле неизгладимые знаки. Главная особенность татуировок, в отличие, скажем, от окрашивания, заключается именно в том, что наносимые знаки становятся нестираемыми навсегда. Поэтому, если говорить о «непреходящести» как о главном критерии татуировки, то помимо введения под кожу красящих веществ к ней следует причислить и многие другие необратимые манипуляции с человеческими телами, вроде шрамирования, намеренного выбивания зубов или даже ритуальных ампутаций.

Собственно говоря, об этом писали уже первые исследователи феномена татуировок. Они обращали внимание на то, что заметный эффект в нанесении на тело узоров достигается разными способами

¹ Объяснений этому слову приводится множество. Один из возможных вариантов мы рассмотрим в четвертой главе.

у светлокожего и темнокожего населения Земли. Действительно, введение красителей под кожу представителям негроидной расы или жителям тихоокеанских островов не может иметь такого эффекта, как у обитателя Северной Европы. Поэтому более употребительный и совершенный в художественном отношении способ татуировки для темнопигментированных граждан заключался в накалывании и рубцевании кожи специальными шильями, иглами, колючками, обломками раковин и тому подобными инструментами. По словам Штернберга, в таком виде татуирование напоминало процесс оспопрививания¹.

Разные способы нанесения татуировок

По мнению Л. Штернберга, самый первобытный инструмент для татуирования — природное острое колючки. Для создания сложных рисунков уже нужны другие приспособления, состоящие из соединенных в ряды остроконечников. Красящее вещество можно вводить под кожу разными способами. Краску втирают рукой по свеженаколотому месту или работают уже окрашенным инструментом, предварительно погружая его в соответствующий раствор. В некоторых традиционных культурах применяли устройство наподобие чернильной ручки.

Материалом для красителя очень часто служили угольный порошок, разведенный в воде, сажа от домашнего очага; позже — порошок. Для получения разноцветных узоров использовали киноварь и тушь.

Иногда татуировки наносили без предварительной разметки. Но, поскольку любые ошибки здесь непоправимы, рисунок иногда намечался заранее углем или даже при помощи специального штампа.

В разных культурных традициях интенсивность татуировки и шрамирования существенно варьировала. Это касалось и площади воздействия на кожные покровы, и глубины проникновения инстру-

¹ Поколение молодых людей, рожденных в восьмидесятые годы XX века, уже не застало обязательных прививок от оспы. Пожалуй, это единственный пример успешной борьбы человечества против смертельного заболевания. Всеобщая вакцинация привела к исчезновению болезни даже в странах третьего мира, и Всемирная организация здравоохранения решила прекратить оспопрививание. Сейчас сложилась любопытная ситуация. Округлые шрамы на внешней стороне предплечья приобрели новое, информационное значение. Они действительно сблизились по смыслу с татуировками, будучи способными «выдать» возраст молодого владельца шрама.

Рис. 1.2. Воин с Маркизских островов, XIX век.

ментов. В Японии, Новой Зеландии, на островах Пелау или на Формозе, на Маркизских островах узоры татуировки покрывали значительную часть поверхности тела, образуя живописный покров. (Рис. 1.2)

Многообразие традиций не облегчает работу этнографов, пытающихся интерпретировать феномен татуировки. К примеру, в некоторых племенах татуировки наносили только представителям одного пола, в других — были приняты разные знаки для мужчин и женщин, в третьих — общий племенной знак. Иногда татуировка была знаком профессии или конфессиональной принадлежности.

Часто, по мнению европейских очевидцев, процедура нанесения неизгладимых знаков «у первобытных народов» производилась с намеренной жестокостью. (Причины такой жестокости мы рассмотрим позже.)

Наиболее болезненна скарификация или шрамирование, поскольку вместо точечных уколов эта манипуляция сопряжена с разрезанием кожных покровов. Намеренно растравляя такие раны, представители некоторых традиционных культур добивались эффекта выступающих над кожей рельефных рубцов. Использование краски при таком методе татуирования совсем не обязательно, оно диктуется лишь культурными традициями.

Нанесение клейма, т. е. выжигание раскаленным металлом, еще один способ нанести на тело неизгладимый знак. Способ известен с глубокой древности, например, применялся носителями мучедольской археологической культуры в III тыс. до н. э. на Балканах (Медникова, 2001, 2004). Клеймение или, как раньше говорили, клеймование имело широко распространение среди африканских народов.

Еще один весьма болезненный вариант — прошивка кожи с последующим извлечением ниток. Иногда эти нитки предварительно обмакиваются в краску.

Но самый ужасный, по словам Штернберга, способ произведения неизгладимых знаков на теле связан с разными формами калечения. В результате делаются отверстия в щеках, носовой перегородке, губах, отрываются суставы на пальцах, выбиваются, обтачиваются или инкрустируются зубы и т. п. Самая безобидная разновидность пирсинга, перфорация ушной раковины, известная всем, кто носит сережки, в туземных культурах иногда доходит до такой крайности, что мочки ушей опускаются на плечи. (Рис. 1.3)

Рис. 1.3. Растягивание мочки уха у аборигенов Борнео.

Основные идеи антропологов о происхождении татуировок

Первоначально антропологи, пытаясь объяснить происхождение татуировок, обращали основное внимание на декоративное значение рисунков. В этом смысле несмываемые знаки рассматривались как закономерный итог эволюции идеи окрашивать тело или как постоянное украшение, которое не надо обновлять.

Эти взгляды в полной мере проявились в переведенной с французского энциклопедии «Человек и земля» (1906), в тексте, не менее цветистом, чем причудливые узоры самой татуировки: «...Первобытный человек применял искусство и к своей собственной персоне. Существуют племена, которые не носят одежды, но никогда еще не приходилось встречать племен, которые бы не украшали свое тело; если вообще и имеются представители человечества, которые живут в одиночку, изолированно и не стараются себя украсить, то, несомненно, таких людей можно найти разве лишь в среде каких-нибудь злодеев или людей, во всем отчаявшихся. В обычной жизни, как в прежние времена, так и теперь, человек постоянно старается нравиться другим или, по крайней мере, любит себя сам. Человек по природе своей не располагает такими вспомогательными ресурсами, какими обладают звери, птицы и пресмыкающиеся, у которых в течение периода любви вырастают украшающие их перья или появляется яркая окраска. Ему недостаточно ярких взоров, обаятельных улыбок, чувства своей силы и здоровья: ему необходимы еще особые прически и внешние украшения. Действительно, первобытные люди нисколько не меньше заботятся об украшении своей персоны, чем самые отъявленные фаты цивилизованного общества; нередко им случается проводить целые часы при создании своей сложной прически, и они гораздо сильнее увлекаются модой в выборе перьев, булавок, стекляшек и материй для украшения своего тела, чем охотой и войной. С каким наивным благоговением поворачивается во все стороны дикарь, чтобы показать все то великолепие красок, ярких и кричащих, которыми он изукрасил свои члены! Жирная земля, различные сорта глины, охры, а в тропических областях, особенно в Южной Америке, красящие плоды, например, генипа и руку, являются между объектами торговли одними из наиболее ценных. Украшения и узоры на теле различаются не только сообразно с материалами, доставляемы-

ми различными странами, но также и сообразно с формой прически и цветом лица; сами художники, опытные в кокетстве, умеют согласовать ту или другую окраску и производимый ею эффект со всеми этими условиями. Ко внешним средствам, служащим для того, чтобы делать себя более красивыми или, в других случаях, более страшными, первобытные люди присоединяли и до сих пор присоединяют во многих странах производство на теле неизгладимых отметин, делание рубцов и надрезов, удаление частей тела, татуировку и раскрашивание тела». (Рис. 1.4)

Этнограф Ф. Кох-Грюнберг описывал раскраску тела индейцами Южной Америки в следующих выражениях: «Молодежь раскрашивает себя почти каждый день, и встречаются настоящие дэнди, которые занимаются изобретением новых рисунков и тратят на свой туалет не меньше времени, чем европейская девушка, собирающаяся на бал» (Народы мира, 1916, с. 68).

Татуировка казалась характерной традицией «первобытных» народов, живших к моменту их знакомства с европейскими путешес-

Рис. 1.4. Спутник адмирала Крузенштерна Вильгельм фон Тиленау запечатлел калифорнийских индейцев в ритуальной раскраске (1806 г.).

твенниками преимущественно в теплом климате. Поэтому первоначально она считалась некоей заменой одежды, скрывающей тело обитателей Северного полушария.

Но такая «декоративная» трактовка не могла преобладать долгое время. Под напором фактов она уступила место признанию крайнего разнообразия причин, побуждающих представителей традиционных культур модифицировать свое тело.

Феномен манипуляций с человеческим телом занял столь важное место в наблюдениях этнографов, что в начале XX века А. Хэддон мог написать:

«Уродование тела надрезами, прободение носа и ушей, выбивание зубов, нанесение точек или насечек на коже совершается в разные периоды жизни; некоторые виды уродования производятся в раннем детстве, а искусственная деформация черепа посредством дощечек или бандажей начинается часто непосредственно после рождения. Мотивы, побуждающие первобытного человека уродовать свое тело, по объяснениям туземцев, весьма разнообразны; некоторые из них правдоподобны, другие вероятны, но во многих случаях трудно найти какое-нибудь логическое основание для них.

Некоторые женщины с западных островов Торрессова пролива вырезают на теле изображение своего тотема. На Борнео и частью в Новой Гвинее некоторые татуированные знаки служат указанием, что данный человек — воин и убил врага. У иных народов татуировка разрешается только человеку свободному, и, следовательно, она является сословным знаком. На Новой Зеландии иногда вырезывается на теле герб почетных предков. В иных случаях татуировка имеет целью сделать человека стойким против вредных животных либо излечить его или предохранить от болезни. Разрисовывание кисти руки у кайанов на Борнео препятствует удалению души из тела во время болезни, а кайанские женщины верят, что их рисунки действуют как факелы на том свете, где они, в противном случае, остались бы навсегда во тьме, такое же верование мы встречаем у народов Тихого океана. У разных народов мы находим разные объяснения обычая татуировки... Приведенных нами примеров достаточно, чтобы доказать, что первоначальным мотивом татуировки всегда было не одно только желание украсить свое тело, а, скорее всего, разнообразные цели социального или маго-религиозного характера. То же можно сказать и об искусственной деформации черепа...» (Народы мира, 1916, с. 14). (Рис. 1.5 и 1.6)

Европейские авторы начала XX века обсуждают несколько основных мотивов татуирования — декоративный как основной, информационный и магико-религиозный: «Желание нравиться или устрашать было не единственной причиной производимых страданий и иногда даже мук, претерпеваемых человеком при подобных операциях. Большинство племен и любой представитель каждого из них старались также отметить чем-либо свою индивидуальность, указать свое про-

Рис. 1.5. «Пирсинг» нижней губы у ботокудов Бразилии.

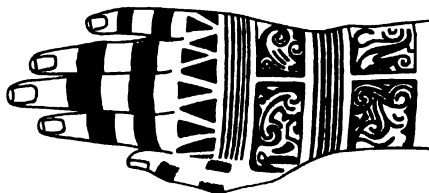

Рис. 1.6. Татуировка на руке даяков Борнео.

исхождение, похвалиться своими славными деяниями, удовлетворить своему тщеславию и утвердить свою славу на веки в памяти людей. У культурного человека наших дней имеется его паспорт и его документы, человек прежних времен выставлял все свои титулы пред лицом всех на своем собственном теле. Очень часто в подобных случаях отличия, к которым стремился человек, вели к уменьшению красоты, к обезображиванию его. Подобно тому, как цивилизованный человек иногда бахвалится своими пороками и преступлениями, так и дикарь хвастается своими руками, на которых не хватает пальцев, челюстями с выбитыми зубами, губами, которые растянуты кольцами, или рубцами на своем лбу. Иногда и другие причины побуждают человека обезображивать себя: носящие траур жертвуют добровольно частью своего тела в честь друга или родственника, отошедшего в вечность, либо с той целью, чтобы последовать за ним хотя бы одною частью своего "я", либо для того, чтобы сделать себе благосклонным дух усопшего, витающий над его очагом.

Все эти многочисленные причины ведут к одной и той же цели. Так, амулеты, предназначенные для того, чтобы защищать обладателей их от колдовства, являются в то же время и драгоценными украшениями: например, коралловое кольцо элегантной красавицы дает ей не только верную защиту от злых духов, но и выгодно оттеняет белизну ее шеи и красоту ее плеча. Татуировка, в своей первобытной форме очень грубая, сделалась затем одним из наиболее утонченных искусств; она развивалась, однако, лишь в странах, население которых может, прогрессируя в области умственного развития и техники, обходиться без одежды» (Реклю, 1906, с. 22).

Язык современных справочников более сух и рационален, но основные идеи, похоже, не изменились. В Британской энциклопедии татуировка — нанесение постоянных (долговременных) знаков или орнаментов путем введения пигмента под кожу, которое осуществлялось в большинстве частей света, кроме населения с темным цветом кожи и большинства китайцев. Орнаменты татуировок, в соответствии с представлениями разных народов, делаются с целью магической защиты против болезней и несчастий; обозначают статус человека, его принадлежность какой-либо группе. Но основной мотив татуирования — эстетический.

Татуировка с позиций «зооцентризма»

Итак, мы можем сказать, что татуировка для человека — один из способов манипулировать своим телом, фактически приводящий к искусственному изменению окраски кожных покровов. А как обстоит дело с естественной окраской тела у человека? И вообще, не вспомнить ли нам забытые большинством читателей со школы сведения об окраске животных? Это может оказаться полезным для дальнейшего повествования, ведь тезис о нашей принадлежности животному царству, кажется, никто еще не отменял (хотя попытки неизменно продолжают).

Причины многообразия видов были открыты Ч. Дарвином, сформулировавшим понятие естественного отбора — главной движущей силы эволюционных процессов. Естественный отбор отсекает менее приспособленные варианты и способствует выживанию наиболее приспособленных к конкретным условиям среды особей. Окраска и форма тела животных — наглядный пример адаптации организмов к среде обитания.

Если живое существо не обладает средствами защиты от хищников — мощными когтями, клювом, зубами и т. п. приспособлениями — оно часто имеет покровительственную (маскирующую) окраску, делающую его незаметным на общем фоне родной для него окружающей среды. Такая окраска характерна, например, для животных пустыни или для тех, кто может полностью «слиться» визуально с местной растительностью. Иногда чтобы «раствориться» в природе, нужна не однотонная окраска, а так называемая расчленяющая, или по-научному дизруптивная (от латинского слова *disruptus* — разорванный). Скажем, у травоядного и нехищного животного зебры Гранта окраска, на первый взгляд, очень заметная, черные полосы на белом фоне. Но, оказывается, в сумерках, когда крупные африканские кошки выходят на охоту, шкура зебры неотличима от растительности. Даже при достаточно ярком освещении, если зебра стоит неподвижно, сказывается оптический эффект противотени: освещаемая солнцем часть тела окрашена темнее. Темные полосы делают общие контуры прерывистыми, а животное — малозаметным. Но больше всего полосатая окраска помогает зебрам во время бега. Тогда мелькающие черно-белые полосы выглядят как серые, и животные благополучно «сливаются» с горизонтом.

Другой вариант реализуется, когда у зверя, птицы или насекомого есть чем себя защитить, например, ядовитыми или пахучими средствами. Такое животное будет окрашено в яркие, контрастные, предупреждающие цвета, оно как будто говорит окружающим «Не тревожь меня попусту, я несъедобный или даже опасный». Соответственно, эту разновидность окраски тела называют предостерегающей. Ею всюю пользуются сунсы, божьи коровки, осы, пчелы и шмели.

Наконец, есть виды животных, не имеющие средств защиты, но активно подражающие хищникам. Они используют угрожающую окраску, обычно заметную лишь при принятии каких-то особых поз.

Ну а кто не слышал о мимикрии — подражательном сходстве животных с растениями и другими животными в природной обстановке? В процессе эволюции некоторые виды приобрели способность выглядеть, к примеру, сучком, только бы не съел прожорливый хищник.

Да и сами хищники пользуются маскировкой и камуфляжем, чтобы подкрасться поближе к жертве. Тут, конечно, первыми на ум приходят невидимые в засаде среди листвы пятнистые леопарды или сливающиеся с саванной львы.

В процессе естественного отбора биологические виды приобрели совершенную окраску, идеально соответствующую конкретным условиям окружающей среды. Но, если по каким-то причинам условия меняются, быстро измениться животные не могут. Леопард не может повесить свою прекрасную шкуру на гвоздик и отправиться гулять в костюме кролика. А вот человек при помощи грима и одежды способен менять свой облик сколько угодно. В разных ситуациях одни и те же люди приобретают и покровительственную окраску (например, «дизруптивный» камуфляж), и предостерегающую (скажем, боевая раскраска индейцев или кельтов, демонстративно яркие, праздничные одежды элиты). Наши возможности перевоплощаться на время очень велики, и они вовсю реализуются во время обрядов перехода, в карнавальной культуре, в театре. (Рис. 1.7)

Но татуировка и прочие неизгладимые знаки — это нечто совсем другое. Это как шкура у леопарда, которую нельзя повесить на гвоздик, причем одетая навсегда и, как правило, добровольно. Татуировки, как и оттенок кожи, не смываются.

Рис. 1.7. Иногда человек тоже примеряет леопардовую шкуру... Исполнитель ритуального танца, Кения (по Groning, 2002, p.13).

Цвет тела у позвоночных животных обеспечивают хромофоры — пигментные клетки, содержащие в цитоплазме окрашенные вещества. Среди них есть меланоциты и меланофоры, несущие в себе меланин (он может быть от желтого до черного). Есть ксантофоры, содержащие каротиноиды, флавины и птеридины (оттенки от желтого до красного цвета). (Кстати, любители салатов из сырой морковки при неограниченном их потреблении рискуют приобрести необычный оранжевый цвет, что однажды случилось с автором этой книги.) Есть в природе и пигментные клетки иридоциты или гуанофоры, обуславливающие блестящую серебристую или золотистую окраску.

Некоторые обезьяны Старого Света (нашей предковой зоны) демонстрируют яркую окраску лица.

У высших приматов сильно развита мимика, что служит целям общения. У человека, по сравнению с ближайшими родственниками в животном мире, мимика несколько ослаблена из-за относительного недоразвития лицевых мышц. Тут возникает искушение сказать, что искусственная раскраска лица человеком может компенсировать этот недостаток и сделать внешность более выразительной, ведь общаться нам хочется не меньше, чем прочим приматам. Впрочем, здесь у человека большое преимущество: он единственный обладатель членораздельной речи.

Что же касается природной окраски тела, то, как мы знаем, она сильно отличается у представителей так называемых «больших рас» — негроидов, европеоидов, монголоидов. Существует значительная изменчивость в пигментации кожных покровов и внутри более мелких таксономических образований. Но, что можно сказать вполне определенно, невзирая на оттенок нашей кожи, ее окраска распределяется достаточно равномерно. С этой-то однородностью и «борется» татуировка в своем классическом варианте.

Только ли человек способен менять свой внешний вид?

Конечно, нет. Многие животные обладают способностью радикальным образом менять структуру своего тела. К примеру, в период размножения самцы оленей отращивают рога, самцы лососей «искривляют» челюсти, птицы приобретают яркую окраску. Но это делается не по воле разума, а под действием естественного отбора. Так может быть то, что способен сотворить со своим телом человек, тоже не подвержено влиянию разума, а подчиняется инстинкту? Ниже мы постараемся найти ответ на этот вопрос. И все-таки заранее предположим, что именно человек, единственный из представителей животного мира, способен осознанно и добровольно манипулировать собственным телом. Зачем ему это надо, уже другой вопрос.

Впрочем, исходя из теоретических предпосылок, мы можем составить некий перечень объяснений:

- чтобы достичь привлекательности в глазах представителей другого пола;
- чтобы защитить себя, придав себе угрожающий вид (интерпретация: человек как хищник);
- чтобы защитить себя, слившись с окружающей средой (интерпретация: человек как жертва);
- для общения с представителями своего и других сообществ.

По сравнению с другими животными человек по своей природе существо слабое, не вооруженное острыми когтями и зубами и вместе с тем достаточно агрессивное, причем агрессия эта часто обращена против представителей собственного вида. Когда было изобретено оружие, позволившее защитить себя и эффективно охотиться, люди из разряда жертв перешли в категорию хищников. Но ведь мы не рождаемся с оружием в руках, и наша природа остается двойственной. Поэтому, если исходить из общебиологических позиций, искусственная раскраска и, тем более, татуировка может быть аналогична природной мимикрии, то есть имитации облика хищного зверя. Подобные действия, по сути, представляют собой демонстрацию образа смерти, агрессии. В терминах социальной антропологии неизгладимые знаки татуировок неслучайно могут обозначать «путешествие в область смерти».

Мы — приматы, поэтому в нашем мире сильна патриархальная структура общественных связей. Матриархат как стадия социального развития, на существовании которой так настаивали классики марксистской философии, по-видимому, оказался вымышленным образованием. Наш мир — это мужской мир. А в мире суровых мужчин больше ценятся особи, испытанные в боях, покрытые шрамами сражений. Это традиционный показатель их агрессивности, успешности, иерархического положения. Искусственные шрамы и прочие неизгладимые знаки на теле тоже способны повысить социальный ранг их обладателя.

Конечно, в человеческом мире все гораздо сложнее, чем в мире обезьян. Татуировка говорит окружающим о принадлежности какому-то сообществу. Мы уже поняли, что шрам или наколка могут быть престижны, отражая высокий социальный статус своего владельца. Но они же могут свидетельствовать о наказании и унижении индивидуума. Характерный пример — татуировки, указывающие на приверженность определенной религии. В некоторых исповеданиях, включающих и христианство, божество воспринимается как господин (это очень отчетливо видно в английских обращениях «Lord», «Master», в русском «Господь», в аккадском «Бел»). Последователи такой религии осознают себя как рабы бога, и знаки на теле нужны как символ высшего подчинения.

Как подчеркивал Ю. М. Лотман (2001, с. 372), в основе универсального религиозного акта лежит не обмен, а безоговорочное *вручение себя* во власть. Отношения этого типа имеют характер безусловного дара. Добавлю от себя, безусловный дар — дар необратимый, все тот же «неизгладимый знак».

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ: АРХЕОЛОГИЯ, ПИСЬМЕННОСТЬ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Немного о мумиях. Древнейшая мумия в альпийских горах. Тайны пустыни Такламакан. Феномен в горах Алтая. Естественнонаучные методы в изучении пазырыкских мумий. Психология звериного стиля. Фигуры геральдики и наследие наших далеких предков. Теперь немного о костях. «Гарри Поттер»: история шрама. Письменные источники. Татуировки в Библии. Священные тексты и сообщения древних авторов. Свидетельства средневековых летописцев. «Татуировки» в изобразительном искусстве. Орнаменты трипольских статуэток. Остров Пасхи: маленькие тайны огромных статуй.

В этой главе мы поговорим о древних татуировках. Это словосочетание звучит необычно. Узоры наносятся на кожу — материал не слишком прочный и долговечный. На первый взгляд, о какой древности вообще может идти речь?

Конечно, большинство татуировок навсегда исчезли с лица Земли вместе с их владельцами. И все-таки ситуация для тех, кто хочет узнать о традициях прошлого, небезнадежная.

Во-первых, не будем забывать о мумиях — высушенных под влиянием природных факторов или специально забальзамированных телах наших далеких предшественников. Несмотря на то, что древних мумий в разных частях света найдено не так уж много, они очень сильно расширили представления ученых о распространении традиций татуирования.

А еще представим, что некоторые татуировки наносились очень глубоко, например, выжигались. Тогда они могли задеть даже кости.

Это вполне возможно в тех местах человеческого тела, где мышечный слой тонок или почти совсем отсутствует (например, на голове). Скелет сохраняется в почве гораздо лучше, чем мягкие ткани. Значит, есть шансы обнаружить следы радикального шрамирования при палеоантропологическом обследовании. И такие свидетельства действительно были обнаружены при археологических раскопках погребений.

Другой, наиболее многочисленный, источник информации о древних традициях татуировки — письменность. Некоторые авторы прошлого обращали внимание на обычаи своих современников из других племен. Конечно, этот источник информации более поздний, зато, в прямом смысле слова, красноречивый.

И, наконец, дошедшие до нас из глубины веков предметы изобразительного искусства тоже могут многое сказать о распространённости татуировок.

Немного о мумиях Древнейшая мумия в альпийских горах

Осенью 1991 года в высокогорных Альпах, на границе Австрии и Италии стояла необычно теплая погода. Снег, на который сильно рассчитывали облюбовавшие эти края альпинисты, неожиданно превратился в слякоть. Кто же мог подумать, что тирольская земля таким образом готовится раскрыть одну из своих тайн. 19 сентября в толще тающего ледника на высоте свыше 3-х тысяч метров над уровнем моря два альпиниста сделали весьма необычную находку, о чем незамедлительно поставили в известность местные власти.

Спустя четыре дня в горах высадилась группа судебных медиков. Они предполагали, что им предстоит идентифицировать останки еще одного погибшего под снежной лавиной любителя горнолыжного спорта. На встречу с «посланцем из прошлого» никто не рассчитывал. Глубоко врезаясь в толщу льда, прочно сковавшего найденное тело, криминалисты не сразу поняли, что странные куски кожи были когда-то одеждой покойного, а непонятные заостренные предметы — наколочки оружия, с которым когда-то охотился этот человек.

Разобравшись, медэксперты доставили замерзшее тело мужчины в лабораторию Инсбрукского университета. Забегая вперед, отметим: исследования сразу в четырех авторитетных научных центрах позволили установить, что он скончался примерно 5300 лет назад.

Все говорит о том, что несчастный житель Южного Тироля эпохи бронзы погиб в горах во время непогоды. Он так и остался лежать непогребенным в соответствии с принятыми тогда традициями, неоплаканным своими соплеменниками. Никто даже не подозревал о существовании этого индивидуума больше 5 тысячелетий, пока слепой случай не привел на место его последнего сна австрийских лыжников.

Нужно сказать, что специалистам по бронзовому веку чрезвычайно повезло. Впервые они получили в свои руки информацию о мумии европейца такой древности. Причем информацию для археологов уникальную. Удалось даже выяснить, что покойник ел на свой последний ужин (мясо и зерно). Ученым удалось воссоздать время года, когда случилось несчастье. Так, незадолго до гибели этот человек прошел мимо поля дикорастущей пшеницы, и спелые зерна припали к краю его одежды... Рядом с телом обнаружена замороженная терновья ягода — значит, дело было осенью.

Итак, погибший в горах мужчина, получивший имя Отци и псевдоним «Ледяной Человек», был в самом расцвете (25—40 лет). По какой-то необходимости, прихватив нужные ему орудия труда, он покинул свое селение и отправился в горы, заснул и не проснулся, а тело его сковала мерзлота.

На коже мумии сохранились следы татуировки. Доктор Франк Бар, президент Германской Академии Акупунктуры, обратил внимание на локализацию этих татуировок и предположил, что уже в эпоху неолита и ранней бронзы местное население располагало познаниями о биологически активных точках и применяло татуировку для предупреждения и лечения некоторых заболеваний. Современная практика акупунктуры основывается на представлении о том, что перфорация или раздражение кожи в определенных местах оказывает влияние на деятельность некоторых внутренних органов. Татуировки Отци покрывают спину и конечности, при этом девять из пятнадцати хорошо сохранившихся скоплений наколов совпадают с акупунктурными точками. Пять из них могли оказывать воздействие на мочеполовую систему.

А как обстояло дело с состоянием здоровья у Отци? На этот вопрос сумели ответить палеоантропологи. Зубы его уже были сильно стертые. На рентгенограммах видны следы износа посткраниального скелета под воздействием тяжелых физических нагрузок. Суставы костей конечностей у Отци подверглись изменениям, он страдал ар-

тритом. Этот человек не избежал травм (сломанные ребра) и обморожений. Ученые обнаружили доказательства того, что задолго до смерти Отци отморозил левую стопу (аналогичные изменения скелета встречаются и у современных высокогорных альпинистов). Но больше всего ученых поразили легкие человека бронзового века: они были абсолютно черные! Вот к каким последствиям привели долгие часы, проведенные у дымящихся очагов. В волосах Отци обнаружили высокую концентрацию меди. Поэтому весьма вероятно, что он часто присутствовал при обработке этого металла: либо сам занимался литейным делом, либо помогал кузнецу.

Кроме того, исследование мумии Отци с помощью компьютерной томографии установило, что он страдал от болей в спине из-за патологических изменений в поясничном отделе позвоночника. Специфическая татуировка могла преследовать целью лечение этого болезненного состояния. В общей сложности на теле Ледяного Человека обнаружены 58 татуировок. Большинство из них очень незамысловаты — в форме точек и коротких линий, наиболее сложная — в виде креста.

Тайны пустыни Такла-Макан

Раскопки археологических экспедиций в Синьцзянском районе проходили в непростых погодных условиях. Не один торговый караван когда-то сгинул в песках суровой пустыни Такла-Макан, отклонившись от маршрутов Великого шелкового пути. А ведь в первом тысячелетии до н.э. местный климат был иным. В оазисах складывалась своеобразная и богатая традициями цивилизация. Но изменилось русло реки, и жизнь отступила из этих мест, казалось бы, навсегда похоронив прошлое под толщей безмолвных песков.

В 70-е годы XX века в пустыню пришли китайские и уйгурские ученые, поставившие своей целью поиск осколков древнего мира в этом гиблом месте. Позже к ним присоединились французские и американские коллеги.

И упорство археологов было вознаграждено. Им удалось обнаружить и раскопать поселения и погребения, оставленные около 2,5 тысяч лет назад и даже раньше.

В синьцзянских могилах были найдены мумии. Судя по всему, бальзамирование здесь не практиковалось, и консервация мягких тканей умерших произошла благодаря удачному стечению обстоя-

тельств — прежде всего, сухому климату и тому же песку. В такла-маканских погребениях прекрасным образом сохранилась многоцветная одежда покойных, включая кожаную обувь, головные уборы и перчатки. Стало ясно, как эти люди одевались и как они выглядели. Сенсацией стали уже первые фотографии с раскопок, на которых были видны европеоидные лица усопших, причем с признаками, характерными для северных вариантов этой расы. Одну из таких погребенных даже назвали «богемской горожанкой» — настолько не соответствовали ее одежда и внешний облик местным реалиям Таримской впадины. Но эти находки не удивили антропологов, давно говоривших о проникновении европеоидного населения в глубины Центральной Азии, начавшемся с глубокой древности. Рассуждая о европеоидах в центре Азии, ученые обычно вспоминают полумифических динлинов — высокорослый, голубоглазый и рыжеволосый народ из старых китайских хроник. А профессор Пеннсильванского университета Виктор Мэйр, участвовавший в раскопках, убежден, что поздние такла-маканцы вошли в китайские летописи под именем юэцзей (Maig, 1995). Образцы митохондриальной ДНК, взятые от синьцзянских мумий, были изучены знаменитым генетиком Луиджи Ковалли-Сфорца и его коллегой Паоло Франкалацци. По предварительным результатам, древние жители Такла-Макана оказались ближе всего населению северо-запада Европы.

Другая сенсация поджидала специалистов после проведения радиоуглеродного датирования. Возраст мумий очень сильно различался: самая ранняя была погребена около четырех тысяч лет назад, самые поздние — за 200 лет до н. э.

В инфракрасном излучении стали заметны стертые следы татуировок на поверхности кожи. Они покрывали лица, руки, пальцы, спину. Возможно, эти рисунки отражали социальный статус и даже половую принадлежность древних жителей Такла-Макана. Например, на скулах пожилой женщины можно видеть красные полосы и остатки геометрического орнамента в виде угол-

Рис. 2.1. «Соляной» знак татуировки на лице мужской мумии из пустыни Такла-Макан.

ков. У мужчины на щеки были нанесены желтоватые, «солнечные» завитки — «полуспирали» (этому погребению около 3-х тысяч лет). Раскопавший могилу мужчины уйгурский археолог Долкун Кимбери видит связь между солярным знаком на виске мумии и индоевропейским культом бога Митры. (Рис. 2.1)

Любопытно, что похожий орнамент был распространен в конце раннего железного века у жителей Минусинской котловины — носителей таштыкской культуры. Таштыкцы, бывшие, по мнению ученых, выходцами с более южных территорий, наносили спиралевидный орнамент на погребальные маски, закрывавшие лицо покойного.

Феномен в горах Алтая

Исследования отечественных археологов в Горном Алтае не случайно находятся в фокусе пристального внимания специалистов и просто любителей древности со всего мира.

Когда минуло уже два тысячелетия с того момента, как будущий Ледяной Человек Отци навсегда заснул в альпийских горах, а цивилизация в глубине пустыни Такла-Макан еще процветала, не отступив перед песками, в горах Алтая жили племена кочевников-скотоводов.

Мумии представителей местной пазырыкской культуры, населявших степные долины на границе современных Казахстана, Монголии и Китая в V—III вв. до н. э., стали главным доказательством практики татуирования не только в скифскую эпоху, но и вообще в древности. До раскопок на Алтае представить себе подобное было просто невозможно.

Первой находкой с богато представленной татуировкой стала мумия вождя, обнаруженная экспедицией С. И. Руденко во втором Пазырыкском кургане в 1948 году и хранящаяся с тех пор в Государственном Эрмитаже. (Рис. 2.2а, б, в, г)

Топография наколки подробнейшим образом была описана автором раскопок.

На груди татуировка плохо сохранилась, но над сердцем различима голова львиного грифона. На правое плечо нанесено изображение оленя.

По правой руке сверху вниз идут изображения клыкастого хищника, оленя с орлиным клювом, горного барана, фантастического крылатого зверя с кошачьим хвостом, на том же уровне — кулана или осла. На левой руке изображены два оленя и горный баран.

На наружной стороне правой голени, от коленной чашечки до щиколотки, изображена рыба. В верхней части стопы — фантастический клыкастый зверь с кошачьим хвостом. Там же, в области рта зверя — округлые шарики. Такие же кружки нанесены вдоль позвоночника. С внутренней стороны голени — сверху рогатый и крылатый зверь с длинным хвостом, ниже — четыре мчащихся горных барана или козла.

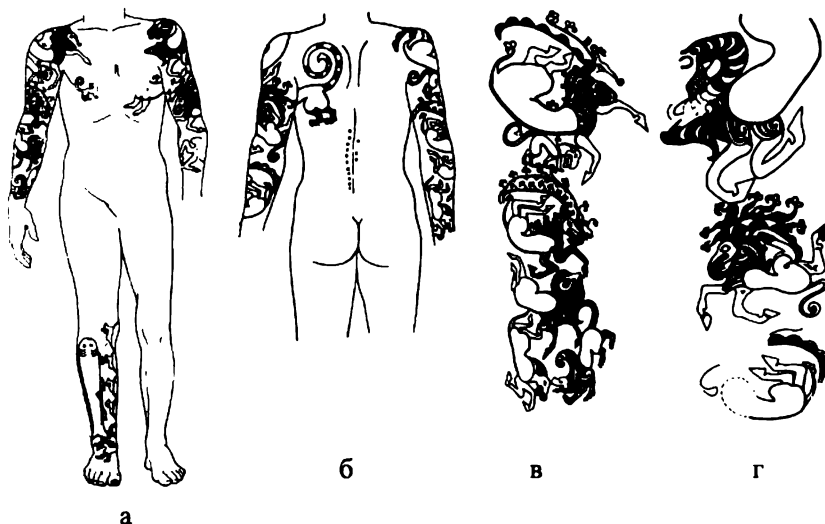

Рис. 2.2. Татуировка на теле мужчины «вождя» из второго Пазырыкского кургана (по Руденко, 1953, с.137—139), а — вид спереди, б — татуировка на спине, в — на правой руке, г — на левой руке.

Публикация С. И. Руденко обрела всемирную известность, но пятьдесят лет назад трудно было ожидать, что в этом же регионе, в Горном Алтае будут сделаны открытия, не уступающие по своему значению самым первым раскопкам. Исследования Н. В. Полосьмак и В. И. Молодина стали одним из крупнейших археологических событий XX века.

Экспедиция Новосибирского Института археологии и этнографии выбрала для своих раскопок самую южную точку российского Алтая. Плато Укок на высоте 2,5 тысяч метров граничит сегодня с иностранными государствами: Казахстаном, Монголией, Китаем. Но

этих границ не было в древности, и в скифскую эпоху кочевые племена свободно преодолевали большие расстояния в поисках новых пастбищ. По мнению археологов, пазырыкцы проводили на плато самую суровую пору — зиму и весну. Летом они отгоняли свои стада. Но перед тем как уйти до зимы, алтайские скифы совершали захоронения тех соплеменников, кто не дожил до лета. Именно большое число погребальных курганов на поверхности плато говорит о том, что в эпоху раннего железа люди чувствовали себя здесь как дома.

Что же привлекало кочевников в эти очень суровые места? Как считает Н. В. Полосьмак, пазырыкцы сумели освоить все богатства Алтая, необходимые для жизни скотовода. Им были знакомы местные месторождения золота, железной руды, киновари, меди, олова. Ученые давно допускают, что именно с носителями пазырыкской культуры и их предками связана легенда античного мира о «стерящих золото грифах». Изобилие алтайской природы позволяло не просто выживать, но и вести активную торговлю, в результате чего в быт горцев проникали экзотические шелка, раковины каури, стекло и бисер. Скифские племена Алтая умели изготавливать тончайшую золотую фольгу, которой покрывали искусно вырезанные деревянные украшения. Они не делали массивных литых изделий из золота, как их западные собратья, но мерцание пазырыкских вещей, окружавшее их повсюду, символизировало идею верховной власти и бессмертия. Нужно признать, что пазырыкцы не только снабдили своих покойных металлом, символизировавшим вечность, но и сумели добиться, чтобы их тела остались нетленными.

Укок — одна из самых высокогорных равнин Алтая. Вокруг простираются громадные ледники. Мерзлота не отступает и в «теплое» время года. Льдом сковывает края горных речек, текущих на равнине, неожиданно идет снег. По словам Н. В. Полосьмак, пазырыкцы были хорошо знакомы со свойствами вечной мерзлоты, они сознательно использовали эти свойства для сохранения тел умерших в нетленном виде. Если вырыть в местном грунте яму, она быстро заполняется проникающими подпочвенными водами, которые вскоре превращаются в ледяную линзу.

В такой «оправе» из льда летом 1993 года нашли тело молодой женщины, руки которой, включая некоторые фаланги пальцев, были сплошь покрыты татуировкой. Останки погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха принадлежали девушке очень высокого социального статуса. (Рис. 2.3а)

На левом ее плече — копытное с клювом грифона, со стилизованными рогами козерога и оленя, увенчанными головками грифонов. Такая же головка видна на спине животного, изображенного с перекрученным туловищем. Ниже, в аналогичной позе — баран с запрокинутой вверх головой. Позади барана — длинный барс с закрученным хвостом. Под ними — фантастический зверь, с лапами хищника, туловищем оленя, хвостом тигра и тоже вырастающей из спины головки грифона. Часть татуировки плохо сохранилась, но на запястье левой руки видна головка оленя с ветвистыми рогами. На второй фаланге большого пальца — копытное животное с перекрученным туловищем. Мелкие знаки виднелись на среднем и безымянном пальцах левой руки.

В 1995 году экспедиция под руководством В. И. Молодина при раскопках кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 обнаружила замерзшее тело третьего татуированного пазырыкца. Им оказался молодой мужчина, и через его левое плечо навсегда «свесилось» фантастическое копытное животное (с туловищем оленя, клювом грифона, головками грифа на рогах и спине). (Рис. 2.36)

Н. В. Полосьмак посвятила пазырыкским татуировкам очень глубокое исследование. Она прежде всего отметила идентичность стиля и способа нанесения всех татуировок, единство образной системы. Кроме того, есть определенное сходство в локализации одних и тех же рисунков — верхнюю часть плеча и у мужчины, и у женщины занимали изображения фантастических копытных; они чередуются с изображениями баранов и хищников из семейства кошачьих. При известном разнообразии татуировки у всех трех мумий их объединяет повторяемость элементов рисунка. Н. В. Полосьмак видит объяснение консерватизма традиции в том, что на человеческое тело наносили не просто орнамент,

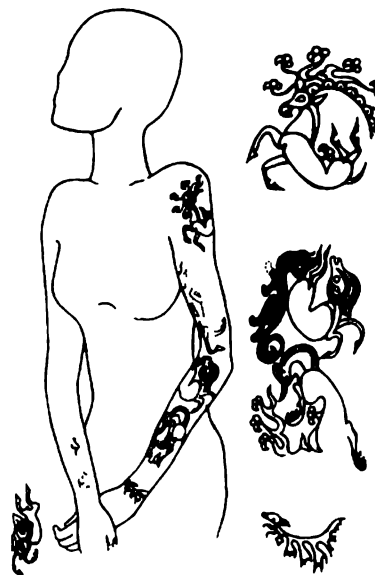

Рис. 2.3а. Татуировка на теле женщины пазырыкской культуры, погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 (по Полосьмак, 2001, с. 229).

Рис. 2.36. Татуировка на теле мужчины пазырыкской культуры, погребенного в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В.И.Молодина, по Полосьмак, 2001, с. 229).

а знаковую систему, «текст». Пазырыкская культура относилась к бесписьменным цивилизациям, поэтому она была ориентирована не на умножение текстов, а на их повторное воспроизводство. По Ю. М. Лотману, в таких случаях роль письменности выполняют мнемонические символы. По-видимому, к этой категории относятся пазырыкская татуировка. По словам Н. В. Полосьмак, рисунки на телах — это образный язык пазырыкской культуры, ее письмо, тщательно сохраняемый язык предков. Соответственно, местная татуировка — сакральное письмо, передающее важную информацию мифологического характера. Неслучайно образы

татуировки соответствуют изображениям с одежды, утвари и оружия. Так происходило переоформление естественного человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости.

Еще в 1961 году ленинградский археолог М. П. Грязнов, выдающийся исследователь древностей Южной Сибири, высказал предположение, что татуировка «вождя» из Второго Пазырыкского кургана предназначалась для демонстрации, например, обнажалась в момент публичных состязаний, во время борьбы. Причем не только для борьбы с другим богатырем, но для ритуального единоборства с чудовищем, для «шаманской схватки». Развивая эту мысль, Н. В. Полосьмак пишет: не для того наносилась татуировка, чтобы скрывать ее под одеждой. При важных событиях воины сбрасывали с плеч распашную шубу, державшуюся на одном поясе, и обнажали торс, женщины вскидывали разрисованные руки. Эта картина могла символизировать наивысшее единение племени алтайских скифов.

К сожалению, такого единения не наблюдается у многих жителей нашей страны, особенно по отношению к научным исследованиям. Раскопки, вызвавшие колоссальный интерес общественности, привели к парадоксальному и очень печальному результату. Некото-

рые представители современного алтайского населения, проникнувшись невероятной значимостью свершившихся открытий, объявили себя прямыми потомками «прародительницы алтайской нации» и обрушились на археологов, нарушивших ее «сон во льдах». В конце концов, парламент республики Горный Алтай запретил новосибирским археологам продолжать исследования на плато Укок. Это произошло в 1996 году, и разум до сих пор не возобладал. Удивительнее всего то, что этнические группы, населяющие сегодня Алтай (алтай-кижи, теленгиты, шорцы, кумандинцы, тубалары), — это потомки племен, мигрировавших с юга в I тыс. н. э. А пазырыкцы жили на плато Укок на тысячу лет раньше, в середине I тыс. до н. э. Кроме того, пазырыкцы были ярко выраженными европеоидами, с незначительной примесью местного палеосибирского субстрата. А нынешнее население Алтае-Саянского нагорья в большинстве принадлежит к центрально-азиатскому варианту большой монголоидной расы. Но, когда говорят эмоции, подобные аргументы слишком сложны и доступны только специалистам. По-видимому, поиск исторических корней и попытки самоидентификации способны заглушить и не такие доводы.

Казалось бы, на этом история алтайских татуировок пока закончилась. Тем более, после абсурдного запрета на проведение раскопок надеяться на поступление новых материалов с Алтая не приходилось.

И все же новое открытие состоялось. В начале 2005 года на суд научной общественности был представлен доклад сотрудников Государственного Эрмитажа Л. Л. Барковой и С. В. Панковой о новых татуировках, обнаруженных при детальном исследовании мумий, долгие годы хранящихся в отделе археологии Восточной Европы и Сибири.

Три мумии (две женские и одна мужская) происходят из тех самых раскопок С. И. Руденко пятидесятилетней давности. Еще одна мужская мумия была найдена в 1969 г. в Хакасии экспедицией под руководством московского археолога Л. Р. Кызласова. Именно при обследовании хакасской мумии из могильника Оглахты реставраторы заметили неотчетливые следы орнамента на коже. Освобожденную от одежды мумию подвергли инфракрасному облучению, и на поверхности кожи проступили ранее незаметные «письмена». Оглахтинский мужчина принадлежал таштыкской археологической культуре, распространенной в Минусинской котловине около двух тысяч лет назад. Его тело оказалось покрыто симметричными узорами на плечах, груди, руках, на спине и сзади на шее. Как сообщают исследователи,

татуировка, в основном, имеет вид небольших запятых и розеток (локализация: руки и грудь). С внутренней стороны локтя изображение более предметно, и там вытатуированы лук со стрелой. На плечах и спине имеются крупные фигуры с острошками-щупальцами.

Как можно заключить из предварительного сообщения, некоторые элементы таштыкской татуировки повторяют орнаментальные мотивы, ранее известные для других проявлений изобразительной деятельности этого населения раннего железного века. Специалистам давно знакомы богатые традиции наскальной живописи у древних обитателей Минусинской котловины. Другое направление многообразно проявилось в рамках таштыкского погребального обряда, включавшего сложное обращение с телом умершего, в ряде случаев, по-видимому, приемы мумификации и, главное — создание посмертных масок. Изготовленные из глины и покрытые снаружи тонким слоем гипса маски достаточно условно передавали облик покойных. В то же время, вероятно, огромное значение придавалось орнаментации погребальных масок, которые раскрашивались сложными узорами. Спиралевидный орнамент на лбу и щеках масок, возможно, связан с древним солнечным культом. Не исключено, что узоры на погребальных масках лишь имитировали принятую у таштыкцев традицию наносить роспись или татуировку на лицо. Собственно говоря, именно такой обычай был обнаружен исследователями синьцзянских мумий. (Рис. 2.4)

Рис. 2.4. Раскрашенная погребальная маска таштыкской археологической культуры. Могильник Уйбатский Чагатай (по С. В. Киселеву).

Успех при обследовании мумии из Южной Сибири побудил ученых из Эрмитажа сфотографировать в отраженных инфракрасных лучах оставшиеся пазырыкские останки. Результаты превосходили все ожидания. Все мумии оказались покрыты татуировками, ранее совершенно незаметными на потемневшей коже. Рисунки выполнены в традиционной пазырыкской манере. Они представляют и отдельных животных, и сцены терзания хищниками копытных. Среди хищников — тигры и барсы, среди копытных — лошади, архары,

косули. Есть изображения птиц и фантастических существ (копытных с птичьей головой, хищников с крыльями). У всех были татуировки на плечах, руках, больших пальцах рук. У мужчины, помимо этого, татуированы спина и голень. То есть теперь можно уверенно говорить о том, что татуировка — обязательный атрибут взрослого пазырыкца, делавшая его полноправным членом общества, хранителем мифического наследия предков.

Естественнонаучные методы в изучении пазырыкских мумий

По мнению С. И. Руденко (1953, с. 140), татуировка выполнялась либо прошиванием кожи, либо нанесением уколов с введением под кожу красящего вещества (сажи). Она производилась задолго до смерти, скорее всего, в молодости. До сих пор неясно, намечали предварительно рисунок или нет. Основываясь на многочисленных этнографических источниках, описывающих обычаи обских угров, тувинцев и алтайцев, исследователи предположили: красящим веществом могла быть сажа. Сажа от котла символизирует для кочевника домашний очаг, дом, род.

Для проверки этой гипотезы образцы тканей женской мумии из могильника Ак-Алаха-3 были изучены в лабораториях Института катализа и Института неорганической химии СО РАН методом спектрального микрозондового анализа. На коже проявились точечные зоны с поперечником около 20 мкм с высоким содержанием калия. Точки — места, которых касалась игла кольщика. А скопления калия свидетельствуют о растительном происхождении красителя. В нее могли входить обуглившиеся остатки растений, то есть действительно сажа.

Другие исследования мумий, непосредственно не связанные с изучением татуировки, уточнили данные об образе жизни алтайских скифов.

Так, судя по изотопному анализу образцов костей и волос, пазырыкцы охотно ели рыбу (Феномен алтайских мумий, 2000, с. 236). Казалось бы, этот вывод достаточно тривиален, ведь алтайские реки и озера изобилуют живностью. Все дело в том, что среди некоторых современных народов юга Сибири и Центральной Азии употребление в пищу рыбы было табуировано (например, в некоторых группах хакасов или у монголов).

Пазырыкцы, как и все кочевники евразийских степей, в основном питались мясом и молочными продуктами, но нельзя отрицать, что рыба играла в их жизни большую роль.

Рыба как сюжет татуировки или войлочных украшений седел, найденных в кургане могильника Ак-Алаха-1, вполне возможно, отражает не только гастрономические интересы пазырыкской элиты.

Если говорить о татуировке на голени мужчины из Второго Пазырыкского кургана, нельзя не отметить возможный сакральный смысл этого изображения.

Стилизованные изображения теплокровных копытных животных неслучайно присутствуют в верхней части тела, украшая руки и туловище. Изображение холоднокровного существа (рыбы) украшает нижнюю конечность. На наш взгляд, это вполне может отражать противопоставление двух разных стихий (воздушной и водной), и, в конечном счете, двух миров — мира живых и потустороннего. К такой трактовке нас подталкивает и неоднократно высказывавшееся разными учеными представление о связи изображений нижней конечности (стопы) с хтоническими, часто змеевидными, божествами из «преисподней» (Дэвлет, 2004а). Кстати, подобное восприятие рыбы и лежит в основе поздних пищевых запретов.

Психология звериного стиля

Звериный стиль — характернейшая особенность скифской эпохи на обширных пространствах Евразии. Как видно, он воплотился не только в выразительных предметах декоративно-прикладного искусства раннего железного века, но и такой форме изобразительной деятельности, как татуировка.

Любопытно, как некоторые современные психологи (например, П. Веденин) пытаются объяснить подобные изобразительные сюжеты сегодня. Рисунок хищника с оскаленными клыками может принадлежать кисти человека, склонного к насилию. Эти изображения увязываются с аффектами — состояниями дикой неуправляемой ярости. По мнению Веденина, так проявляет себя архетип звериного начала, бывший сутью пред-человека и помогавший ему выжить в схватке с враждебным миром.

С точки зрения психоанализа, широкое распространение хищников и сцен терзания копытных животных в изобразительном искусстве скифской и сарматской культур свидетельствует об особенностях

психологического состояния тогдашнего общества. По данным археологии и благодаря письменным свидетельствам древних авторов установлено, что у скифов, сармат и многих других современных им народов в основе общественного устройства была так называемая «военная демократия». Социальное положение воина было сопряжено с особым престижем, и, соответственно, общий уровень агрессивности также, по-видимому, был весьма высок. По крайней мере, сведения антропологии о частом военном травматизме среди сарматского населения подтверждают эту гипотезу.

Фигуры геральдики и наследие наших далеких предков

Разговор о татуировках у представителей общества военной демократии и о зверином стиле неизбежно подталкивает нас к рассмотрению другого значимого явления, распространившегося в мире, где статус воина был чрезвычайно высок. Речь идет о гербах и геральдике средневековой Европы.

В соответствии с принятым повсеместно определением, герб — это эмблема, наследственный отличительный знак, сочетание цветов, предметов и фигур на котором имеет символическое значение. Построение герба подчинялось строго определенным правилам. Владельцами гербов были как отдельные люди, так и целые сообщества.

Некоторые современные специалисты в области геральдики, говоря о происхождении европейских гербов, склонны к самым прагматическим объяснениям. Например, французский историк Мишель Пастуро (2003) считает, что гербы возникли в средневековье из-за необходимости различать воинов, одетых в одинаковые доспехи, во время битвы. Он не видит предшественников гербов ни среди символов античности, ни в германских рунах, ни на Востоке. Во времена первого крестового похода гербов еще не было, но ко второму они уже украшали щиты европейского воинства. Защитное вооружение (кольчуга и шлем, скрывавшие фигуру и лицо рыцаря) пробудило желание быть узнаваемым. Якобы именно поэтому возникла потребность расписывать щиты яркими и узнаваемыми картинками.

Дополнительным «средством опознавания» стал так называемый гребень, прикреплявшийся к верхней части шлема. Описывая эти наверхшия, которыми могли быть рога, перья или еще более экзотические украшения, многие авторы используют аналогии с масками и даже то-

темами. Гребнями украшали шлемы еще воины античной эпохи¹. Этот декоративный элемент служил устрашению противника. У средневекового рыцарства плюмажи и гребни носили более парадный характер. С течением времени гребень мог стать дополнением герба, передаваясь по наследству. Подобная практика стала особенно характерной для польского и венгерского дворянства, в среде которого представители одного рода носили одинаковые фамильные гребни, иногда дававшие имя всему клану (Пастуро, 2003, с. 69).

Как бы там ни было, герб в средневековье стал важнейшим общественным кодом, расшифровывая который можно было узнать о происхождении человека, семейных (в том числе брачных) связях, об истории приобретения титулов и земельных владений. Конечно, только один наследник, старший в первой по старшинству ветви, владел «полным» фамильным гербом. Младшие сыновья обязаны были вносить в герб небольшие изменения, так называемые бризуры. Женщины наследовали отцовский герб, а выходя замуж объединяли его с гербом супруга.

Возникнув на поле боя, гербы очень скоро стали востребованными всеми сословиями. По-видимому, потребность в символике, простой, наглядной и очевидной современникам, отвечала потребностям представителя той эпохи, нуждавшегося в самоидентификации и подтверждении своей принадлежности гильдии купцов, цеху ремесленников или, тем более, древнему дворянскому роду. Нарисованные символы стали выполнять очень важные информационные функции. Они служили средством общения, консолидации и размежевания. Любопытно, что графические символы стали необходимы и получили распространение в «варварских» частях бывшей римской империи, где объединяющую роль играл раньше латинский язык. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что геральдические символы в эпоху средневековья стали надэтническим языком общения.

За короткий промежуток времени геральдическая лихорадка охватила Европу, и существование свободного человека без герба стало просто невыносимым. Мало того, на средневековых гравюрах мож-

¹ Можно вспомнить и перья в головном уборе американских индейцев. По мнению французского специалиста в теории знаков Люка Бенуаса (2004), они служат символом высшей духовной власти великих вождей. Он проводит аналогию между этим украшением и крыльями, прикрепленными к ногам посланника богов Гермеса, воплощающими идею освобождения от силы тяжести, способность к полету и связь с небесным миром.

но видеть дьявола, держащего в руках щит с персональным гербом! Обычно это изображения трех зеленых жаб или простой щит с изломанными линиями (Пастуро, 2003, с. 85). В баварском манускрипте позднего средневековья придуман герб для Бога: вилообразный крест, символизирующий троицу, а на гребне голубь, в напоминание о Святом Духе (Пастуро, 2003, с. 86). Альбрехт Дюрер даже разработал герб для Смерти (Пастуро, 2003, с. 30). На этом фоне уже не выглядит удивительным наделение гербами персонажей античной литературы, например, действующих лиц «Энеиды» Вергилия.

Древние гербы имели простые очертания, представляя собой, как правило, одноцветную фигуру на поле иного цвета. Номинально использовали всего шесть цветов, хотя за счет разных оттенков палитра гербов была достаточно разнообразной. Избранные шесть цветов называли особыми словами, что, безусловно, подчеркивает их далекую от обыденной декоративности природу. Так, под «золотом» подразумевался желтый; «серебром» называли белый, «червленью» или «киноварью» — красный, «чернью» — черный, «зеленью» — зеленый. Совсем редко при построении гербов использовался седьмой цвет — пурпур или багрянец (на деле фиолетовый), но его не считают полноправным геральдическим цветом. Как подчеркивают специалисты, цвета геральдики выступали как некая обобщенная категория, духовная, а не материальная.

Любопытно, что геральдические цвета не совпадают полностью с цветами спектра. (Вспомним знаменитую фразу «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», помогающую воскресить в памяти красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый цвета.) Иерархия цветов и определенные предпочтения заметны и в разделении геральдических красок на две категории: первая — серебро и золото, вторая — все остальные. По правилам составления гербов запрещалось соседство двух цветов одной категории. Скажем, если поле щита серебряное, фигура геральдического животного не могла быть золотой.

Теперь перейдем к самим изображениям. В гербах часто рисовали геометрические орнаменты, звериные головы, лапы, хвосты, плоды и листья деревьев. Со временем изображения все больше усложнялись.

По мнению специалистов, первоначально смысл и неповторимость гербам придавали фигуры зверей. До сих пор у трети известных гербов центральный элемент композиции — фигура животного. Предпочтение отдавалось льву (до 15 % в обобщенных данных по

средневековой Европе [Пастуро, 2003, с. 58], впрочем, в большинстве центрально- и западноевропейских средневековых государств доля изображений львов составляла 60—70 %, там же, с. 102).

Лев — царь зверей, в этом не сомневаются самые маленькие дети. Однако в природных условиях тех стран, где эти представления столь сильны, львы не встречаются уже несколько тысячелетий или не встречались вовсе. По данным палеозоологов, львы обитали в южной Европе, например, на Балканах, но были истреблены уже в эпохи энеолита — ранней бронзы, то есть за IV—III тыс. до н. э. Еще раньше, в каменном веке, Европу населяли пещерные львы, современники кроманьонцев. Тем не менее, память об этих могучих зверях, а может быть, мифические представления, унаследованные от далеких и южных предков, оказались столь сильны, что лев (а не медведь) — главное геральдическое животное Европы.

Кто знает, насколько далеко в прошлое человечества уходит страх и преклонение перед огромными дикими кошками? Единоборство героя (бога, царя, вождя) со львом, например, важнейший сюжет в наследии древнейшей цивилизации, сложившейся некогда в Месопотамии, в междуречье Тигра и Евфрата. Шумерский эпос о Гильгамеше, дошедший на глиняных табличках, рисует картину победы над львом — картину, многократно воспроизведенную в шумерских, аккадских, вавилонских, ассирийских каменных изваяниях и печатях.

Или, может быть, интерес ко львам и леопардам, а значит, истоки звериного стиля имеют еще более глубоко спрятанные причины, тающиеся в подсознании представителей нашего вида?

Этот вопрос не риторический, и ответ на него дали этологи, специалисты по поведению животных и человека. Не секрет, что наши далекие предки, представители гоминидной линии эволюции, очень долгое время, на протяжении миллионов лет, жили в тропической зоне, а точнее, в Африке. Как пишет замечательный зоолог В. Р. Дольник (2004), для наземных приматов, в том числе для прародителей человека, самым страшным хищником был леопард. Поэтому в процессе естественного отбора сформировалась инстинктивная поведенческая программа, заставляющая нас с особым вниманием относиться к внешним признакам крупных кошачьих. Это касается окраски — желтая с черными пятнами до сих пор вызывает у нас подсознательную тревогу, чем пользуются, например, рекламщики или конструкторы дорожных знаков.

В инстинктивной программе «свой», главный хищник — это тот, кто однажды прервет твою жизнь. Его надо бояться. Но, поразительное дело — он же обладает наибольшей притягательностью! По словам В. Р. Дольника, возникший в процессе эволюции инстинкт побуждает приматов восхищаться хищной кошкой. Врожденное «чувство прекрасного» заставляет из безопасного укрытия наблюдать за повадками страшного врага и готовиться к последней встрече с ним. Парадоксальны законы восприятия: мы восхищаемся грациозностью леопардов, львов и тигров, готовых нас сожрать в любую минуту, и как к пародии на человека (вполне безопасной) относимся к нашим ближайшим родственникам — обезьянам.

Пытаясь понять скрытые механизмы человеческого поведения, этологи давно обратили свой взгляд на виды приматов, не столь близкие к нам, как человекообразные обезьяны, но зато живущие в тех же условиях, что и наши предки. Такими животными, населяющими открытые пространства африканской саванны, оказались собакоголовые обезьяны. И, как выяснилось, именно наблюдения за павианами, гамадрилами и бабуинами позволили выявить очень близкие современным людям формы поведения.

Во главе сообщества павианов стоят старшие по возрасту доминантные самцы (самая настоящая геронтократия). Их участь в конце жизни предопределена: либо их свергнут более молодые и сильные, жаждущие власти особи, либо они погибнут в схватке с леопардом. И вот, оказывается, однажды геронт-павиан может пересилить страх и на глазах у своего стада вступить в смертельную схватку с леопардом. В этой без преувеличения геройской смерти В. Р. Дольник видит сходство программ поведения с человеком. В древних инстинктивных действиях он усматривает объяснение обычаям многих племен, вожди которых, чтобы подтвердить свой статус, должны были вступать в единоборство с крупным кошачьим хищником (леопардом, львом и тигром в Старом Свете, ягуаром и пумой — в Новом). Соответственно, атрибуты царской власти у человека неслучайно оказываются тесно связаны с крупными кошками, а значит, образ «витязя в тигровой шкуре» превращается в общечеловеческий архетип.

Конечно, подобный взгляд этолога может вызвать у кого-то неприятие. Само по себе сравнение с бабуинами выглядит для нас не слишком лестно. Но как объяснить иначе, чем врожденным инстинктом, экзистенциалистскую тягу к опасности, точно подмеченную А. С. Пушкиным:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.

(К теме «упоения в бою и бездны мрачной на краю» применительно к татуировкам мы еще вернемся.)

Итак, страх и преклонение перед крупными кошками, по-видимому, возникли у наших предков, когда они населяли просторные саванны Восточной Африки. От более ранних стадий эволюции, по мнению этологов, к нам перешло другое наследство — восхищенный интерес к огромным хищным птицам, несущим опасность для мелких приматов. То же можно сказать и о змеях, действующих на человека завораживающе. Любопытно, что мифы о мировом змее (взять для примера скандинавскую мифологию) распространены отнюдь не там, где людям угрожает особая опасность от этих пресмыкающихся.

Но вспомним, наконец, о гербах. Хотя в кельтских, германских и скандинавских землях, там, где царем зверей считался медведь, он так же часто встречался в гербах городов и местного дворянства. Тем не менее, на втором месте по значимости и встречаемости после льва стоит изображение орла. Как отмечает Пастуро, в странах, где популярен лев (Бельгия, Люксембург, Дания), геральдические орлы встречаются редко. И наоборот, есть страны, где изображения царственных птиц доминируют над львами и, тем более, медведями (Австрия, Северная Италия). В целом можно говорить о доминировании в гербах животных и птиц, традиционно связанных с солнечным культом. Таковы орел, лев, лебедь и фантастический феникс (Бенуас Л., 2004, с. 54).

По словам Пастуро, прочее зверье изображалось много реже. К числу геральдических животных, украшавших гербы знати, относились олени, вепри и волки. Домашние животные украшали гербы простолудиинов. Из птиц в геральдический бестиарий попали ворон, петух, лебедь, журавль, цапля, аист. Гораздо реже — утки, павлины, страусы, попугаи. На гербах духовенства красовались голуби и пеликаны.

Чаще всего, изображения птиц были стилизованы. По мнению историков, это скорее архетип птицы или идея птицы, отраженная в гербе. Так же условно изображались рыбы, почему-то называемые в геральдике «окунями».

Отдельную категорию составляли фантастические персонажи: единорог (с ногами буйвола и большим рогом на лбу), грифон (полулев-полуорел), дракон. В образах химер желающие вновь могут усмотреть проявление инстинктивной приматской программы. Совмещение в одном теле животного-защитника частей от льва, орла или змеи — это «комплексное» проявление врожденных образов природных врагов наших предков (Дольник, 2004).

Собственно говоря, средневековый геральдический bestiary, включая «реалистические» образы зверей и химерических животных, напоминает персонажей «звериного стиля» скифо-сибирского мира в I тыс. до н. э. Здесь нет сцен терзания кошачьим хищником копытной жертвы, но сами по себе большие кошки (львы, леопарды), а также популярные у скифов вепри и олени присутствуют в изобилии. При этом подразумевается более высокий статус животных, связанных с охотой (особенно хищников), и, соответственно, владельцев гербов с подобными изображениями.

Примечательно, что в отличие от изобразительной традиции скифской эпохи в средневековой геральдике не встречаются изображения лошадей (хотя значение этих животных по-прежнему было огромно) и соколов (также весьма ценных птиц, используемых знатью на охоте).

Генетической культурной связи между западноевропейским средневековьем и евразийскими степями раннего железного века нет. Это доказано многими исследованиями. Но общий культурный стереотип, безусловно, просматривается. Его проще всего объяснить с антропологических позиций, если вспомнить роль охоты в становлении современного человечества как биологического вида. Жизненная важность этого занятия до возникновения производящего хозяйства не отменили престижности охоты и тогда, когда большинство продуктов питания стало возможно добыть иным путем. Военная и феодальная аристократия интуитивно отождествляла себя с хищниками, избирая их в качестве эмблемы. Здесь нельзя не вспомнить и о психоповеденческом превращении в диких зверей, характерном для древней европейской воинской традиции (берсерки и ульфхеднары, люди-медведи и люди-волки).

Впрочем, кросс-культурное сопоставление показывает, что идея «поглощения диким зверем», временного «превращения в хищника» присутствует в обрядах юношеского посвящения у самых разных народов, придерживающихся традиционной культуры (скажем, на ост-

ровах Океании, в Африке, Австралии)¹. Поскольку обычаи посвящения основаны мифическими предками племени или божественными существами, их соблюдение позволяет вернуться в изначальное время. А поскольку священный предок в тотемизме — животное, инициация призвана укрепить эту связь.

Итак, герб по смыслу может быть близок татуировке. Татуировка — «неизгладимый знак», это «навсегда». Герб — тоже стремится быть «навсегда», будучи наследственной эмблемой человека. Оба явления носят информационный характер, служат целям общения и в то же время воплощают нечто большее, «приподнимая» обыденное до почти священного.

И, наконец, знакомство с сюжетами средневековых гербов подтверждает, «звериный стиль» — это престижно. А обращение к очень далеким от нас этапам эволюции человека должно убедить нас, что признаком носителя очень высокого иерархического ранга служит его власть над крупной кошкой, хищной птицей и змеей.

Теперь немного о костях. «Гарри Поттер»: история шрама

Интересно, сколько человек осталось на нашей планете начала XXI века из числа тех, кто никогда не слышал о Гарри Поттере? Не исключено, они окажутся в меньшинстве, и это неслучайно.

В книгах английской писательницы Джоан Роулинг воплотилось все то, что так давно хотели «прочувствовать» и прожить вместе с героями миллионы детей и взрослых. Опираясь на интуицию, автор затронула важные, общечеловеческие сюжеты, волнующие всех и каждого. Точнее будет сказать, что кроме интуиции и богатых традиций английской литературы, Джоан Роулинг опиралась на кельтскую мифологию. То есть обращалась к архетипам, образам «коллективного бессознательного», присущим нам всем как представителям биологического вида «человек разумный». Темы борьбы светлого и темного

¹ Например, австралийские женщины уверены, что в момент инициации их мальчиков убивает и пожирает таинственное божество, имени которого они не знают. В африканских обрядах посвящения обрезание приравнено к мистической смерти, а исполнители одеты в шкуры львов и леопардов. И в Австралии, и в Африке ритуалы сопровождают звуки трещотки. По мнению Элиаде (2002, с. 69), здесь прослеживаются следы древнего охотничьего культа.

начала, взросления, испытания и многое другое заслуживают подробного освещения, но не они важны для нашего исследования. Важно другое.

Главный персонаж эпопеи Гарри Поттер — мальчик со шрамом на лбу. Эта отметина появилась у героя в младенчестве, в тяжелейший момент, когда его родители были убиты могущественным волшебником Волдемортом, воплощающим все самые злобные силы мира магов. Шрам на лбу Гарри — знак того, что он устоял, когда против него была направлена волшебная палочка «Того-кого-нельзя-называть». Незгладимый знак — метка героя, по ней узнают Гарри Поттера окружающие. Мало того, шрам обладает магическими свойствами, он живет своей жизнью, сообщая владельцу о грядущей опасности, подобно тому, как последствия обычных травм предупреждают нас о перемене погоды. Иными словами, перед нами идеальный образ татуировки: она расположена там, где лучше всего видна; она помогает идентифицировать ее носителя; она защищает (оберегает); она возникла в критический момент, когда герой балансировал между жизнью и смертью (что, хотела того автор или нет, придает истории оттенок испытания и посвящения).

По утверждению швейцарского психиатра Карла-Густава Юнга, высшая цель человеческого существования — процесс «индивидуации», реализуемый через ряд испытаний. Можно сказать, что уже первое серьезное испытание в жизни мальчика Гарри Поттера привело к появлению у него магического неизгладимого знака.

Как удалось выяснить палеоантропологам, шрамы на черепе присутствуют у представителей многих археологических культур, и их появление связано с ритуальной практикой народов древности. Эти шрамы — остатки глубоких рубцов, некогда затронувших не только мышечный слой, но и костную поверхность. Следы поверхностных манипуляций на своде черепа, осуществленных при жизни, венгерский антрополог Лайон Бартуш предложил некогда называть символическими трепанациями. Можно спорить о точности применения подобной формулировки, наверное, правильнее говорить о последствиях скарификации (шрамирования), то есть фактически об одной из разновидностей татуировки. Но термин «символическая трепанация» прижился в научных работах, посвященных описанию некоторых исторических периодов, и, наверное, не стоит его изгонять.

Следам прохождения ритуалов на черепе древнего человека в последние годы было посвящено несколько публикаций (например,

Медникова, 2004). Для тех, кому эти работы не попадались, коротко расскажу об «истории шрама».

Сперва — о самых ранних находках. Они относятся к эпохе верхнего палеолита, когда на смену неандертальцам, десятки и даже сотни тысяч лет бывшим единственными европейцами, пришли кроманьонцы, представители современного анатомического облика. Пришли они в буквальном смысле, то есть мигрировали из тропических широт и, по-видимому, принесли с собой многие новшества в области культурной жизни.

Одним из самых благоприятных районов для расселения кроманьонского человека стала территория древней Моравии. По-видимому, 26 и даже 27 тысяч лет назад там было все самое необходимое для полноценной охоты, включая прежде всего мамонтов. «Отряд» местных кроманьонцев был весьма представительным, о чем говорят крайне многочисленные для такой эпохи находки человеческих скелетов.

В 1995 году известный чешский ученый Е. Влчек опубликовал статью, посвященную странным травмам на черепках у некоторых моравских мужчин эпохи верхнего палеолита. Круглые шрамы располагались в двух местах на лобной кости — строго в центральной части и рядом с анатомической точкой брегма, которая совпадает с самой верхней точкой головы в вертикальном положении. Влчек нашел идентичные повреждения у трех взрослых мужчин из могильника Дольни Вестонице II и выдвинул любопытное объяснение. Прибегнув к этнографическим параллелям, он предположил, что, достигая зрелости, кроманьонцы племени «Дольни Вестонице» проходили ритуальное испытание и вступали в единоборство. В этот момент они могли быть ранены, некоторые раны были глубокими, и эти шрамы мужчины Дольни Вестонице потом с гордостью носили оставшуюся жизнь.

Очень интересное объяснение, но у меня возник вопрос: а почему все следы ранений сконцентрированы только в двух строго определенных точках на голове? Ведь если люди сражаются, травмы, которые они наносят друг другу, просто не должны быть идентичными по форме и локализации. Не манекены же, в конце концов, живые люди, могли и увернуться...

Так родилась идея, что, хотя в целом Е. Влчек безусловно прав, и перед нами — результаты обряда посвящения, речь идет не о травмах, а о преднамеренном нанесении шрамов — ритуальной скарификации или, если хотите, символическом трепанировании.

Просматривая более ранние работы, посвященные кроманьонцам Моравии, я наткнулась на описание еще одного индивидуума, носившего на лбу похожие отметины (данные немецкого антрополога Герберта Ульриха). Им оказался так называемый «шаман» — пожилой мужчина из погребения Брно II. Ни на одном женском черепе подобных изменений обнаружено не было, значит, обряд распространялся только на мужское население.

По-видимому, в строго определенном возрасте, при прохождении инициации юношам наносили неизгладимые знаки, тот самый «священный текст», который делал их полноправными членами мужского братства охотников и воинов, а также говорил посторонним об их принадлежности к определенной племенной группе.

Когда это происходило в кроманьонском обществе? И на этот вопрос сумели ответить археологические и палеоантропологические исследования. В 1986 году на берегу реки Дийе археолог Б. Клима обнаружил удивительное тройное погребение. В нем лежали скелеты сразу трех человек, скончавшихся одновременно и захороненных соплеменниками с особым тщанием. Согласно определениям многих антропологов, изучавших уникальную находку каменного века, в могиле были двое юношей-погодков (16—17 и 17—18 лет) и девушка постарше (около 20 лет). По некоторым признакам, передающимся по наследству, молодые люди состояли в тесном родстве, даже могли быть братьями и сестрой. Так вот, на черепе юноши постарше следы испытания присутствуют, а на черепах его младшего брата и сестры никаких шрамов нет. Значит, с большой долей вероятности, можно говорить о сроках мужской инициации у центрально-европейских кроманьонцев — около 18 лет.

По-видимому, ученым еще предстоят громкие открытия в этой области, которые будут свидетельствовать о практике манипуляций с телом и среди других кроманьонцев. Например, петербургский антрополог И. И. Гохман идентифицировал на черепе одного из более поздних представителей верхнепалеолитического населения, жившего в знаменитых Костенках, на территории современной Воронежской области, следы еще одной поверхностной операции, выполненной, к тому же, сверлением. Подробная публикация этой сенсационной находки еще предстоит¹.

¹ Я крайне признательна Илье Иосифовичу Гохману, познакомившему меня с этим уникальным образцом хирургии каменного века.

Мы уже упоминали в первой главе, что скарификация, в отличие от более поверхностной татуировки, характернее для тропических регионов, где живет темнопигментированное население, у которого рисунки на коже просто не видны. Если предки европейского *Homo sapiens* жили в Африке, то, скорее всего, они тоже имели темную кожу. Может быть, еще тогда, на заре человечества, и зародился обычай рубцевания, позже распространившийся с мигрантами на север? Пока ответить на этот вопрос невозможно.

Как бы там ни было, но 12 тысяч лет назад скарификацию практикуют жители Северной Африки (эпоха эппалеолита, археологические памятники Тафоральт и Афалу-Бу-Руммель). Позже, в новом каменном веке, мы встречаем обычай шрамирования головы у обитателей Испании, Франции, Италии. В медном и раннем бронзовом веке, по данным антропологов, ритуальные неизгладимые знаки распространены от Балкан до Южной Сибири. Рубцевание головы сохраняется до относительно позднего времени, когда уже можно опираться не только на антропологию, но и на письменные источники (о последних см. далее в этой главе). В позднеримское и ранневизантийское время искусственные шрамы на черепе присутствуют у 12 % исследованного населения египетской Нубии. Причем шрамы не только на лбу, но и височно-теменной области, и даже на затылке. Этому воздействию подвергались преимущественно мужчины, но все же со шрамами встречались женщины, подростки и маленькие дети. Повторяем, речь идет не о травмах, а о рубцах, наносившихся в строго определенных местах.

В Европе последний всплеск этой традиции связан с эпохой Великого Переселения народов. В результате этого широкомасштабного процесса огромные толпы кочевников сдвинулись с места на востоке и за несколько столетий существенно перекроили этническую и политическую карту Старого Света. Очевидно, они могли принести в Европу некоторые обычаи, уже считавшиеся в областях, развивавшихся под влиянием античной цивилизации, архаическими. Но как иначе объяснить тот факт, что в X—XI веке каждый третий взрослый человек, погребенный в могильнике Одартци на северо-востоке Болгарии, имел символические знаки на черепе? В X веке «поверхностное трепанирование» широко практиковали венгры, отказавшиеся от этих действий после принятия христианства.

Здесь мы говорили только о тех сведениях, которые получены археологами и палеоантропологами. Но даже при всей неполноте

этих данных можно убедиться, что история «шрама Гарри Поттера» богатая.

Письменные источники. Татуировки в Библии. Священные тексты и сообщения древних авторов

Перейдем к письменным источникам. Достоверность их, конечно, не столь высока, как в случае археологии и этнографии. Тексты пишут люди, а они всегда субъективны, каждый видит мир по-своему. Кроме того, древние авторы не всегда были хорошо информированы, они вынужденно полагались на чужие рассказы и впечатления. Вот и получилось, что в памятниках древней письменности много совершенно фантастических сведений про обычаи других народов. Задача современных ученых — уметь найти рациональное зерно в описаниях, а иногда откровенных сплетнях древних авторов. Дело это непростое, и комментарии историков иногда поражают разнообразием подходов.

Кстати, бумага, как известно, недолговечна, да и изобрели ее относительно недавно. До бумаги использовали выделанную кожу. Ну и, конечно, всем известно про египетские папирусы. Но все это материалы довольно быстро портящиеся. И мы должны сказать спасибо безвестным переписчикам чужих рукописей, передававших эстафету накопленных предшественниками знаний следующим поколениям. Но как же дошли до нас образцы более древнего письма?

Их сохранили более прочные «носители» текстов — камни и глиняные таблички. Например, в 1901—1902 гг. французская археологическая экспедиция производила раскопки в Сузах (столице древнего государства Элама) и откопала черный базальтовый столб, покрытый письменами. Так были открыты законы вавилонского царя Хаммурапи, правившего в XVIII в. до н. э. В этом древнейшем из дошедших до нас уголовном кодексе очень четко определены наказания за разные виды преступлений. Там присутствует и информация о разных «неизгладимых знаках», наносимых на тело преступника. По всему видно, что в «вечном обиталище царственности», которым был провозглашен Вавилон, причинение телесного вреда наказывалось адекватной манипуляцией. То есть казнью было повреждение тела провинившегося¹.

¹ В некоторых статьях законов Хаммурапи можно усмотреть свидетельства манипуляций с телом. Например, § 215 говорит о медицинском воздействии:

Одним из важнейших литературных памятников, вобравшим в себя огромный пласт сведений о повседневной жизни народов Древнего Востока, является Библия. Есть там и упоминания о татуировках, но для того, чтобы это понять, иногда приходится сравнивать переводы священных текстов на разные языки.

Например, в русском переводе Ветхого Завета приведены слова Исайи (44, 5):

Один скажет: «я Господень»,
Другой назовется именем Иакова;
А иной напишет рукою своею: «я Господень»,
И прозовется именем Израиля.

В новом переводе Библии на английский язык эта фраза имеет совершенно иное значение: «Этот человек скажет: “Я человек Господа”... другой напишет имя Господа на своей руке» (‘This man will say, “I am the Lord’s man”...another shall write the Lord’s name on his hand’). Неудивительно, что англоязычные ученые используют слова Исайи как косвенное свидетельство использования татуировки народом Израиля в I тыс. до н. э.

«И сделал Господь (Бог) Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Бытие, 4, 17). Некоторые читатели Библии на английском языке также предпочитают интерпретировать в этом отрывке божественное проклятие как вполне материальный знак на теле (MacQuarrie, 2000, p. 35). Да и мы что-то слышали про Каинову печать...

Гораздо более определенную информацию содержит третья книга Моисеева.

«Ради умершего не делайте надрезов на теле вашем, и не накалывайте на себе письмен. Я Господь (Бог ваш)» (Левит, 19, 28).

Из этого отрывка становится совершенно ясно, что в языческой традиции, предшествующей принятию иудаизма, было принято обозначать траур по покойному манипуляциями с телом. Подобная практика весьма широко распространялась по миру еще в самое недавнее

«Если врач сделал человеку надрез бронзовым ланцетом и исцелил человека или на виске человека сделал надрез бронзовым ланцетом и исцелил глаз человека...». В других пунктах говорится о загадочных «рабских знаках» — может быть, особых прическах или даже самих татуировках. § 226: «Если цирюльник без ведома хозяина рабский знак чужому рабу сбрил, этому цирюльнику должны отрезать руку» (История Древнего Востока, 2002, с.184, 185).

время. В частности, она была неоднократно описана у австралийских аборигенов варрамунга, у которых подобное поведение было тесно связано с их религиозными представлениями. В соответствии с верованиями коренных австралийцев, смерть, как правило, происходила от колдовства, которому следовало противопоставить не менее мощную магию, способную защитить оставшихся в живых¹.

Если подобными представлениями руководствовались древние жители Ближнего Востока, неудивительно, что сторонники новой религии (иудаизма) вели упорную борьбу с местными траурными церемониями. Тема неизгладимых знаков вновь и вновь возникает в головах ветхозаветных пророков.

И будет вместо благовония зловоние,
и вместо пояса будет веревка,
и вместо завитых волос плешь,
и вместо широкой епанчи узкое вретиче,
вместо красоты клеймо.

(Исайя, 3, 23)

«И умрут великие и малые на земле сей; и не будут погребены, и не будут оплакивать их, ни **терзать себя**, ни стричься ради них» (Иеремия, 16, 6).

«У каждого голова гола, и у каждого борода умалена; у всех **на руках царапины и на чреслах вретиче**» (Иеремия, 48, 37).

В пророчестве о грядущем конце:

¹ Красочное описание погребальных обрядов австралийских аборигенов оставили еще ранние исследователи Спенсер и Гиллен. «Все мужчины, принадлежащие к определенной категории родства по отношению к умирающему, стали наносить себе каменными ножами глубокие раны в бедро, в то время как некоторые из женщин резали кожу у себя на голове заостренными концами своих копательных палок, пока кровь не потекла по их лицу. Плач и вопли продолжались, пока не наступила действительная смерть, после чего вся сцена возобновилась, мужчины и женщины бросались на тело, мужчины ножами наносили себе раны, женщины палками резали свои собственные головы или головы других женщин. ...Весь следующий день был заполнен траурными церемониями. Все мужчины, находившиеся с умершим в определенной степени родства, лежали с раскрытыми ранами на бедрах. Некоторые из них срезали свои волосы и сжигали их, а головы смазывали глиной, в то время как другие срезали свои бороды... Многие из женщин должны были, как того от них требовал обычай, наносить себе своими палками раны в голову, и, если они этого не делали как следует, они рисковали получить должное наказание от своих братьев» (Народы мира, 1916, с. 131).

«Тогда они подпояшутся вретischem, и обоймет их трепет; и у всех на лицах будет стыд, и у всех на головах плешь» (Иезекиль, 7, 18).

Итак, священные тексты Библии, порицая траурные обычаи народов Ближнего Востока, связанные с причинением себе увечий, в то же время сообщают нам о живучей, устойчивой традиции наносить «клеймо», «письмена», «царапины» в знак скорби по умершему. Судя по всему, во II—I тыс. до н. э. этот обычай был широко распространен в Палестине и Восточном Средиземноморье. Траурные церемонии, вообще, весьма консервативны. Покойный, отправляясь в мир иной, должен был получить «все, что ему положено». Если необходимые процедуры соблюдены, он станет «предком» и защитником для оставшихся на земле представителей своего рода. Ну а если традиция нарушена? Если умерший не был должным образом оплакан и сопровожден в царство мертвых? Серой тенью будет он скитаться среди людей и может из потенциального защитника превратиться в мстителя. Подобного рода соображения побуждали к крайне скрупулезному соблюдению погребальных обрядов. Фигура плакальщика здесь далеко не последняя. И если скорбящий по покойному наносил на свое тело неизгладимый знак, он отправлял ритуал, необходимый в его представлении, для благополучия оставшихся живых. Поэтому мы можем допустить, что проповеди ветхозаветных пророков, запрещающие плакальщикам терзать свое тело на похоронах, наносить шрамы и наколки, долгое время оказывались неэффективными.

А что же писали о татуировках светские авторы древнего мира? Тут нам никак не обойтись без сведений, оставленных в дар потомкам образованными и любопытными древними греками. «Отец истории» Геродот, разумеется, представил читателям всю необходимую информацию о современных ему народах (ок. 430 г. до н. э.), практиковавших татуировку. Говоря о фракийцах, населявших в I тыс. до н. э. юг Болгарии и европейскую часть нынешней Турции, он замечает: «Татуировка [на теле] считается у них [признаком] благородства. У кого ее нет, тот не принадлежит к благородным. Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом. Напротив, к земледельцу они относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника. Таковы самые замечательные их обычаи» (Herod., V, 6). То есть, если верить Геродоту, особенно богато украшали тело татуировками представители фракийского военного сословия (они же разбойники).

В комментарии к этому отрывку античного автора у переводчика на русский язык Г. А. Стратановского читаем: «Обычай татуировки был общим у фракийцев со скифами. Татуировка, вероятно, была первоначально магическим средством охотников для привлечения дичи» (Геродот, 2001, 658).

Впрочем, некоторые другие современные исследователи, читая Геродота, извлекают из его текстов иную информацию. Так, профессор Гарвардского университета Кристофер П. Джонс главным в тексте «первоисторика» считает противопоставление тех, кто маркирован знаками на теле [estichthai] и тех, кто в силу низкого происхождения не может быть помечен [astikton] (Jones, 2000, p. 4). Особое внимание при этом обращается на татуировку у фракийских женщин. Многие образцы греческой керамики, особенно изготовленной в Афинах, рисуют фракийских женщин с татуировкой на руках и ногах. Эти изображения обычно ассоциируются с безумными менадами, убившими поэта Орфея. (Рис. 2.5)

Рис. 2.5. Изображения фракийской женщины с татуировкой на руках и ногах. Фрагмент греческого сосуда (Британский Музей, Лондон, по Jones, 2000, p. 3).

Мифы об Орфее

Орфей — в греческой мифологии певец и музыкант, искусство которого обладало волшебной силой, покоряя богов, людей и усмиряя природу. Он был сыном музы Каллиопы и фракийского речного бога Загра (по другой версии — самого Аполлона). Орфей участвовал в плавании аргонавтов. Во время его игры на музыкальном инструменте форминге стихали грозные волны, и гребцы «Арго» могли продолжать свой путь. Другой миф связан с женитьбой Орфея на Эвридике. Когда возлюбленная внезапно умерла от укуса змеи, Орфей отправился за ней в царство мертвых, покорив своей игрой не только стража Аида пса Кербера и ужасных эриний, но и самих богов — Аида и Персефону. Властители потустороннего мира разрешили Орфею забрать жену на землю, но с одним усло-

вием: он не мог взглянуть на нее, прежде чем ступит в свой дом. Но запрет был нарушен, и Эвридика вернулась в царство мертвых. Но главная проблема Орфея была в том, что он не почитал злопамятного Диониса (Вакха, Бахуса), считая величайшим богом Гелиоса и называя его Аполлоном. В отместку Дионис наслал на поэта своих обезумевших спутниц — менад, растерзавших Орфея. Смерть певца оплакали птицы, звери, растения и даже камни. По версии Овидия, Дионис, напротив, наказал неистовых вакханок, погубивших Орфея, и превратил их в дубовые деревья.

Другой греческий миф повествует о фракийском царе Ликурге, и на иллюстрациях к нему, покрывающих кратер для вина из коллекции Британского Музея (Апулия, ок. 350 г. до н. э.), вновь возникают татуированные женщины¹. Анонимный античный источник IV в. («Двойные аргументы»), на которого ссылается профессор Джонс в дополнение к Геродоту, сообщает, что «для фракийских женщин быть помеченными [stizesthai] — украшение, но для большинства народов это наказание преступников».

Замечу от себя, что подтверждающие эту информацию изображения на греческих сосудах связаны с сюжетами вакхического культа. Поэтому обратимся к фигуре самого бога Диониса — в греческой мифологии олицетворения плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства. Изначально Дионис — как раз фракийского и лидийско-фригийского происхождения. Его родина на Востоке, а не в Греции. Может быть, поэтому, как заметил А. Ф. Лосев, в мифах Дионис как божество земледельческого круга часто противостоит Аполлону, божеству родовой аристократии (в чем мы успели убедиться на печальном примере Орфея и Ликурга, явно тяготевших к последнему).

Но вернемся к татуировкам. Итак, кому же верить: тем интерпретаторам Геродота, согласно которым скорее должны быть татуированы наиболее уважаемые у фракийцев мужчины-воины, или рисункам на греческих амфорах и кратерах, где татуированы женщины фракийского происхождения из свиты Диониса?

¹ В греческой мифологии Ликург был царем эдонов во Фракии, воспротивившийся культу Диониса. По одной из версий, Дионис покарал его безумием, и Ликург убил своего сына Дрианта. Оскверненная земля эдонов утратила плодородие, и местные жители были вынуждены казнить своего царя (или принести его в жертву Дионису) на горе Пангей.

Это вопрос достаточно важный, поскольку менады, связанные с культом плодородия и земледелия, «презренного занятия» по Геродоту, все же были татуированы. Единственное объяснение противоречащим друг другу источникам состоит в том, что, по представлениям греков, на поздних этапах распространения земледельческого культа Диониса к нему примыкают представители правящей верхушки, и на сосудах изображены под видом вакханок жительницы Фракии благородного происхождения.

До нас не дошли свидетельства самих фракийцев, зачем они делали татуировки: чтобы украсить себя, в религиозных или медицинских целях. Но, по мнению профессора Джонса, в обществе, где доминировали мужчины, наколка у женщин не могла быть просто декоративной, она должна была быть тесно связана с социальным статусом семьи или клана. Другая возможная функция — обозначение принадлежности особой культовой группе.

Теперь выслушаем любопытный рассказ еще одного автора, греческого писателя Клеарха Солийского. Бывший ученик Аристотеля весьма своеобразно описывает обычаи причерноморских скифов и то культурное влияние, которое они оказали на своих соседей:

«Предавшись роскоши и притом весьма сильно и устремившись первыми из всех людей к тому, чтобы жить роскошно, они дошли до такой степени жестокости и высокомерия, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали обрезать концы носов. Потомки этих людей, удалившиеся с родины, еще и ныне имеют прозвище от того, что те претерпели. Женщины же их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и северу, накалывая рисунки булавками. Отсюда много лет спустя пострадавшие и униженные *таким образом женщины фракийцев* особенным образом изгладили следы несчастья, расписав и остальные части тела, чтобы бывшие на них знаки насилия и стыда, войдя в состав разнообразных рисунков, именем украшения изгладили позор (жирный шрифт мой. — М. М.). Над всеми же они господствовали так надменно, что рабское служение у них, ни для кого не бесслезное, перенесло и в последующие поколения выражение «от скифов», показывающее, каково оно было. Итак, вследствие множества постигших их несчастий, когда от печали они одновременно *уничтожили* удобства жизни и обрезами кругом волосы, все чужие народы называли стрижку всего народа, делаемую в знак *испытанного* насилия, “оскифиться”» (цит. по Латышев, 1993, с. 254).

Да... Непростое дело разбирать такие тексты. Из приведенного отрывка ясно, впрочем, что не слишком симпатизирующий скифам уроженец города Сол знает о распространении татуировок среди фракийских женщин; что на появление этого обычая у фракийцев, вроде бы, повлияли скифы; что первоначально наколка, как и острижение волос, связаны с горем и унижением (к последнему тезису мы еще вернемся).

Тексты Геродота и Клеарха были написаны до нашей эры. Но и спустя столетия, во втором веке нашей эры, грек Дио Хризостом записал: «Во Фракии свободные женщины покрыты татуировками, и, чем выше их ранг, тем больше они их имеют. И, значит, царица может быть татуирована, и царь тоже. Властители украшают себя такими символами как корона и скипетр, чтобы заявить свой высокий статус, подобно тому, как собственник выжигает клеймо на теле принадлежащего ему скота».

Теперь немного о терминологии. В греческих словах, описывающих обычай фракийцев украшать свое тело, выделяется корень «stig-». Отсюда производят слово «стигма», вошедшее в современные языки, включая русский, где оно обычно обозначает выжженное клеймо (у преступника), шрам или рубец. А вот в шестом веке, в правление императора Юстиниана, практиковавший в Александрии и Константинополе врач Этий записал в своей медицинской энциклопедии «Тетрабиблоне»:

«Они называют стигмами письмена на лице или некоторых других частях тела, например, на руках у солдат, и для этого они используют следующий рецепт чернил... Накалывая избранное место иглами, давая стечь крови и натирая сперва соком из луковицы, а затем приготовленной жидкостью... В случае, если мы хотим удалить такие стигмы... сперва очищаем стигмы селитрой, смазываем канифолью из терпентинного дерева и завязываем на пять дней... Стигмы исчезнут за двадцать дней без особого изъязвления, и шрама не останется» (цит. по Jones, 2000, p. 5).

Благодаря столь подробному письменному свидетельству становится совершенно очевидно, что древние греки и римляне понимали под стигмами обычную татуировку-наколку, а вовсе не выжженные клейма, как мы.

Итак, мы выяснили, что имели в виду античные писатели, говоря о знаках и стигмах. Теперь послушаем, что они писали о нравах современных им «варварских» племен.

В начале IV в. до н. э. Ксенофонт описывает у одного из причерноморских (западнокавказских) племен, которое он называет «обитателями башен» (Μοσσυνοίκοι — моссиники или моссины), традицию татуировать «спереди и сзади» детей из хороших фамилий, изображая цветы¹.

Поздний римский автор Геродиан пишет о племенах, населявших Шотландию: «Эти люди накалывают на тело разные орнаменты и изображения животных всех видов. И поэтому они не носят одежду, дабы не скрыть украшения на их телах». Учитывая шотландский климат, последнее утверждение выглядит излишне категоричным². По-видимому, население британских островов широко применяло боевую раскраску. По словам Цезаря, синеватый цвет, в который британцы окрашивали тела, делал их появление в бою особенно ужасным.

Во всех перечисленных выше случаях речь идет о вполне традиционных, достаточно декоративных, хотя и статусных знаках на теле.

Но есть и другие письменные свидетельства, в которых речь идет также о татуировках, хотя это не столь очевидно на первый взгляд.

«...В устье Нила, которое ныне называется Канобским, в Тарихен. На берегу стоял (да поныне еще стоит) храм Геракла — убежище для всех рабов, которые бежали от своих господ. Если раб, чей бы то ни было, убежит сюда и посвятит себя богу наложением священных знаков, то становится неприкосновенным» (Herod., II, 113).

В эллинистический период практика нанесения «священных стигм» на запястье обнаружена любопытными античными авторами

¹ Если опираться на сообщения греческих и римских авторов, в жизненном укладе моссинов было много архаических черт. По словам Николая Дамасского (друг царя Ирода и императора Августа, I в. до н. э.), моссины держат своего царя запертым в башне. Если покажется, что какой-либо царь дурно решил дело, его умерщвляют голодом (цит. по Латышев, 1993, с. 176).

² Не зря исследователи кельтов долгое время критически относились к свидетельствам античных авторов. Такие крупные авторитеты, как Генрих Циммер или Нора Чедвик считали, что писатели I тыс. до н. э. что-то напутали, столкнувшись с необычными традициями варварских народов. Им претила мысль, что их далекие предки делали наколки подобно жителям тропических островов. Позже учеными, изучавшими пиктов, было высказано предположение, что вторая волна мигрантов на Британские острова (индоевропейского происхождения) переняла татуировки у мигрантов первой волны, которые индоевропейцами не были (MacQuarrie, 2000, p. 34). То есть «король шотландский, безжалостный к врагам» не только пытался отнять у бедных пиктов рецепт верескового меда, но и позаминствовал татуировки.

у жителей Сирии (Jones, 2000). В папирусе середины II в. до н. э. описываются отметины «в виде двух варварских букв» на правом запястье беглого сирийского раба, служившего до того в святилище Атаргатис¹. Тремя столетиями позже римлянин Лукиан напишет о служителях того же храма: «Все они татуированы. Некоторые на запястье, некоторые на шее, вообще у всех ассирийцев есть татуировки».

В приведенной нами раньше цитате из Геродота раб нанесением сакральных знаков переходил из подчинения своему господину в собственность богу. Это «рабская татуировка» или, собственно говоря, «рабское клеймение». Судя по всему, в середине I тыс. до н. э. явление было настолько ординарным, что смысл этого действия не нуждался в расшифровке. Так же не нуждались в объяснениях неадекватные на взгляд современного читателя действия персидского царя Ксеркса, который решил наказать пролив Геллеспонт, соединяющий Европу с Азией, за то, что помешал ему выступить с войной против греков.

«Когда же наконец пролив был соединен мостом, то разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку.

Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают также, что царь послал палачей заклеить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь повелел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке...» (Herod., VII, 34—35). Вот это вера в священную силу татуировки! Могущественный персидский владыка повелевает обращаться с морем как с непокорным рабом. Отсюда и прочие атрибуты — плети и кандалы².

¹ Атаргатис, или Деркетто (греч.), Атарате (арам.) — одна из наиболее почитаемых богинь арамейского пантеона в античное время. отождествлялась с Афродитой (Юноной), в ее образе слились черты Анат и Астарты. Лукиан посвятил ей трактат «О Сирийской богине». Согласно эллинизированному мифу, Астарта (Афродита) последовала за умершим возлюбленным в нижний мир (т. е. мы можем связать образ этой богини с «женским» вариантом орфического цикла).

² Впрочем, некоторые историки полагали, что погружение цепей в море символизировало обряд венчания Ксеркса с морем. Как справедливо отметил Г. А. Стратановский, тогда непонятно, зачем Ксерксу бичевать море.

Если исходить из перевода на русский язык, то можно подумать, что Ксеркс распорядился именно заклеить море, то есть непонятно каким образом выжечь клеймо. Но, как подчеркивает Джонс, здесь употреблены слова, не оставляющие пространства для интерпретаций. Дословно царь посылает татуировщиков (*stigees*) татуировать (*stixontes*) Геллеспонт. По всему, это было очень серьезное мероприятие и для самого правителя персов, и для его современников.

Для греков татуировка не была исконной собственной традицией, по крайней мере, в литературе и изобразительном искусстве она вплоть до шестого века до н. э., по-видимому, не встречается. Но когда она все же перенимается жителями полисов, источник традиции, очевидно, лежит в той же Персии. И смысл татуировки, как у восточного соседа — принуждение и обозначение раба. Теперь нам понятно, почему в глазах Клеарха Солийского татуировки свободных фракийских женщин — знаки позора и унижения, которые они пытаются скрыть декоративными узорами. Античный писатель просто не понимает другой мотивировки и поэтому ищет объяснения в полумифической жестокости пресыщенных скифов.

«*Stigmatias*» — помеченный раб, в таком контексте употребил это слово первым один поэт с острова Самос, живший в шестом веке до н. э. Он и не предполагал, что самосцы тоже станут однажды жертвами подобного насилия...

Но в 440 г. до н. э. во время войны Самоса с Афинами татуирование военнопленных становится нормой. «Самосцы, в отмщение афинянам за их издевательство, ставили на лбу у пленных клеймо в виде совы, потому что и афиняне ставили на пленных самосцах клеймо — “самену”. Самена — это корабль, у которого выпуклая носовая часть имеет форму свиного рыла, а сам корабль широк, так что напоминает полость живота; он годится для перевозки товаров и быстро ходит. Такое название он получил оттого, что впервые появился у самосцев и был построен по приказанию тирана Поликрата. На это клеймо, говорят, намекает Аристофан в стихе:

Народ самосский ввел куда как много букв» (Плутарх, 1961, с. 215).

В 413 г. до н. э. афиняне, возглавляемые Никием, потерпели поражение от жителей Сиракуз. Многие попали в плен. «Их продавали в рабство и ставили на лбу клеймо в виде лошади. Да, были и такие, кому вдобавок к неволе привелось терпеть еще и это», — Плутарх исполнен сочувствия к побежденным и спустя четыре столетия (Плутарх, 1963, с. 236).

Вновь подчеркнем, что использованное при переводе на русский язык слово «клеймо» правильное заменить на «татуировку». В этих событиях V в. до н. э., если они исторически достоверны и не искажены более поздней практикой, известной летописцу, видна двойная функция наколки, символизовавшей наказание и неотъемлемую принадлежность определенному владельцу. Такое употребление татуировки мы встречаем у персов, оно широко распространилось среди самых цивилизованных их противников. То, что татуировки наносились на лоб, выглядело еще более унижительным¹.

В сборнике комедий писателя II в. до н. э. Герода под названием «Мимы» есть история о свободной женщине Битинне и ее неверном возлюбленном Гастроне, бывшем по совместительству рабом этой дамы. Схваченный и приговоренный к порке Гастрон умоляет свою госпожу татуировать его (*stixon*), если он обманет ее еще раз. Безжалостная Битинна приказывает доставить Гастрона в городскую тюрьму для порки, но потом уступает его мольбам и вместо этого посылает за татуировщиком Косием, «с его иглами и чернилами». Когда одна из рабынь пытается заступиться за Гастрона, то получает ответ «пусть он носит надпись на лбу». Но это комедия, и, в конце концов, обманщик-раб остается невредимым (цит. по Jones, 2000, p. 8).

В античное время «письмена» на лбу жертвы были способом обнаружить непокорного раба где угодно. Скрыться с таким заметным «украшением» было непросто. При попытке уйти от хозяина наносили фразу «Останови меня, я беглец» (*kateche me, rheugo*). По словам философа-киника Биона Борисфенского, его отец был вольноотпущенником, «кто вместо лица носил знак жестокости владельца» (Jones, 2000).

Поскольку у греков татуировка почти всегда была наказанием², неизбежно появились искусные доктора, способные удалить без следа позорные знаки с тела и, тем более, с лица.

Одна из дошедших до нас историй об удалении татуировки относится к IV в. до н. э. Она сохранилась в надписи на стене святилища, посвященного Асклепию Эпидаврскому, одного из первых крупных

¹ Как подчеркивают некоторые ученые, древняя средиземноморская культура была особенно ориентирована на общение «лицом к лицу». Греки черпали очень важную информацию о человеке, исходя из его внешних особенностей, отсюда научная дисциплина — физиогномика (Gustafson, 2000, p. 25). Наверное, неслучайно классические для нас театральные маски родились именно в греческой среде.

² Об этом свидетельствуют и Платон, и Цицерон, и, позднее, Светоний (Gustafson, 2000).

медицинских центров Греции. Благодарные пациенты часто выражали свою признательность богу врачевания, оставляя на стенах истории болезней, от которых им удалось избавиться.

История «болезни и исцеления» Пандария

Итак, некто Пандарий имел несчастье носить на лбу татуировку и хотел от нее избавиться. Как это было принято, начал он с того, что провел ночь в святилище. Когда он заснул, бог закрепил повязку на его лице и велел снять ее на следующее утро. О чудо! Наутро лоб Пандария оказался чист, а ненавистные буквы татуировки отпечатались на повязке. Вне себя от радости «исцеленный» доверил дальнейшее общение с божеством некоему Эсхедору. Тому было поручено передать в дар храму Асклепия некую сумму. Но Эсхедор пожадничал и деньги прикарманил (точнее, присвоил, ведь в его хитоне вряд ли были карманы). И вот, когда жадный Эсхедор заснул, к нему явился Асклепий и положил ему на лицо повязку... А когда неразумный Эсхедор проснулся, у него на лбу красовалась татуировка, от которой избавился Пандарий... Что, по греческим меркам, означало «ненадежного» раба.

Несмотря на полумифический характер этой «истории болезни» (не исключено, ее записали сами служители святилища), можно видеть, что жрецы храма Асклепия применяли метод сведения татуировок, много позже описанный в энциклопедии византийского врача Этия.

Вообще, татуировка, все больше распространяясь в древнегреческом обществе, активно проникает в античную литературу, где становится метафорой и даже предметом для шуток.

Аристофан устами раба говорит о татуировке в комедии «Осы».

Греческий писатель римского периода Элий Аристидес упрекает Платона в клевете на таких героев Афинской истории, как Перикл:

«Ты никогда не татуировал своих рабов, но ты заклеил одного из самых уважаемых греков».

До сих пор мы, в основном, говорили о греках. Но примерно с момента первой Пунической войны, то есть с середины III в. до н.э., Греция все больше вовлекалась в орбиту растущей мощи Рима. Копирование римлянами основ греческой культуры общеизвестно. Но вот как обстоит дело с татуировками? Ведь у римлян, по-видимому, сперва не было такого обычая.

Они переняли его у греков одновременно с обозначающим словом «стигма». Но параллельно использовали выражения вроде «отпечаток» (imprint) или «клеймо» (brand), имея в виду татуировку.

От греков римляне усвоили и отношение к татуировке как к казни провинившегося раба.

Это наглядно видно в эпизоде из литературного произведения под названием Сатирикон, написанного Петронием. Герои этого рассказа, запутавшись в сложных любовных взаимоотношениях и пытаясь скрыться от третьего персонажа (а дело происходит на плывущем корабле), придумывают разукрасить себя чернилами, «как будто они наказаны татуировкой».

Тем не менее, римляне немного изменили греческую традицию. Все-таки они основали гигантскую империю и познакомились с обычаями слишком многих народов. Наносить татуировки стали не только пленным или непокорным рабам, но и солдатам (398 г. н. э.). Римский «военный историк» Вегетий писал, что рекрутам вводили под кожу чернильные точки в соответствии с номерами их боевых единиц.

С другой стороны, латиняне активно использовали татуировки как средство казни. В римском праве каждому предопределялось наказание за преступление в соответствии с его социальным статусом. Рабы и наиболее низко стоящие свободные граждане подвергались наиболее тяжелым физическим способам казни. Представители высших социальных слоев могли быть приговорены к конфискации имущества, к поражению в избирательных правах. Но они были избавлены от наказания *металлом* (под этим подразумевалось татуирование).

Еще одно новшество, которое использовали римляне по сравнению с греками — выжигание знаков на теле человека, клеймение (branding). Эта болезненная процедура была известна еще со времен Старого Царства древнего Египта. Греки и римляне клеймили свой скот: быков, лошадей, на востоке — верблюдов. У греков клеймо обозначалось словами «charagma», откуда английское «character», т. е. собственно «знак». Другое слово, встречаемое в текстах, «kauterion» — ожог.

Если соблюдать точность, то грекам тоже была знакома процедура каутеризации человеческого тела, но использовалась она в специфических лечебных целях, и не самими греками, а современными им варварскими народами. Главный медицинский авторитет Гиппократ (примерно 460—377 гг. до н. э.) в трактате «О воздухах, водах и местностях» оставил в высшей степени курьезное описание скифов и их обычаев, которое мы считаем своим долгом воспроизвести подробно:

«...Ты найдешь большинство всех скифов, в особенности номадов, с прижиганиями на плечах, руках и кистях рук, на грудях, на бедрах и на пояснице, и это только по причине влажности природы и слабости. Действительно, они не могут вследствие влажности и слабосилия натянуть лук, ни бросить плечом дротик. Когда же они прижигаются, тогда из членов высыхает обилие влаги, и их тела делаются здоровее, способнее к питанию и более гибкими». (Гиппократ, 1994, с. 299.)

Оставим на совести Гиппократу рассуждения о слабосилии скифов. Но что он имел в виду, говоря о прижиганиях? Мы уже знаем, что в Сибири найдены мумии богато татуированных представителей племен скифского круга. Но, поскольку в V в. до н. э. понятие татуировки было уже слишком хорошо известно грекам, по-видимому, в этом тексте имеется в виду именно каутеризация.

И здесь нам на помощь вновь приходит Геродот с сообщением о прижиганиях, распространенных в Северной Африке, где они производились в профилактических целях, «для укрепления здоровья».

«Эти-то ливийские кочевники — все ли они (я не могу утверждать достоверно), но во всяком случае многие — поступают с детьми вот как: четырехлетним детям они прижигают грязной овечьей шерстью жилы на темени (а некоторые даже на висках). [Это делается для того], чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни. Поэтому-то они, по их словам, исключительно здоровы. И действительно, насколько мне известно, ливийцы отличаются наилучшим здоровьем среди всех людей» (Herod., IV, 187). Такая забота о детях в строго определенном возрасте сильно смахивает на инициацию. Ведь зачем, в конечном счете, ребенка, позже подростка, посвящают в тайны мира взрослых? Чтобы, выдержав ритуальные испытания, он был здоров, благополучен и укреплял своим благополучием могущество своего рода. Вот и получается, что «лечение прижиганием» очень похоже по смыслу на некоторые разновидности татуировок. А как мы знаем из работ палеоантропологов, традиция наносить глубокие шрамы на голову в определенных местах существует уже у кроманьонцев.

Итак, в римское время помимо собственно татуировок появляется клеймение (прижигание тела) среди граждан империи. Авторы из Восточного Средиземноморья сообщают в этот период о добровольном нанесении себе клейма некоторыми религиозными фанатиками, например, последователями богини Атаргатис в Сирии. По словам

Лукиана, так вели себя последователи философа-киника Перегринна, основавшие культ в его честь, «с бичеваниями, прижиганиями и прочими ненормальностями». Как видно, рациональный римский автор высказывает неприкрытое неодобрение самобичевателям.

Из античного мира образы татуировок плавно переходят в раннехристианскую литературу.

В шестом из «Посланий к галатам» проповедующий христианство Павел говорит о своей неуязвимости, куда несет знаки Господа Иисуса на теле своем (Gal., 6, 17). Этот отрывок традиционно вызывал споры, имеется ли здесь в виду настоящая татуировка или выжженное клеймо как символ высшего подчинения и самоотречения. Если верить Британской энциклопедии, Павел действительно имел на теле «неизгладимые знаки». В то же время есть ученые, считающие это выражение сильной метафорой, в переносном смысле передающей значение «раб Христа». И такое толкование тоже имеет право на существование. Апостол Павел долго путешествовал по Сирии, где мог познакомиться с языческой практикой религиозных татуировок. Он, вероятно, использовал образ священной стигмы как литературный прием в своей проповеди, и этот образ был понятен его слушателям. Появившиеся позже богословские толкования усматривают связь этого высказывания с идеей причастности к страданиям Христа и даже говорят о самобичевании.

В Синодальном переводе Библии на русский язык греческое слово «stigmata» заменено словом «язвы»: «Впрочем, никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем». По мнению некоторых комментаторов, руки и ноги апостола были отмечены ранами, наподобие ран Христовых. (Рис. 2.6)

В Откровении Иоанна Богослова (17, 1) отрывок о великой блуднице некоторые исследователи тоже связывают с интересующей нас темой.

«И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великой блудницею, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в

Рис. 2.6. Стигматизация св. Франциска Ассизского. По преданию, Франциск настолько отождествлял свою жизнь со страданиями Христа, что на его теле проступили раны, символизовавшие Распятие (стигматы). (Италия, XIV век, по «Панорама средневековья. Энциклопедия средневекового искусства», 2002, ред. Р. Барплетт, М.: Интербук-Бизнес, с. 89.)

руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным...» (курсив мой. — М. М.).

Падшая женщина из экспрессивного текста Иоанна обычно интерпретируется как олицетворение Рима. Но, как подчеркивает Джонс, она изображена не просто как блудница, а как самая ничтожная рабыня, на лице которой запечатлены все следы ее прегрешений, в полном соответствии с античной традицией (Jones, 2000, p. 10).

В правление первого христианского императора Константина начинают складываться новые нормы поведения, пронизанные тем, что мы называем теперь христианской моралью. Влияние собственно античной традиции ослабевает, и, напротив, усваиваются некоторые ветхозаветные идеи, перешедшие от иудеев.

Вспомним тексты Библии, с которых мы начали этот раздел. Почему Левит запрещает татуировки, ведь это столь очевидный и наглядный способ оплакать умершего? Одно объяснение мы уже предложили — это борьба с древней магией. Другая возможная причина запрета: человеческое тело создано Богом и является его подобием, поэтому татуировка — кощунственное вмешательство и искажение образа божественного создания. Идея оказалась очень близка ранним христианам и, со временем трансформировавшись, в частности, привела к полному отказу от хирургической помощи при средневековых монастырях. Церковь заботилась о спасении души, а не о спасении тела, предпочитая скальпелю травяной настой.

А император Константин издал закон (316 г.), в котором повелел не наносить более татуировку на лоб закоренелым преступникам, а только на плечо или запястье. Это было сделано для того, чтобы не нарушить образ божественной красоты, каковым является лицо.

Эдикт первого христианского властителя Рима и подобные ему распоряжения породили к жизни производство оригинальных изделий, вызывающих сегодня споры ученых. Речь идет о металлических ошейниках с надписями вроде: «Я убежал, приведите меня обратно к дому его превосходительства Потита рядом с банями на Авентинском холме». Некоторые специалисты считают, что такие конструкции одевали на шею животным. Носят же ошейники современные домашние любимцы, кошки и собаки. Но, исходя из размеров этих предметов, относящихся к тому же к христианской эпохе, другие исследователи полагают: ошейники одевали на рабов, дабы не портить им лицо татуировкой.

Вообще поздняя Римская империя в период распространения христианства демонстрирует много противоречивых письменных свидетельств об использовании татуировок.

В конце 250-х гг., во времена гонений императора Валериана, африканский епископ Киприан писал к христианам, сосланным на нумидийские рудники. Его дьякон и биограф Понтий позже вопрошал:

«Кто были они, ...приговоренные к вторичной татуировке на лбу [*frontium notatarum secunda inscriptione signatos*]?» Как объясняет американский специалист по позднеримской литературе Марк Густафсон, этот текст означает, что заклеянные в виде наказания Валерианом, ранние христиане свою первую татуировку получили как символ крещения, и знак этот был скрыт от непосвященных (Gustafson, 2000, p. 18).

Получается, что исказить божественный образ можно было первоначально лишь нанесением наколки на лицо, а нанесение стигм на другие части тела использовалось христианами в момент наивысшего приобщения к религии, так же как религиозные татуировки применялись до этого в Сирии и Египте. Значит, запретам Ветхого Завета ранние христиане предпочли проповедь апостола Павла.

С другой стороны, римским императорам было трудно отказаться от татуировок на лице как от средства казни. Чем другим объяснить отрывок из послания епископа Хилари, направленный против императора Константина II (ок. 360 г.):

«Жалоба хорошо известна:...они [епископы] были татуированы надписями на их католических лбах (*in ecclesiasticis frontibus scriptos*) и обещены словами “приговорены к рудникам”». И это происходило уже после запрещения трогать лицо в качестве наказания...

В 373 г. император Валенс приговорил дьякона римского первосвященника к тяжелой работе на медных рудниках в Палестине. Спустя 80 лет христианский историк Теодорет записал, что на лбу дьякона был выжжен священный крест (*epi metopou characterisas*).

И все же в конце римской эпохи гуманизм победил. В своде законов 438 г. можно прочитать:

«Если кто-либо приговорен к гладиаторской школе или к рудникам за преступление, пусть не наносят ему знаки на лицо, а только на руки; и так его лицо как подобие божественной красоты не пострадает».

Итак, подведем некоторые итоги. Памятники древней письменности неоднократно говорят о татуировках, значит, традиция была широко распространена в Старом Свете. Так же очевидно, что и при-

менялась она в разных целях. В странах Ближнего Востока татуировка и шрамирование — традиционные спутники траура по покойному. Особые знаки могли наноситься служителям некоторых религиозных культов. У персов, греков, римлян — татуировка обозначала деградацию и понижение социального статуса. Напротив, у современных им балканских и причерноморских «варварских» племен, у кельтов неизгладимые знаки на теле служили подтверждением высокого положения в обществе.

В заключение этого раздела перенесемся на Дальний Восток, культурные традиции которого развивались совершенно независимо и, тем не менее, иногда обнаруживают поразительные аналогии с античным миром.

В китайской «Хронике трех царств», написанной в конце III в. н. э., сообщается о том, что обитатели Японского архипелага наносили татуировку, которая покрывала все их тело, для того чтобы избежать проклятия бога моря. Это сообщение подтверждается находками глиняных статуэток с некими рисунками на лице. Сами же жители Поднебесной, вплоть до 167 года, татуировали преступников и рабов (цит. по Мещеряков, 2004, с. 478, 479)¹. Так вновь возникает противопоставление «цивилизованного мира», где татуировка служит унижением и наказанием, и мира «варварского», того, где татуировка — оберег, украшение и знак отличия.

Свидетельства средневековых летописцев

Письменные свидетельства, оставленные средневековыми авторами, важный исторический источник, хотя, конечно, тоже не все упоминаемое в этих текстах заслуживает абсолютного доверия. Среди летописцев раннего средневековья — писатели, продолжающие описывать жизнь на руинах Римской империи, и представители совсем иной культурной традиции, крепнущего арабского Востока.

По сообщению Боэция, в 523 г. остrogотский вожь Теодорик в наказание двум жуликам повелел, «если они сами не покинут Равенну

¹ Возможно, здесь лучше опираться на рассказ известного писателя и дипломата Ван Гулика: «В истории поздней династии Хань (25—220 гг.), написанной около 445 г. упоминается, что народ Ва, и мужчины, и женщины, татуируют лица и украшают тела в соответствии со своим статусом». Глиняные фигурки вообще принадлежат культуре Дземон (10000 — 300 г. до н. э.). (Цит. по Takahiro Kitamura, 2003, p. 14.)

в указанное время, будут татуированы на лбу и изгнаны» (Gustafson, 2000, p. 20). Как видно, варвары-завоеватели вполне восприняли в этот момент античную традицию наказания.

В жизнеописании почитаемой на Британских островах святой Бригиты есть упоминания о неких «знаках дьявола» (*stigmatibus malignis* или *signa diabolica*), от которых Бригита помогает избавиться язычникам, наставляя их на путь истинный. Историк Чарльз МакГуэрри считает, что речь идет о племенных татуировках, распространенных среди ирландцев в раннем средневековье (MacQuartie, 2000, p. 32). Ирландцы раньше всех в северной Европе приняли христианство, поэтому больше всего мы узнаем о местных традициях от летописцев, живших при монастырях. Около 750 г. комментатор Библии из Кентербери записал, имея в виду современные ему ирландские обычаи: «Знаки: это то, что вы делаете, татуируя на ваших телах драконов и змей, как многие люди делают». В 786 г. папский легат докладывал в Рим о дьявольских татуировках среди островитян. Сейчас считается, что не только кельты, но и англо-сакские язычники, то есть германцы по происхождению, населившие в середине I тыс. Нортумбрию и более южные земли, тоже расписывали и разукрашивали тело (Meaneу, 1992).

В «Хрониках королей Англии», написанной в XII в. Уильямом Мэйлбэри, о тех временах сообщается, что «кожа людей была покрыта наколками».

Среди наиболее авторитетных летописцев своего времени стоит имя Ахмеда Ибн-Фадлана, оставившего весьма ценные записки о жителях Восточной Европы X в. Ибн-Фадлан путешествовал с посольством аббасидского халифа Аль-Муктадира в Волжскую Булгарию. Просвещенный арабский путешественник подробно описывал привычки и внешний облик встреченных им народов — гузов, башкир, болгар и хазар.

Списки рукописи Фадлана получили широкое распространение в странах арабского Востока и в Персии. Лишь в 1937 году копия варианта записок Фадлана, хранившегося в библиотеке при гробнице иранского имама Али ибн-Риза в Мешхеде, была подарена Академии Наук СССР. Уже через два года до читателя дошли слова Ибн-Фадлана, переведенные на русский язык.

«Книга Ахмада Ибн-Фадлана Ибн-Аль-‘Аббаса Ибн-Рашида Ибн-Хаммада, клиента Мухаммада Ибн-Сулаймана, посла Аль-Муктадира к царю славян:

...я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок... И от края ногтя (ногтей) кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений (вещей, людей) и тому подобно-го...» (Путешествие Ибн-Фадлана, 1939, с. 55).

В комментариях переводчика А. П. Ковалевского к этому отрывку высказывается мнение, что слово «изображения» имеет достаточно узкий смысл. «Собрание деревьев» — скорее всего, означало растительный орнамент; «изображения» — фигуры животных, людей и т. п.

Русы, которых встретил Фадлан, это отнюдь не славяне. Это скандинавы, варяги, активно осваивавшие в X веке водные артерии «на пути в греки» и еще восточнее, там, где до недавнего времени простирался Хазарский каганат. Поэтому описания арабского источника объективно отражают традицию нанесения татуировок, принятую у мужского населения в северогерманских племенах.

Теперь перенесемся в столицу тогдашнего цивилизованного мира — Константинополь, проделаем свой путь «из варяг в греки».

Византия унаследовала от Рима, от Греции (а если смотреть еще глубже — от Персии) отношение к татуировкам как к наказанию и символу ограничения, несвободы. Мы как наследники Византии, и шире — европейский христианский мир как наследник античного в целом, восприняли «неизгладимые знаки» именно таким образом, совместив вместе понятия стигмы и каторжного клейма. Уже при императоре Константине, как мы могли убедиться, на античное восприятие татуировки как чего-то постыдного наслонились близкие взгляды ранних христиан, воспитанных страстными проповедями библейских пророков. Что же удивляться, что для глубоко верующего христианина насильственное нанесение татуировки могло стать свидетельством особо циничного глумления?

В IX веке император-иконоборец Феофил (829—842 гг.) наказал монахов Феодора и Феофана, осужденных за идолопоклонство, точнее, за поклонение иконам. По словам византийского летописца (Zonaras), сперва братья были сильно избиты, потом татуированы (katestixe) с помощью чернил, и письма покрыли их лица. На лбу у каждого было вытатуировано стихотворение из 12 строк, описывав-

шее «преступление» и наказание несчастных. Позже Феодор и Феофан были канонизированы.

Итак, в раннем средневековье, судя по письменным источникам, сохраняется противопоставление, заметное еще в эпоху эллинизма. В цивилизованных странах — татуировка, как правило, жестокое наказание, в варварском мире — средство украсить себя. Но, по-видимому, обе традиции восходят к древней архетипической вере в действенность манипуляций со своим телом (мы поговорим об этом в следующей главе). Поэтому так ужасна татуировка на лбу раба или преступника — она освящена вниманием сверхъестественных сил. Поэтому так прекрасна татуировка на теле скифа, фракийца, кельта или руса — она не просто украшает, а оберегает своего владельца, демонстрируя всем его статус и могущество рода.

«Татуировки» в изобразительном искусстве

Мы познакомились с разными источниками, говорящими о распространении татуировок в древности — с данными физической антропологии и археологии, изучающими кости и мумии, найденные при раскопках, с многочисленными памятниками древней письменности. А теперь представим себе, что эти источники отсутствуют. Как сразу обеднеют наши представления! Что же нам останется для того, чтобы судить о распространении татуировок в древности? А останутся нам антропоморфные, то есть изображающие человека произведения изобразительного искусства. Если они покрыты какими-то орнаментами, то может быть, отражают обычай татуировать или раскрашивать тело. (Рис. 2.7) Впрочем, не исключено, что в большинстве такие орнаменты изображают нарядную одежду. Как видим, ручеек информации почти иссякает. Но все-таки рассмотрим некоторые примеры...

Орнаменты трипольских статуэток

В V и IV тыс. до н. э. в течении рек Прута, Днестра, южного Буга и Днепра распространилась так называемая трипольская археологическая культура (Энеолит СССР, 1982; Pogozeva, 1985).

По данным археологов, трипольцы жили, в основном, в лесах. Они облюбовали их, потому что искали места, наиболее пригодные

Рис. 2.7. Когда Сахара была цветущей страной, ее обитатели тоже раскрашивали или татуировали свое тело, о чем свидетельствуют наскальные рисунки. Тассили, «период кругло-головых фигур», 7000—6000 лет до н.э.

для земледелия. Ведь они были потомками одних из первых в Европе земледельцев и скотоводов, пришедших через Балканы из Малой Азии. В смешанных лиственных лесах, покрывавших холмы и равнины от Карпат до Днепра, почва была плодородна и поддавалась обработке еще достаточно примитивными орудиями. На полянах росли дикие злаки, ягоды, грибы, орехи. Дубовые, ясеневые, кленовые рощи давали приют многочисленным животным, на которых можно было охотиться. В столь благоприятных условиях хозяйство земледельско-скотоводческих племен процветало. Переселяясь все дальше на вос-

ток, эти племена основывали новые поселения. Спустя пять тысячелетий раскопки в местах расселения ранних земледельцев открыли для нас их богатую и своеобразную материальную культуру.

Трипольцы изготавливали из глины удивительные статуэтки, часто изображавшие стилизованных человечков, обычно женского пола. Ученые исследуют эти образцы мелкой пластики уже более ста лет. (Рис. 2.8а, б, в, г)

Рис. 2.8а, б. Орнаменты на теле трипольских статуэток еще могут изображать узоры на одежде, но орнамент на лице – уж точно татуировка или ритуальная раскраска (по данным Pogozeva, 1985).

Рис. 2.8в. Варианты орнаментов на лице у трипольцев (по данным Pogozeva, 1985).

В 1899 году В. В. Хвойко сделал первый доклад о таких фигурках на Археологическом Конгрессе в Киеве. Год спустя Ф. К. Волков впервые предположил, что трипольские статуэтки были предмета-

Рис. 2.8г. Аналогичная трипольской культуре Кукутени развивалась на территории современной Румынии.

например, можно объяснить тот факт, что внутри некоторых глиняных человечков помещали зерно. На поселениях статуэтки находили в разных местах. К примеру, на памятнике Сабатиновка II некоторые фигурки лежали у печи, другие — рядом с жерновами и у входа в дом. Значит, их использовали по-разному или, если изъясняться более научно, трипольские статуэтки выполняли различные функции.

А. П. Погожева исследовала свыше двух тысяч трипольских статуэток, происходивших из раскопок 112 археологических памятников. Подавляющее большинство антропоморфных изображений

ми культа. Но не все были с этим согласны. Скажем, Н. Н. Веселовский считал трипольские антропоморфные глиняные изделия игрушками. Другие археологи, наоборот, связывали их распространение с культом мертвых или с воплощением божества. Поскольку было раскопано очень много женских фигурок, эти находки стали использоваться при реконструкции социальных отношений в раннеземледельческом обществе. Естественно, они были интерпретированы как доказательство матриархата, то есть главенствующего положения женщин в трипольском социуме. Существование матриархата как неотъемлемой стадии общественного развития, в общем-то, с течением времени не подтвердилось, как бы ни привыкли к этому утверждению читатели старых советских учебников по истории. Но вот о чем говорит распространение статуэток, изображающих женщин — о культе плодородия. Женщина, дающая начало новой жизни, ассоциировалась и с производительными силами земли. Так,

были богато украшены декоративными орнаментами. Согласно традиционной интерпретации, узоры на теле глиняных фигурок изображают одежду и украшения. Но как объяснить геометрические орнаменты на лице фигурок? А. П. Погожева отнесла их к ряду татуировок. Вполне возможно, что носители трипольской культуры раскрашивали не только глиняные ритуальные изделия, но и собственные лица. Кроме того, не исключено, что некоторые орнаменты, обозначенные на других частях тела женских фигурок, тоже связаны с этой традицией. К примеру, для раннего периода трипольской культуры характерны женские изображения, у которых ягодичная область украшена спиралевидными знаками, а ноги — прямыми, параллельно идущими линиями. Эти орнаменты, созданные в пятом — четвер-

Рис. 2.9а. Женская фигурка V тысячелетия до н.э. из Северной Месопотамии демонстрирует раскраску, похожую на ту, что мы видим в традиции Триполье-Кукутени.

том тысячелетиях до н. э. удивительным образом перекликаются с рисунками татуировки на ногах фракийских женщин, живших в I тыс. до н. э. Что это, случайное сходство? Казалось бы, пропасть в три тысячи лет непреодолима. Но есть территория, которая объединяет далекие по времени племена — Балканы. Балканский народ — фракийцы — могли сохранить культурные традиции своих далеких предков, ранних земледельцев. Впрочем, конечно, эта гипотеза нуждается в доказательствах. (Рис. 2.9а, б)

Остров Пасхи: маленькие тайны огромных статуй

Острова Пасхи известны широкому кругу людей прежде всего огромными каменными статуями, изготовленными без помощи металлических инструментов.

Рис. 2.96. Традиция наносить на женское тело орнамент, по-видимому, была характерна и для египтян за 2000 лет до нашей эры.

Знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал так описал в свое время суть проблемы: «Расположенный на полпути между Южной Америкой и своими ближайшими соседями в Полинезии этот остров ко времени его открытия европейцами был самой уединенной обитаемой сушей в мире. Его 600 с лишним исполинских каменных изваяний и могучие мегалитические стены неизвестного происхождения являли одну из самых непостижимых археологических загадок как для рядового человека, так и для ученого... Ныне мы можем утверждать, что прибывшие на Пасху европейцы застали уже последние фазы умирающей культуры. ...[В 1722 г.] голландцы приблизились к берегу и увидели светложих и темнокожих людей, собравшихся у костров перед выстроенными в ряд огромными статуями. Сидя на корточках и склонив голову, островитяне молитвенно поднимали и опускали руки... У Кука был переводчик-полинезиец; он с трудом понимал местную речь, но все же разобрал, что многочисленные статуи изображают умерших королей и вождей» (Хейердал, 1982, с. 239—241).

Как известно, Тур Хейердал всю свою жизнь стремился доказать возможность трансокеанических культурных контактов островного населения с обитателями Южной Америки, в том числе эксперименталь-

ным путем. Путешествуя на плоту Кон-Тики, он пытался подтвердить гипотезу миграций древних обитателей Перу на острова Тихого океана. По его мнению, «пасхальные» статуи построили не аборигены полинезийского происхождения, а некие более ранние пришельцы, приплывшие из Америки.

К сожалению для Хейердала, последующее развитие научных знаний, в целом, опровергло эту идею. Как ни странно, решающий вклад внесли исследования молекулярных генетиков, изучавших

ДНК. Во-первых, оказалось, что почти все современные полинезийцы произошли от коренного населения всего двух островов: Хаапай в системе Тонга или Савайи из группы Самоа. Во-вторых, первоначально люди попали на острова из Юго-Восточной Азии через Новую Гвинею.

Начиная с XIX века, европейские путешественники пытались решить загадку впечатляющих изваяний острова Пасхи, сравнивая культурные традиции разных полинезийских островов. Вообще-то, фигуры людей, высеченные из камня, необычны для Полинезии, скорее всего, из-за отсутствия необходимых материалов. Большинство местных скульптур изготовлены из самого доступного сырья — относительно мягкого вулканического туфа. Например, на одном из Мар-

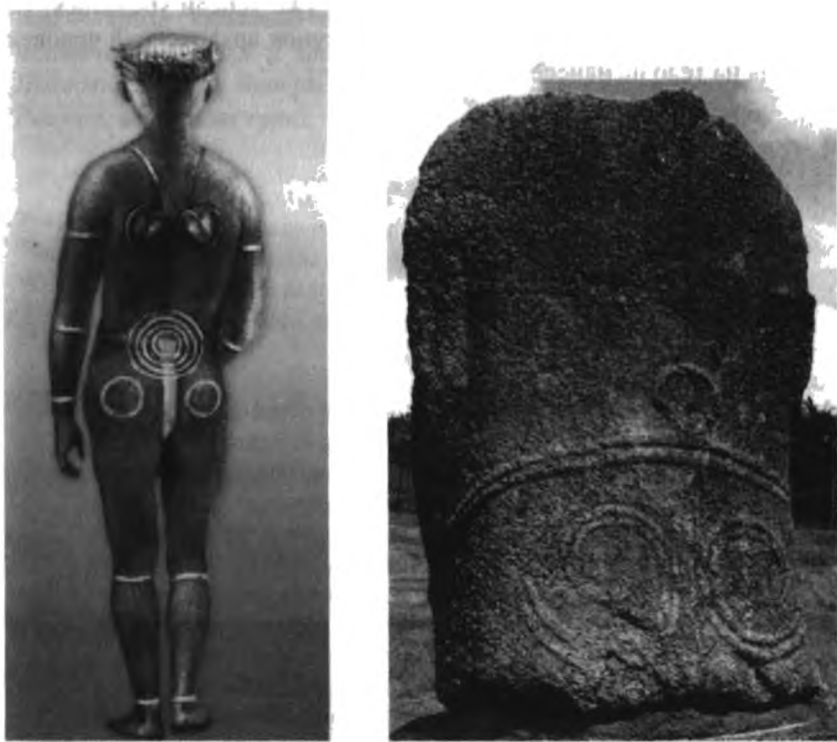

Рис. 2.10а, б. Орнамент на теле каменного гиганта с острова Пасхи и татуировка местного полинезийца.

кизских островов Хива Оа из туфа создано изваяние «Такаи» — фигура полного мужчины, высотой 2 метра 80 сантиметров. Фигура установлена на церемониальной платформе и по стилистике изображения не имеет ничего общего с базальтовыми идолами островов Пасхи, где самая большая статуя, так и названная «Гигантом», достигает в высоту 20 метров и весит около 270 тонн. И тем не менее, сейчас вполне доказано, что идолы с острова Пасхи созданы не какими-то загадочными пришельцами, а местным полинезийским населением. В том числе об этом говорят татуировки, прочерченные на поверхности каменных изваяний, в тех местах, где они видны на телах потомков их строителей. (Рис. 2.10а, б)

Конечно, кто-то может возразить, что полинезийцам-«пасховитянам» просто понравилась «наколка» каменных изваяний и они решили повторить ее на своих телах. Но мы уже успели убедиться: татуировка дело серьезное, посторонний рисунок архаический человек никогда на тело не нанесет!

ТЕЛО КАК ТЕКСТ

Культура до культуры. Природный язык тела. Тайны красоты и законы восприятия. Луна и солнце. Семантика частей тела. Тело — дом — храм. Управляю телом — управляю мирозданием. Феномен человеческого тела и происхождение изобразительного искусства. Палеолитические Венеры. Части тела в наскальных изображениях. Рисунки на частях тела.

Дано мне тело — что мне делать с ним
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Осип Мандельштам

...Я прежде всего должен заметить, что чувство красоты, очевидно, зависит от природы ума, независимо от какого-нибудь реального качества, присущего предмету наслаждения, а также, что идею красоты нельзя считать прирожденной и неизменной. Доказательством этого служит тот факт, что люди различных рас восхищаются совершенно различными типами женской красоты. ...Мы вправе заключить, что приблизительно одинаковый вкус к прекрасным краскам и музыкальным звукам проходит через значительную часть животного царства.

...Каким образом чувство красоты в его простейшем проявлении, т. е. в форме ощущения особого удовольствия, вызываемого определенными окрасками, формами и звуками, впервые возникло в уме у человека и более низко организованных животных, — вопрос в высшей степени темный.

Чарльз Дарвин, «Происхождение видов».

В предыдущей главе, которая получилась чересчур большой, мы обсудили разные источники изучения татуировок в древнем мире. Поговорили об археологии и летописях. Не обошлось без кратких экскурсов в психологию и геральдику.

Но теперь наша задача понять: как вообще могло случиться, что нашему предку пришлось в голову разукрашивать себя или кого-то еще.

Для этого нам предстоит соотнести два главных понятия: «тело» и «текст».

Культура до культуры

Текстами как знаковой системой занимается семиотика. Поэтому обратимся сперва к трудам основателя этой науки, нашего гениального соотечественника Ю. М. Лотмана (2001, с. 364): «Накопленные археологией свидетельства рисуют поистине удивительное зрелище. Перед нами — тысячелетняя картина сменяющих друг друга цивилизаций, создавших мощные строительные сооружения и ирригационные системы, воздвигавших города и огромных каменных идолов, имевших развитое ремесло: гончарное, ткаческое, металлургическое, более того, создавших вне всякого сомнения, сложные системы символов... и не оставивших никаких следов наличия письменности. Факт этот остается до сих пор необъяснимым парадоксом. Выдвигавшееся иногда предположение о том, что письменность была уничтожена пришельцами-завоевателями — сначала инками, а потом испанцами, не представляется убедительным: каменные памятники, надгробия, неразграбленные и сохранившиеся в первозданном виде захоронения, гончарная посуда и другие предметы утвари донесли бы до нас какие-нибудь следы письменности, если бы она была. Исторический опыт показывает, что бесследное уничтожение в таких масштабах не под силу никакому завоевателю. Остается предположить, что письменности не было».

По Ю. М. Лотману, письменность — это форма памяти. Причем запоминаем мы (и записываем) исключительные события, те, которые случились впервые или вообще не должны были случиться. Событиями наполнены не только наши газеты, но и старые летописи. Память такого типа ориентирована на количество эксцессов и происшествий. Культура такого рода постоянно умножает число текстов. Внимание к причинно-следственным связям и результатам образует тот феномен, который Ю. М. Лотман назвал «письменным сознанием».

Но есть и другой тип памяти — стремящийся сохранить сведения о порядке, а не о его нарушениях, о законах, а не об эксцессах. Культура, ориентированная не на умножение числа новых текстов, а на повторное воспроизводство текстов, раз и навсегда данных, требует другого устройства коллективной памяти. (Об этом же говорит и Мирча Элиаде, противопоставляя «современного» и «архаического» человека.) Роль текста здесь выполняют мнемонические символы — природные (деревья, скалы, небесные светила) и созданные человеком (идолы, курганы, архитектурные сооружения).

Вспомним повторяющиеся элементы рисунков на телах алтайских скифов (они же — на одежде, конской упряжи, оружии) и, вслед за Н. В. Полосьмак, добавим такие татуировки к категории мнемонических символов. Ю. М. Лотман заметил, что «бесписьменная» память сакрализована, она освящена ритуалами. Мнемонический (сакральный) символ не может существовать без обряда. Если следовать этой логике, в бесписьменной традиции нанесение татуировок и прочих меток невозможно без связи с ритуалом.

По Лотману, устная культура ослабляет синтаксическую основу, на которой покоится словесный текст, до предела. Поэтому она использует большое число символических знаков низшего порядка, стоящих почти на грани письменности — амулетов, владельческих знаков, счетных предметов и проч. «В рамках такой культуры возможно бурное развитие магических знаков, используемых в ритуалах и использующих простейшие геометрические фигуры: круг, крест, параллельные линии, треугольник и основные цвета. Знаки эти не следует смешивать с иероглифами или буквами, поскольку последние тяготеют к определенной семантике и обретают смысл лишь в синтагматическом ряду, образуя цепочки знаков. Первые же имеют значение размытое, часто внутренне противоречивое, обретают смысл в отношении к ритуалу и устным текстам, мнемоническими знаками которых являются. Иная их природа проявляется при сопоставлении фразы (цепочки языковых символов) и орнамента (цепочки магико-мнемонических и ритуальных символов). Развитие орнаментов и отсутствие надписей на скульптурных и архитектурных памятниках в равной мере являются характерными признаками устной культуры. Иероглиф, написанное слово или буква и идол, курган, урочище — явления, в определенном смысле, полярные и

взаимоисключающие. Первые обозначают смысл, вторые — *напоминают* о нем» (Лотман, 2001, с. 368)¹.

Кажется, с мнемоническим значением татуировок у представителей дописменной цивилизации все ясно.

Но остается вопрос: почему рисунки наносили на тело, а не только на одежду или украшения? Зачем терпеть такие мучения? Наверное, стоит подумать о том, что дано нам от природы.

Природный язык тела

Сейчас в любом книжном магазине нас подстерегают на полках пособия психологов, обучающие «искусству видеть человека насквозь, ориентируясь на тончайшие нюансы его облика». Автор одной из таких книг С. С. Степанов (2004) (про «искусство» взято мною из ее подзаголовка. — М. М.) рассматривает целый комплекс бессловесного языка внешности: жесты, мимику, черты лица и одежду современного человека. Тема эта в последнее время вызывает особый интерес, причем вполне практического свойства.

Прежде всего, оказывается, наша визуальная оценка всегда субъективна, на нее влияет степень эмоционального возбуждения. Уверенные в себе люди оценивают других как доброжелательных и уравновешенных. Неуверенные относятся к окружающим с подозрительностью. Ошибки восприятия, связанные как с переоценкой, так и с недооценкой других людей, очень сильно зависят от их внешнего вида. По данным психологов, только 8—10 % информации поступает к нам через речевое общение. Что же в остатке?

¹ С точки зрения выявленной Лотманом оппозиции письменности и мнемонического знака любопытно появление феномена средневековых гербов. Если центры грамотности находились в этот период в монастырях, следует признать, что геральдические символы сопряжены с более архаической тенденцией. Примечательно, что роль геральдики претерпевает коренные изменения в «эру письменности», то есть в эпоху Возрождения. Встречный вопрос: по данным археологических раскопок, например, рядовое население Новгорода в средневековье умело читать и писать, активно обмениваясь берестяными грамотами. Впрочем, и гербы не имели среди восточных славян такого распространения, как в Западной Европе... Еще одна попутная мысль: если письменная культура в определенном смысле противопоставлена дописменной, то, может быть, отсюда инстинктивно проистекает негативное отношение наиболее просвещенных народов древности (персов, греков, римлян, китайцев) к мнемоническим знакам татуировки? Варварские народы, у которых татуировка со знаком «плюс», принадлежали дописменной традиции...

Остается совокупность внешних признаков. Знакомясь с письменным наследием древних греков в главе 2, мы имели возможность убедиться в том, что особое внимание уделялось лицу; не случайно неизгладимые знаки на нем считались страшным позором. Античные авторы, в том числе сам Аристотель, создали учение о физиогномике, пытаясь соотнести строение человеческого лица, поведение и особенности интеллекта. Большинство обнаруженных «связей» выглядит сейчас наивно, но общее направление мыслей греческих философов было, по-видимому, верным. Определять сущность человека по лицу брались бедуины, средневековые алхимики, люди эпохи Возрождения, включая Леонардо да Винчи.

В восточной физиогномике особое внимание уделялось присутствию и расположению на теле доброкачественных новообразований — родинок. Пристальное внимание к наличию родимых пятен сохранилось у нас по сей день. С ними связаны многочисленные народные суеверия, до конца не исчезнувшие из памяти. Зачем, спрашивается, иначе было ретушировать портреты первого советского президента? Это делалось не из-за эстетических соображений, а из подсознательного стремления преодолеть негативное восприятие населением самого факта имеющейся родинки.

В XIX веке австрийский врач Франц Галль попытался создать новую теорию, получившую название френологии. Утверждалось, что поскольку всеми особенностями нашего поведения заведуют определенные участки головного мозга, то их развитие приводит к появлению соответствующих выпуклостей на черепе. Конечно, френология оказалась лженаукой, но свою положительную роль она сыграла, стимулировав фундаментальные исследования структуры и функций мозга.

Любопытно, что в начале XX века знаменитый немецкий психиатр Эрнст Кречмер в работе «Строение тела и характер» все же установил зависимость между некоторыми вариантами конституций и определенными патологическими состояниями психики.

Мы не случайно сканируем глазами облик каждого встречного, обращая внимание на его интонацию, выразительность движений, положение его тела, атрибуты одежды и т. п. вещи.

В обобщающих работах антрополога М. Л. Бутовской (напр., 2004) рассматриваются эволюционные основы языка тела у человека. Многие особенности физического облика и поведения у нас общие с другими приматами, и сравнительные исследования помогают лучше

понять собственную природу. В последнее время все больше ученых говорит о том, что некоторые черты, раньше считавшиеся сугубо человеческими, есть и у человекообразных обезьян. Среди них попадаются очень сложные способности: узнавать себя; ставить цели и добиваться их; долго помнить; предсказывать действия окружающих; постигать общие закономерности социальных отношений в своей группе и даже обманывать окружающих. И столь насыщенная жизнь наших близких родственников протекает без участия членораздельной речи!

Невербальная, т. е. неречевая коммуникация производится через разные каналы связи: ольфакторный, зрительный, звуковой, тактильный. На наше восприятие окружающих оказывают влияние статические факторы (размеры тела) и динамические (жесты, мимика, движения).

Ольфакторный канал погружает нас в мир запахов. Оказывается, у нас в носовой области располагаются чувствительные обонятельные клетки и специальный вомероназальный орган. Совсем недавно немецкие физиологи доказали: человек более чувствителен к запахам, чем шимпанзе или горилла. Это происходит благодаря развитию нашего мозга, он способен более эффективно переработать поступающую информацию.

Если учесть, что у каждого человека феромоны вырабатывают свой запах, то можно вообразить, какую «книгу» ароматов нам приходится прочитывать каждый день. Что это, если не текст?¹

Запахи спланивают мать и ее ребенка, привлекают друг к другу женщину и мужчину. Причем, если мужчина больше внимания обращает на внешний вид, для женщин при выборе партнера главное — именно запах.

Запахи не только помогают нам распознавать и выбирать друг друга, но и сообщать различные эмоции, например, тревогу. Известный этолог И. Айбл-Айбесфельд описывал ритуальный обмен запахом (потом) в знак особого расположения у представителей традиционных культур.

Зрительный канал общения связан с нашей особенностью воспринимать мимику и жесты. Основное внимание обращается на лицо

¹ Осенью 2005 года в Эрмитаже прошла любопытная художественная акция. Посетителям предлагалось понюхать ароматы, соответствовавшие фруктам, изображенным на картине Караваджо «Мальчик с лютней». Полотно просто ожило!

собеседника. По словам М. Л. Бутовской, лицо — система, несущая целый комплекс информации. Выделяют три типа сигналов, связанных с лицом: статичные (цвет кожи, особенности строения), медленные сигналы, дающие понять о возрастных изменениях (морщины, упругость кожи, пигментные пятна), быстрые сигналы (движения лицевых мускулов). Оказывается, мимическая мускулатура лица у нас тоже развита сильнее по сравнению с человекообразными обезьянами. Причем, если левое полушарие помогает нам говорить и обозначать объекты, то за восприятие чужих эмоций и мимики отвечает правая гемисфера.

Разумеется, главную роль в функционировании зрительного канала общения играют глаза. При этом важно, как мы смотрим и куда направлен взгляд. Все это существенная информация для собеседника. Серьезный, «деловой» взгляд бывает направлен на область лба и глаз¹. «Социальный взгляд» — этажом ниже, на уровне глаз и рта собеседника, он выражает дружелюбное отношение. «Интимный взгляд» обращен на зону ниже уровня глаз и на тело. Взгляд в упор — индикатор агрессии.

А что говорит нам этология о других частях лица? Какие из них более выразительны?

Выясняется, что это — высунутый язык, который используется для высмеивания других и у большинства народов означает неприязнь и агрессию. Но не у всех — у тибетцев язык означает приветствие.

Оскал зубов тоже означает агрессию. Квадратный рот с опущенными уголками — гнев. Еще один важный признак — демонстрация бороды (разумеется, у кого она имеется), еще один симптом угрозы и раздражения.

Демонстрация зубов вообще имеет огромное значение в поведении приматов. Как пишет М. Л. Бутовская (2004, с. 74), в процессе социальной эволюции видов осуществляется интенсивный отбор на применение стратегии уступчивости и принуждения в конкурентных взаимодействиях. Члены группы постоянно лавируют между уступками и конфликтом, они должны уметь адекватно оценить общность интересов и исключить соперничество там, где для выживания необходима симметричность отношений.

¹ В некоторых культурных традициях практиковалось декоративное создание «третьего глаза» в центре лба. Обладатели таких знаков якобы приобретают интуицию и дар предвидения (например, знак Шивы). Возможно, такой мотивации придерживались создатели шрамов на лбу (см. гл. 2).

Первоначальное выражение угрозы тесно связано с тем, что этологи называют «игровым лицом». С этой точки зрения в высшей степени интересны исследования человеческого смеха, как оказалось, уходящего корнями в социальную игру приматов. В нашей стране такие работы, в том числе экспериментальные, проводили М. Л. Бутовская и А. Г. Козинцев.

Любопытно, но люди почти никогда не смеются в одиночку. И, в общем-то, понятно, почему, ведь, по словам А. Г. Козинцева (2002, с. 15), даже смех младенцев имеет отношение к ритуальной угрозе. Вместе с тем совместный смех объединяет, он может быть заразителен, и это имеет свои биологические объяснения. Такие разные с точки зрения эмоций явления, как смех, плач и зевота, имеют много общего: они снимают стресс, с их помощью происходит временный уход от реальности, диктуемой речью и культурой (Козинцев, 1999, с. 110). Начиная с детского возраста, чаще смеются друг с другом лидеры, индивидуумы высокого социального ранга, причем попытки женщин шутить вызывают значительно меньшую ответную реакцию (обзор см. Бутовская, 2004). Последнее неудивительно, эта закономерность лишняя раз доказывает доминирующее положение мужской части населения в патриархальном обществе приматов.

Итак, мы убедились, что в процессе общения человек обращает особое внимание на демонстративные сигналы возможной агрессии. Особенно информативными частями лица с этой точки зрения являются рот (губы), язык, зубы. Забегая вперед, заметим: это именно они чаще всего подвергаются необратимым манипуляциям у представителей традиционных культур.

Теперь посмотрим, каков природный язык других отделов тела. По словам М. Л. Бутовской, на протяжении всей своей эволюции человек умел понимать и оценивать эмоциональное состояние соплеменников по спонтанным движениям их туловища, рук и ног. В этологии жест — это обычно движение руками, в семиотике «жест» — это знак, понятие более глобальное. Очень часто наши телодвижения носят врожденный характер, они универсальны для всего человечества. Таковы жесты просьбы (протянутая рука ладонью вверх, пальцы лодочкой); страха (прикрывание рукой головы или лица); одобрения (хлопанье в ладоши); неодобрения (покачивание поднятым вверх указательным пальцем); предвкушения возбуждения (трение одной ладонью о другую); жест голода (потирание живота в области желудка) (цит. по Бутовская, 2004, с. 92). Подчиняясь врожденному инстинкту,

мы протягиваем руки к собеседнику ладонями вверх в знак мирных намерений («смотри, у меня нет оружия») или хватаемся за кончик носа, когда чувствуем себя неуверенно; в бессилии разводим руками. Это все эмоциональные выражения, им нельзя научить, они и так есть у каждого из нас.

Другое дело жесты, называемые сигналами диалога. Они разные в разных культурных традициях, им незаметно обучаются с детства. Некоторые из них, так называемые иллюстраторы, делают более выразительной синхронную им речь. Другие — регуляторы, направлены на поддержание общения, когда особенно нечего сказать. Третьи называют эмблемами, они заменяют какие-то конкретные выражения.

И, наконец, мы добрались до самого главного — так называемых автоадапторов. Под ними этологи подразумевают манипуляции с телом, понимая под этим термином сам процесс, а не конечный результат.

Как пишет М. Л. Бутовская, в состоянии стресса люди часто почесывают голову, кусают губы или грызут ногти. Эти движения могут переходить в демонстративную категорию и превращаться в ритуалы. То есть происходит «смещение активности». Скажем, поведение плакальчиков, рвущих на себе волосы и царапающих лицо, попадает в эту категорию. (Следовательно, авторы Ветхого Завета, с запретами которых мы познакомились в предыдущей главе, выступали против сознательной или подсознательной имитации стрессовой ситуации.)

Итак, даже самое поверхностное знакомство с работами специалистов по поведению человека приводит к заключению, что наше тело обладает выразительным природным языком. Некоторые структуры обладают особым значением для выражения состояний угрозы, они же, по-видимому, играют ведущую роль в установлении мирного общения и взаимодействия. Этология способна объяснить возникновение даже таких сложных процедур, как манипуляции с телом. Но в контексте этой науки манипуляции рассматриваются как динамический процесс. Нас же больше интересует конечный результат этих действий — появление статических знаков, приобретающих в рамках общечеловеческой культуры независимое информационное и эстетическое значение.

Тайны красоты и законы восприятия

Как оценить тайны красоты? Чем измерить законы восприятия одного человека другим? В чем магия обаяния, заставляющая нас к

одному человеку относиться с симпатией, а к другому — с неприязнью? Конечно, принято судить по делам, но как часто на наши эмоции влияют внешние особенности...

Казалось бы, об этом могут судить только поэты. Гармонию алгеброй поверить невозможно. Но оказывается, некоторые ученые находят путь к измерению законов нашего восприятия. Одна из таких работ, принадлежащая перу российской исследовательницы Н. И. Халдеевой, была опубликована совсем недавно (Халдеева, 2004). Как подчеркивает этот автор, понятие красоты — историческая категория, ведь каждая эпоха и культурная модель рожают свои эталоны прекрасного лица. И, тем не менее, оказывается возможным оценить закономерности эстетического восприятия.

Антропозстетика, новый раздел физической антропологии, который обозначает Н. И. Халдеева, изучает способность отдельного человека ценностно воспринимать свой и чужой физический облик, выражая к ним эстетически определенное отношение.

Для этого был разработан новый методологический подход, сочетающий классические описательные приемы этнической антропологии и анкетирование. По стандартным антропологическим шкалам оценивались цвет волос и глаз, форма профиля носа и толщина губ, особенности овала лица.

Обследование производилось чрезвычайно широко: среди русских Вологодской, Тверской, Рязанской, Костромской областей, Ставропольского края, среди финно-угорских народов (коми, мордва, марийцы, венгры), в тюркоязычных группах (башкиры, татары, чувашаи), среди калмыков, китайцев, литовцев и арабов. Н. И. Халдеева описывала реальные физические особенности опрашиваемого и соотносила эти данные с его ответами на вопросы о предпочтениях облика для каждого пола.

Мужчины почти всех изученных групп проявляли свои антропозстетические предпочтения, выбирая мужские варианты внешности, наиболее схожие с их собственным антропологическим вариантом. Женщины тоже руководствовались этноспецифическими особенностями мужчин своей группы при выборе вариантов мужской красоты. В то же время представления о женской красоте отличались значительным разнообразием. Мужчины при формировании представлений о красивых женщинах меньше учитывали собственные антропологические особенности. Женщины в своих представлениях о женском идеале свою антропологию практически не учитывали. В то же время

мужчины учитывали антропологические особенности женского лица при описании эстетически предпочтительных вариантов женской внешности. Получается, что мужчины больше внимание обращают на характерные отличия своей группы от других, а женщины в своих оценках могут отклоняться от принятого эталона.

На основании данных Н. И. Халдеевой мы можем сделать еще некоторые выводы: у мужчин по отношению к представителям собственного пола сильнее проявляется разграничение «свой-чужой», осуществляемое по принципу подсознательного отбора близких антропологических особенностей. У женщин система «антропологического» выбора своих работает не так жестко. Выявленные Н. И. Халдеевой эстетические закономерности помогают нам понять, например, как обеспечивался механизм так называемой мужской миграции¹. В истории человечества неоднократно возникали ситуации, когда коллективы молодых мужчин, часто связанных друг с другом тесными родственными связями, предпринимали длительные охотничьи или военные походы, не всегда возвращаясь в предковую популяцию. В случае, если бы у них существовал очень ограниченный идеал женской красоты, мигранты рисковали не оставить потомства на других территориях. В то же время этот механизм расселения был достаточно эффективен. Система опознавания «свой-чужой» дополнялась социальной атрибутикой в виде характерных элементов материальной культуры, одежды, причесок и знаков на теле. Последние, по-видимому, особенно важны в определении внешности, потому что индивидуальная морфологическая изменчивость даже внутри близкородственных групп может быть высока.

Группа немецких психологов во главе с Кристофом Брауном также пыталась объективно оценить законы восприятия человеческого лица. Они сфотографировали нескольких добровольцев от 17 до 29 лет и опросили большое число респондентов, пытаясь определить по 7-балльной шкале степень привлекательности каждого лица. Потом реальные фотографии были заменены на обобщенные портреты, полученные при помощи специальной компьютерной программы. Вир-

¹ Собственно говоря, именно этот механизм имеет в виду Н. И. Халдеева, описывая психологическое состояние обучающихся в России китайцев и арабов: находясь в ситуации временных мигрантов, они выбирают путь положительного эстетического восприятия новых вариантов и создают новую антропозстетическую модель.

туальным женским лицам придавали детские пропорции, и именно такие черты лица оказались, по данным опроса, наиболее привлекательными. По мнению исследователей, сочетание детскости и зрелости как канон красоты отвечает биологическим потребностям продолжения рода, по-видимому, такое сочетание селективно выгодно.

По результатам работ американских психологов Дж. Ланглойса и Л. Роггмана, усредненность, стандартность лица вообще делают его более привлекательным. Мы можем предположить, что подобная закономерность тоже обусловлена биологическими факторами. Резкие «отклонения от нормы» не приветствуются естественным отбором. В этом, очевидно, и заключается загадка красоты метисов, рожденных в браках представителей разных рас.

Луна и солнце.

Семантика частей тела. Тело-дом-храм

Стоит ли удивляться, что для представителей традиционных культур, к которым, без сомнения, можно отнести и народы давно ушедшей древности, человеческое тело являло собой основу мироздания, ту матрицу, которая порождала организацию мирового порядка.

На определенном этапе общественного развития универсальным становится представление об антропоморфном строении вселенной. Весь мир предстает как огромное человеческое тело. (Рис. 3.1)

Например, о главе олимпийского пантеона богов, Зевсе, древние греки, сторонники религиозного учения орфиков, говорили так: «Одна сила, один дух, могучая основа мира и одно божественное тело, в котором все круговращается: огонь и вода, земля и эфир, ночная тьма и дневной свет... Его голова и прекрасное лицо его — это блестящее небо, и кругом как бы золотые локоны... глаза это солнце и противостоящая луна. Истый царственный дух есть негибнущий эфир. Столь же блестяще у него туловище, неизмеримо, несокрушимое, крепкое, с сильными членами, гигантское; плечи бога и грудь его, широкая спина — это далеко простирающийся воздух... Подошвы его ног — корень земли, мрачный тартар и крайние пределы преисподней. В себе сокрыл он все, чтобы снова на свет многорадостный все извести из лона, являя чудо за чудом» (Художественная культура, 1997, с. 135).

В индийской мифологии из расчлененного тела первочеловека Пуруши возникли не только элементы космоса, но и социальная структура. Так, из его пупа появился воздух, из головы — небо, из

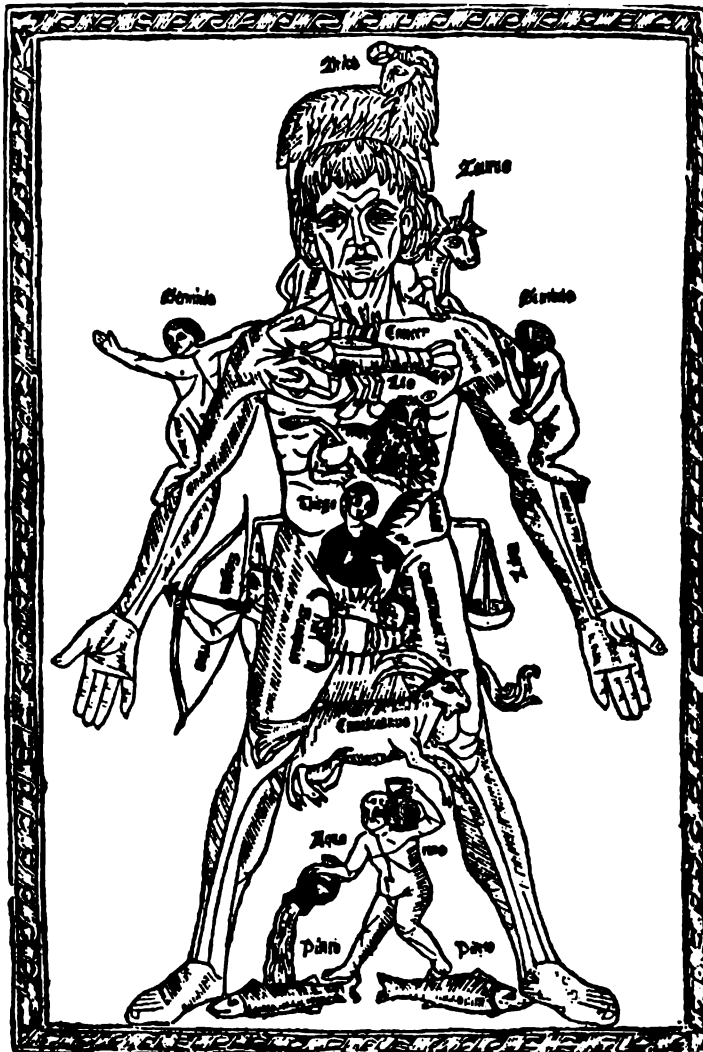

Рис. 3.1. Антропоморфизация Космоса сохранила свои позиции в средневековых представлениях. На диаграмме начала XVI века изображены области человеческого тела, подверженные влиянию звезд. Обратим внимание на связь «огненных знаков» Овна и Тельца с головой, а созвездия Рыб – с ногами. Не правда ли, есть определенное сходство с локализацией некоторых татуировок на теле пазырыкского вождя? (по «Панорама средневековья. Энциклопедия средневекового искусства», 2002, ред. Р. Бартлетт, М.: Интербук-Бизнес, с. 200).

ушей — стороны света, а изо рта — жрецы-брахманы, из рук — воины-кшатрии, из бедер — земледельцы-вайшьи, из ног — шудры.

Очень похожие сюжеты можно видеть в скандинавской мифологии, где плоть великана Имира стала землей, «стали кости горами, небом стал череп холодного турса, а кровь его морем» (Старшая Эдда, 2000, с. 75).

А вот пример совсем далекий от индоевропейской традиции.

В китайском мифе вселенная возникает из тела гиганта Паньгу. Его дыхание стало ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый глаз — луной, его конечности и костяк — четырьмя сторонами света и пятью великими горами, кровь — реками, жилы и вены — дорогами на земле, мясо — почвой на полях, волосы — звездами, растительность на теле — травами и деревьями, зубы и кости — золотом и камнями, семя и костный мозг — жемчугом и яшмой, пот — дождем и росой.

Мы видим, как очень разные культуры, не все из которых связаны общностью происхождения, используют один образный язык. В этом универсальном для всего человечества тексте все, что относится к верхней части тела и к голове, связано с небом, солнцем, луной, звездами. «Свод черепа» (вполне анатомическое понятие) ассоциируется с небесным сводом. Туловище воплощает землю, ноги (по-видимому, не всегда) «уходят корнями» в нижний мир.

Соответственно, семантика частей тела в представлении архаического человека принципиально различается. И нас не должен удивлять спиралевидный солнечный знак на лице мужской мумии из пустыни Такламакан или «деревья», растительные орнаменты на теле русов. Напротив, где же им еще быть, если вселенная Предков антропоморфна?

В «Мифе о вечном возвращении», одной из центральных своих работ, Мирча Элиаде детально проследил цепочку связей между Космосом, домом и человеческим телом. Сделал он это на примере индийской культуры, но близкие представления можно встретить и далеко от Индии.

Религиозный человек живет в Космосе и открыт Миру. Он проживает свою жизнь как таинство. Он должен находиться в месте, где постоянна связь с богами. Его дом — такое место, это микрокосм и фактически храм. Тело человека — такой же микрокосм, оно ритуально воплощает Космос или ведический жертвенник и, соответственно, уподобляется дому. В тексте хатха-йоги говорится о человеческом

Воин с Маркизских островов. XIX в.

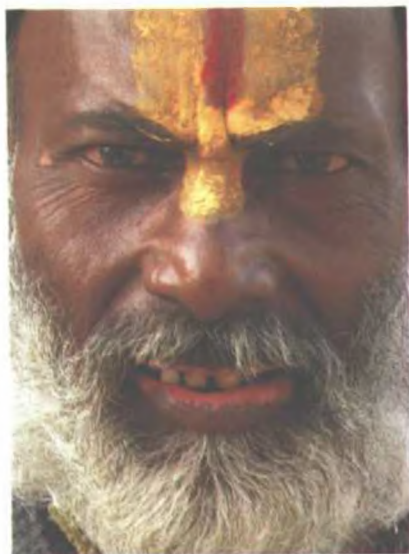
Татуировка у
новозеландских маори.
Рисунок спутника
капитана Кука. XVIII в.

Французская
художница Орлан
с силиконовыми
имплантатами
в области надбровья

Тагуировка у курдских женщин, Северная Сирия (фото Д. Мадурова)

Раскраска лба у вишнуитов

Раскраска лба у шиваитов

(фото с сайта www.pataney.com)

Изображения татуировок
в японской графике юкийо. XIX в.

Копия женской
фигурки эпохи
неолита
(5300—4500 гг.
до н. э.), оригинал,
Музей Волос, Греция
(фото А. Бужиловой,
А. Тазбаша)

Татуировка
на лице мумии
из пустыни
Такла-Макан

теле как о здании с одной колонной и девятью дверьми. Кроме того, части туловища соотносятся с элементами вселенной: позвоночник с осью мира (Космический столб или гора Меру), дыхание — с ветром, пуп или сердце — с центром мироздания. Элиаде специально подчеркивает: эти образы равнозначны, и каждый из них открывает путь в иной мир, становясь Вратами высшего порядка. Здесь уже совсем рядом стоят манипуляции с телом. Индуисты верят, что душа улетает через верхнюю точку в черепной коробке. Чтобы облегчить страдания умирающего, разбирают крышу дома.

Назовем некоторые другие важные идеи, связывающие миф с человеческой телесностью.

В мифическом мышлении прежде чем стать индивидуальным, необходимо стать тотальным. Двуполость рассматривается как высшее состояние, она совершенна (Элиаде, 2002, с. 75). Поэтому, в частности, во время обрядов перехода иногда происходит переодевание в одежду другого пола.

В общемировом культурном наследии существует категория мифов, герои которых стремятся овладеть секретом телесного бессмертия (в бессмертии души архаический человек не сомневался). Это так называемые мифы орфического цикла, где повествуется о путешествии главного персонажа в ад. Определенная часть таких сказаний явно связана с идеей возвращения в материнское чрево. В качестве характерного примера используется полинезийская легенда о Мауи. В конце жизни культурный герой островов Океании вернулся на родину и увидел спящей Великую Женщину (Ночь). Мауи проник в тело гигантши и уже пытался выйти через ее рот, но в этот момент птицы подняли шум, и великанша сжала зубы. Мауи погиб, поэтому человек смертен. Если бы он совершил путь через тело своего предка, люди обрели бы бессмертие.

Мотив спуска в лоно Матери-Земли (то есть в ад) связан в первобытном представлении с образами женской агрессивности, сексуальности и даже материнской прожорливости. Он возникает во многих частях света и, надо сказать, иногда такие путешествия заканчиваются благополучно для героев (особенно если образ женщины заменяет морское чудовище¹). Это можно сказать о действующих лицах финского эпоса Вайнямейнене и Ильмаринене, библейском Ионе.

¹ Таким чудовищем в библейской мифологии служит Левиафан, иногда изображаемый как крокодил, гигантский змей или дракон. Пример непостижимости

Еще один внешний аспект агрессивности, привлекавший внимание древних — демонстрация внутреннего жара и магического иступления. Люди, способные демонстрировать такие изменения, воспринимались как сверхъестественные существа, например, ими были шаманы или берсерки. Если человек вел себя как бешеный зверь, неважно волк, медведь или леопард, в нем воплощалась высшая религиозная сила.

Человеческое (или антропоморфное) тело как исходный объект для созидания различных явлений — это мотив, неоднократно рассмотренный в работах М. Элиаде (1999). В частности, логика, лежащая в основе жертвенных ритуалов, по М. Элиаде, соотносится с представлениями о неизбежной реализации насильственно прерванной жизни в другой форме.

Поэтому на полях кровопролитных сражений вырастают розы или шиповник; из крови Аттиса — фиалки; из крови Адониса — розы и анемоны; из тела Осириса¹ — пшеница, растение маат и другие травы; поэтому кровавые культы мезоамериканских индейцев призваны обеспечить плодородие. Смерть бога (часто представленного в ритуале человеком) была связана с повторением космогонического акта, причем растение выступало как символ возрождения жизни. Исходя из этих представлений, кровь, как и любая другая субстанция человеческого организма, священна, а манипуляция с телом или его частями может иметь последствия в изменении структуры мира.

Кровь выступает как универсальный символ силы и оплодотворения. Не случайно в Австралии, как и во многих других местах, посвящаемых новичков окрашивали красной охрой или просто обмазывали кровью. У австралийцев Дийери неопитам вскрывали вены, чтобы одарить их смелостью. В племенах Караджери и Иштимунди давали попробовать вкус крови. По словам Л. Леви-Брюля, большинство народов мира отдает предпочтение красной краске.

божественного творения. Мифы о Левиафане восходят к представлениям об олицетворенном первобытном хаосе, враждебном богу-творцу, но им покоренном; спящем, но могущем быть разбуженным.

¹ Показательна история Осириса — бога производительных сил природы, царя загробного мира. В пантеоне египетских богов он стоял очень высоко, будучи старшим сыном бога земли Геба и богини неба Нут. Замысливший погубить Осириса его брат Сет разрубил его тело на 14 частей, которые разбросал по всему Египту. Но жена Осириса Исида собрала их воедино и погребла. Оживший Осирис не захотел остаться в мире людей.

Управляю телом — управляю мирозданием

Раз тело — матрица вселенной, меняя его, можно изменить порядок вещей. Или, скорее, сохранить, ведь, как мы убедились с помощью признанных авторитетов, человек дописьменной, архаической культуры весьма консервативен. Он готов на любые страдания, лишь бы поддерживать изначальный закон бытия, каким он себе его представляет.

И вот крупнейший специалист в области обрядов перехода Арнольд Ван Геннеп пишет, что с человеческим туловищем обращаются как с куском дерева, надрезая и нещадно «исправляя» его: «выступающие части могут быть отрезаны, ровные поверхности изогнуты» (Van Gennep, 1960).

Этологи говорили о членовредительских манипуляциях с телом как о некоем смещенном продолжении инстинктивных эмоциональных действий. Но знаки от многих операций остаются навсегда, мало того, они превращаются в самодостаточную ценность, в неподвижный и неизменный мнемонический символ. Попробуем в самом общем виде понять, какую смысловую нагрузку они несут, поддерживая прочность мировой конструкции.

Мы некоторое внимание уделили природному языку тела. Теперь можем убедиться, что в момент испытаний те органы, которые играют особую роль в процессе социального общения, подвергаются особо интенсивному воздействию.

Зубы, элементарно нужные нам для поглощения пищи, часто подвергаются портящим их процедурам. В разных традициях их выбивали, подпиливали, чернили, инкрустировали. И если демонстрация здоровых зубов — проявление агрессии, то какую цель преследовали эти процедуры?

Мимика рта, положение верхней и нижней губы тоже прямо связаны с угрозой. Перфорации, инкрустация, татуировки в этой области способны либо усилить, либо смягчить выражение свирепости.

Последствия процедур в нижней центральной части лба концентрируют внимание окружающих, призывают к серьезности.

В общем, нужно признать: создание неизгладимых знаков помогало регулировать отношения между людьми, облегчало процесс общения. В каких-то случаях эти освященные мифом символы помогали умерить агрессию, в других — наоборот, демонстрировали силу. Скорее всего, последний мотив был более характерным для мужчин, с их обязательной системой распознавания «свой-чужой». Но, самое

главное, ритуалы посвящения, во время которых наносились несмываемые метки, создавали четкую иерархию и спланировали членов группы. Так, управляя своим телом, люди действительно управляли мирозданием — точнее, миром родовой общины.

Феномен человеческого тела и происхождение изобразительного искусства

Когда же возникло изобразительное искусство? Этот вопрос традиционно волнует умы многих специалистов и даже некоторых не столь просвещенных граждан. Конечно, мы не можем в рамках этой книги решить столь сложную проблему, поэтому затронем только те аспекты, которые могут нам помочь в исследовании татуировок и прочих неизгладимых знаков.

Долгое время считалось, и, в принципе, эти взгляды преобладают по сей день, что появление изобразительного искусства целиком относится к стадии формирования человека современного анатомического облика. В соответствии с этой точкой зрения, создатель изобразительного искусства — кроманьонец эпохи верхнего палеолита, появившийся в Европе около 40 тысяч лет назад.

Сейчас, однако, все очень сильно усложнилось. Во-первых, стало ясно, что современные с точки зрения анатомии люди в Африке жили уже как минимум 195 тысяч лет назад. Оттуда они проникли на территорию Палестины, где населяли местные пещеры в промежутке 120—90 тысяч лет до наших дней. Эти «протокроманьонцы» использовали так называемую мустьерскую, то есть неандертальскую технологию изготовления каменных орудий. Но по своему внешнему облику они практически не отличались от более поздних представителей человека разумного, а значит, могли быть способны к действиям, выходящим за рамки утилитарных, бытовых потребностей, то есть потенциально могли творить.

Во-вторых, еще неизвестно, насколько «архаическая» внешность связана со способностью к сложному мировосприятию и с абстрактными понятиями. И если по оценкам некоторых ученых питекантроп или человек прямоходящий был способен к сложной коммуникации при помощи языка жестов, то что говорить о «классических» неандертальцах Европы, многие из которых имели шанс 40—28 тысяч лет назад встретиться с кроманьонскими пришельцами из тропической зоны.

Замечательный английский писатель Уильям Голдинг в своем романе о неандертальцах «Наследники» очень четко отразил научные воззрения пятидесятилетней давности об их духовном мире. Сознание неандертальского человека как будто подернуто дымкой или застлано туманом. Перед читателем возникает картина сильных, но простых чувств, эмоций, обрывки слов и образов. Но, судя по всему, реальность была значительно менее примитивной. «Туман» в сознании первобытного человека рассеялся значительно раньше. И, возможно, скоро появятся археологические подтверждения этого тезиса.

Может быть, до нас просто не дошли самые ранние произведения искусства?

Впрочем, некоторые следы неутилитарной деятельности эволюционных предшественников *Homo sapiens* давно известны специалистам. И, что в высшей степени примечательно, «антропоморфные» изображения могли существовать задолго до появления на Земле нашего вида. Так, возможно, около трех миллионов лет назад живший в Южной Африке австралопитек нашел яшмовую гальку с естественными выемками, напомнившими ему глаза, рот и нос, и отнес на свою стоянку показать забавный камешек сородичам. В 1925 году при раскопках в Макапансгате археологи нашли эту гальку, но вплоть до недавней работы Р. Беднарика никто не предполагал рассматривать ее в качестве возможного доказательства символического мышления у австралопитеков (которые, к тому же, совсем необязательно были нашими предками).

Но это чересчур гипотетические реконструкции, которые разделяют далеко не все ученые. Есть другие, более достоверные данные. В 1981 году при раскопках стоянки Берехат Рам на территории Израиля был найден предмет из окатанного вулканического туфа, похожий на заготовку для антропоморфной статуэтки. Там намечается голова, шея, плечи, руки и бюст, а геологический уровень, в котором найден этот предмет, соответствует периоду от 150 до 280 тысяч лет назад! (цит. по Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004). Но, как мы знаем, в это время в Африке уже существовал человек современного вида, поэтому не исключено, что «фигурка» из Берехат Рам — одно из свидетельств его ранних попыток освоить территорию Палестины.

В этом смысле не менее любопытна «маска», сделанная руками классических неандертальцев! Ее нашли во Франции, в мустьерском слое пещеры Ла Рош Котар. Выглядит она, конечно, довольно примитивно, сразу и не понятно, что это такое: круглый кусок кремня с

двумя естественными углублениями в центре, соединенными естественным отверстием. Но в отверстие кто-то из неандертальцев вставил костяную щепку, и получилось лицо с глазами и носом (цит. по Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004, с. 68). Получается, что проблема собственной телесности волновала не только анатомически современного сапиенса.

Чтобы оценить способность первобытного человека создавать произведения искусства, некоторые специалисты предлагают различать такие категории, как «символ», «визуальное мышление» или «интуитивное мышление». Естественно, в этой области науки разворачиваются бурные дебаты. Если говорить об изобразительной деятельности, символ представляет собой более глубокое абстрактное понятие и, соответственно, результат более сложных умственных процессов по сравнению с реалистическим «копированием». Часть ученых предполагает, что, хотя неандертальцы добились большого успеха в интеллектуальной деятельности, они мыслили еще в большей степени интуитивно. Другие считают, что даже наскальное искусство кроманьонцев, демонстрирующее поразительно точное воспроизведение натуры, не свидетельствует о наличии символического мышления. Не исключается, что анатомически современные люди верхнего палеолита, украшая своими рисунками стены пещер, делали это, скорее полагаясь на интуицию. Вместе с тем не отвергается и способность человека умелого, прямоходящего и «разумно-неандертальского» мыслить символически. Что же до изобразительной деятельности кроманьонцев, она рассматривается как «визуальное мышление», часть «интуитивного». И, наконец, третий взгляд: живопись эпохи верхнего палеолита реалистична по форме, но глубоко символична по содержанию.

Рассмотрим поподробнее некоторые аргументы участников дискуссии. Так, несколько лет назад антрополог Йан Тэттерсолл выдвинул предположение, что еще 70 тысяч лет назад неандертальцы, населявшие Европу, не владели членораздельной речью, не были способны вычленять из своего повседневного жизненного опыта абстрактные понятия и оперировать дискретными ментальными символами. Мотивация их действий была интуитивной, она не основывалась на символических представлениях о природе вещей.

Такую позицию исследователя можно назвать консервативной. Впрочем, необходимо будет заметить в скобках, что в большинстве отечественных учебников по антропологии неандертальцам вообще отказано в полноценном владении речевым аппаратом, а давность

членораздельного общения оценивается всего лишь сроком 40 тысяч лет. (Кстати, непонятно, как тогда общались протокроманьонцы в Палестине 120—100 тысяч лет назад.)

Итак, по мнению Тэттерсолла, «неандертальцы демонстрировали очень сложный, в некоторых своих аспектах совершенно восхитительный образ жизни, основанный на могучей интуиции этих разумных существ. Несомненно, они говорили. Также несомненно, что это был язык, непохожий на то, что мы под этим подразумеваем».

Почему американский антрополог пришел к таким выводам? Дело в том, что, согласно его определению, речь — бесспорно символическая мыслительная функция. Неандертальцы же априори отказались на пути своего эволюционного развития от драгоценных преимуществ символического мышления, благодаря чему были вытеснены с лица Земли кроманьонцами, около 40 тысяч лет назад пришедшими в Европу, принеся с собой «скульптуру, живопись, музыку, орнаментацию собственного тела, тонкое понимание различных материалов, сложные обряды погребения, традиции украшения утилитарных объектов». Все эти проявления деятельности анатомически современного человека расцениваются как доказательства символических мыслительных процессов.

Теперь послушаем сторонников другой точки зрения. До изобретения звукозаписывающих устройств сигналы, произнесенные вслух и два миллиона, и две сотни лет назад, исчезали безвозвратно. На этот источник слишком сложно опираться для установления уровня умственной деятельности наших далеких предков и их близких родственников.

Живопись и скульптуры, созданные людьми верхнего палеолита в реалистической манере не символичны, это подобию или имитации. Способность рисовать копии функционально обеспечивается частями головного мозга, не совпадающими с областями, ответственными за членораздельную речь. На этом основании можно допустить, что неандертальцы мыслили более символически и говорили еще более артикулированно по сравнению с кроманьонцами. Символическая речь, с одной стороны, и живопись — с другой, могли быть параллельными, если не конкурирующими, способами ментальной активности.

Современность демонстрирует нам мало примеров тому, чтобы великие скульпторы или художники были одновременно великими писателями или философами (мемуарная беллетристика не в счет). Так же трудно назвать примеры великих композиторов, давших нача-

ло новому философскому учению. Малоизвестны и знаменитые писатели, бывшие одновременно бы гениальными живописцами. Но, к примеру, если после Джейн Остин не осталось написанных ею картин, значит ли это, что она ничего не написала? Или это был псевдоним художника, скажем, Джона Констэбла?

Применительно к нашим почти что современникам подобные рассуждения кажутся нам просто смешными. Но почему они не кажутся нам такими забавными, когда речь идет о неандертальцах и кроманьонцах?

Владение словом может быть не менее символично, чем буквальное изображение действительности на холсте.

Так что не будем категоричны в своих суждениях, не будем отказывать нашим неандертальским собратям в способности искусственно преобразовать свою внешность. Ведь знали же некоторые из них погребальный обряд.

Как отмечают российские исследователи, авторы книги «Происхождение знакового поведения» А. Я. Шер, Л. Б. Вишняцкий и Н. С. Бледнова (2004), эмпирические данные говорят, что становление культуры началось задолго до появления человека. В то же время на вопрос, на каком этапе антропогенеза инстинктивное знаковое поведение, свойственное животным, пополнилось сознательным поведением, свойственным только *Homo sapiens sapiens*, эти ученые дают ответ: «Знаковое поведение человека — совершенно новое в эволюции гоминид».

Считается, что феномен появления изобразительного искусства не связан первоначально с изображением человека. В наскальной живописи кроманьонцев доминируют образы животных. Антропоморфных изображений мало, да и они весьма своеобразны. Например, в пещере Трех Братьев сохранилась фигура предполагаемого колдуна с оленьими рогами на голове и лошадиным хвостом. По словам А. Ф. Анисимова, она свидетельствует о несомненном тотемическом характере исполнявшегося в пещере массового обряда. Впрочем, существует множество других интерпретаций...

Но, как свидетельствует антропологический источник, уже 27—26 тысяч лет назад в моравском племени Долъни Вестонице практикуются ритуалы посвящения юношей в союз взрослых мужчин-охотников, сопряженные с нанесением им на лоб глубоких шрамов. Следы от травм на лбу у моравских людей эпохи верхнего палеолита — настоящие мнемонические символы. Они, наряду с находкой антропо-

морфной мужской фигурки-марионетки из мамонтовой кости в синхронном «шаманском» погребении Брно II, говорят о том, что этап «антропоморфизации вселенной» в сознании первобытного человека уже наступил. Идентичная татуировка у мужчин племени выступает как отпечаток сложившегося мифа; налицо отличительные признаки дописьменного текста: консерватизм и избирательность. Сакральный текст написан, и его локализация только подчеркивает серьезность происходящего.

Палеолитические Венеры. Части тела в наскальных изображениях. Рисунки на частях тела

Палеоантропологические находки ранних кроманьонцев в Европе свидетельствуют об их высоком росте и тропических пропорциях тела, проявлявшихся в удлинении предплечья и голени. Это было время интерстадиала — промежутка между оледенениями, когда морозный панцирь, сковавший Европу, немного отступил на север. Но примерно 19 тысяч лет назад оледенение возобновилось с новой силой. Уцелевшие люди были вынуждены приспосабливаться к жизни в условиях холодового стресса. Изменившийся климат повлиял на многие стороны их жизни и даже изменил их самих: длина тела населения позднего верхнего палеолита заметно уменьшилась.

Скелетная конституция населения эпохи верхнего палеолита, таким образом, хорошо известна специалистам. Что же касается других особенностей габитуса, о них могут свидетельствовать скульптурные антропоморфные, преимущественно женские, изображения, внезапно распространяющиеся на огромной территории от Пиренеев до Сибири.

Каковы же были палеолитические «Венеры»? Сразу надо сказать, что большинство из них отличалось от известной дамы из Мило-са или от романтического образа Боттичелли не только чертами лица. (Рис. 3.2а, б) (Рис. 3.3а, б)

Некоторые археологи и искусствоведы даже вполне серьезно обсуждали эндокринные нарушения, которыми страдали несчастные женщины верхнего палеолита (Dickson, 1996). Обсуждая пропорции фигурок, они отмечали массивную гипертрофию грудных желез и ставили диагноз «синдром Кашинга» или «гиперадренокортицизм».

Рис. 3.2а, б. Верхнепалеолитическая женская статуэтка из Виллендорфа.

Рис. 3.3а, б. Готтентотские женщины демонстрируют тип телосложения, близкий палеолитическим Венерам (Художественная культура..., 1994, с. 186).

Этот синдром, вызванный чрезмерной секрецией стероидного гормона кортизона, имеет морфологические последствия в виде тучности, тонких конечностей, искривленной спины с повышенными жировыми отложениями или горба, луноликого лица. Индивидуумы, страдающие подобной патологией, к тому же излишне возбудимы и легко впадают в эйфорию. По мнению некоторых ученых, такие психологические черты могли применяться в шаманской практике.

Вот только некоторые мнения признанных специалистов в области происхождения изобразительного искусства.

А. П. Окладников: «Это материализованная идея материнства, символ деторождения». З. А. Абрамова: «Прародительница, хозяйка домашнего очага...» Другие мнения: реальные палеолитические женщины, эстетический идеал, отражение культа плодородия, жрицы, предки¹.

Так это или нет, но верхнепалеолитические женские фигурки — апофеоз «телесности», отражающий определенные представления человека каменного века. Статуэтки несут закодированную информацию, только прочитываем мы их сообщение по-разному.

Если говорить о других телесных признаках в палеолитическом искусстве, то это, безусловно, изображения кистей рук. А. П. Окладников считал, что они несли ту же семантическую нагрузку, что и следы зверей, были «двойником» человека. Древнейшие изображения ладоней с растопыренными пальцами встречены в пещере Коске, где их возраст около 27 тысяч лет. То есть они оставлены приблизительно современниками моравской группы. На двух пальцах отчетливо читаются следы ампутации фаланг. Это означает глубокую укорененность обрядов посвящения и на территории верхнепалеолитической Франции. (Рис. 3.4)

Как отмечает Е. Г. Дэвлет (2004), рука нередко считалась знаком освоения пространства, а выбитая или нарисованная кисть выступала как знак присутствия героя или божества. Ампутированные конечнос-

¹ Как подчеркивал В. Я. Пропп (2002, с. 56—57), в русской фольклорной традиции есть персонаж с подчеркнуто «физиологичными» внешними признаками — это Баба-яга. Она «рисует» с огромными грудями», «снабжена всеми признаками материнства», но — всегда старуха, причем безмужняя. Пропп видит объяснение в том, что Яга — мать не людей, она мать и хозяйка зверей, притом зверей лесных. «Яга представляет ту стадию, когда плодородие мыслилось через женщину без участия мужчин. Гипертрофия материнских органов не соответствует никаким супружеским функциям... Являясь олицетворением пола, она не живет жизнью пола».

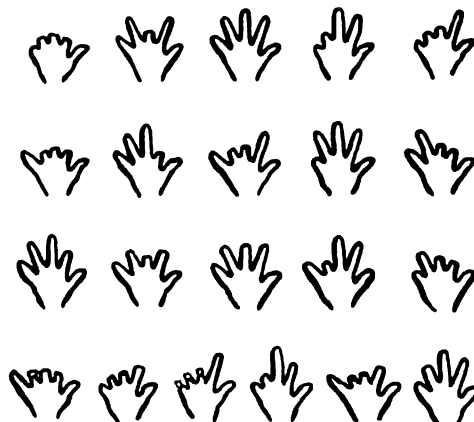

Рис. 3.4. Негативные отпечатки рук с недостающими фалангами (по Леруа-Гурану). Пещера Гаргас, Франция (Художественная культура..., 1994, с.172).

ти или их изображения могли выступать в роли амулетов, причем их украшали особым орнаментом. Например, у индейцев в месте суставов изображались глаза духов. Е. Г. Дэвлет упоминает и настоящую татуировку, локализованную у хайда в Британской Колумбии на тыльной стороне ладони. Ее сюжет — медведь родоначальник этого племени, узнаваемый образ которого присутствует и на многих бытовых предметах.

Еще одна часть тела, возникающая в наскальном искусстве разных эпох, — стопа. Мы можем предполагать, исходя из общетеретических посылок, что эта часть в представлении архаического человека была в большей степени связана с понятием нижнего, потустороннего мира. Об этом прямо говорят многие космогонические мифы, отчасти цитированные мною выше. В недавних обзорных публикациях Е. Г. Дэвлет (2004а, б) приводились мнения разных исследователей о связи изображений стопы с кругом божеств, имевших хтоническую, змеиную природу. Нельзя не упомянуть также исследование С. Н. Кореневского (1999), посвященное культу стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в IV—II тыс. до н. э. Многочисленные изображения подошв интерпретируются разными исследователями как куклы-двойники души умершего, символы первочеловека-жертвы Пуруши в ведийской мифологии и т. п. По словам Кореневского, стопа на стелле является ритуальным знаком, указыва-

ющим, что изваяние передает образ мертвого человека — обитателя ирреального мира. Развивая эту мысль, мы можем допустить, что и татуировка области голени и стопы в традиционном обществе чаще всего обладала вполне определенной семантикой «иного мира».

Примечательно, что среди христианских реликвий особое место занимают антропоморфные изображения издревле священных частей тела, служившие для хранения мощей. (Рис. 3.5 и 3.6)

Рис. 3.5. Реликварий в форме руки с вытянутым пальцем для мощей Иоанна Крестителя. Хорватия, XV век.

Рис. 3.6. Реликварий в форме стопы. Германия, 1450 г. Ковчеги выполнялись в форме той части тела, которая в них хранилась.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ТАТУИРОВОК

Африка. Ближний Восток. Индостан и Юго-Восточная Азия. Северо-Восточная Азия. Японские острова. Борнео (Калимантан). Н. Н. Миклухо-Маклай о татуировках в Океании. Меланезия. Полинезия, Микронезия, Фиджи. Новая Зеландия. Австралия. Южная Америка

Вряд ли будет преувеличением сказать, что они одеты в молитвы... Чувство солидарности присуще всему человечеству, но нигде оно не достигает такой силы, как у первобытных народов; у них целый ряд обычаев имеет целью укрепление этого чувства. Украшения, одежда и разные формы уродования тела суть внешние, видимые признаки того, что один американский социолог называет «сознанием рода»; отдельный индивид приспосабливается к интересам своей группы; поступать несообразно с этими интересами считается чем-то совершенно невыносимым.

Народы мира, 1916, с. 10

Мы уже познакомились с теми сведениями, которые способны сообщить о древних татуировках такие источники, как археология и письменность. Но картина, рисуемая историческую географию татуировок, не может быть воссоздана без главного источника — этнографических исследований. В этой главе мы обратимся к свидетельствам европейских путешественников, открывавших для себя мир за пределами Старого Света вплоть до начала XX века. Конечно, нам не обойтись без более поздних исследований татуировок в обществах так называемой традиционной культуры. Но дело в том, что татуировки оказались тесно связаны с другими, не столь безобидными мани-

пуляциями с телом. И все они оказались продиктованы сложными религиозными представлениями или местными суевериями. С этими явлениями нещадно боролись христианские миссионеры и колониальные власти и в ряде случаев добились своего: ритуалы исчезли.

Африка

Эфиопские женщины наносили татуировку на грудь, шею и спину (Народы мира, 1916, с. 584).

В южном Судане среди нилотских племен динка и шиллук было принято удалять у мальчиков нижние передние резцы. Все дети, прошедшие эту процедуру одновременно, считались товарищами на всю жизнь и были обязаны помогать друг другу, образуя определенный возрастной класс. Женщины племен джур и мору, кроме ушной раковины прокалывали верхнюю губу и носовую перегородку. В суданском племени нуба женщины покрывали тела узорными рубцами или прямыми линиями, иногда прокалывали нижнюю губу, вставляя туда кварц. Некоторые нуба, как и нилоты, удаляли нижние резцы (Народы мира, 1916, с. 510, 512, 518). (Рис. 4.1; 4.2; 4.3; 4.4; 4.5)

Среди конголезских народов широко распространена скарификация. В племени монго (верхний Конго) на лоб наносился вертикально племенной знак, так называемый «петушиный гребень». В племени бопото (северный Конго) помимо узорчатых шрамов на лице мальчикам и девочкам по достижении 15 лет долотом заостряли верхние и нижние резцы. Рубцы на лице у бопото тоже были племенным символом, иногда их

Рис. 4.1. Шрамирование тела в Центральной Африке 1930-х гг.

Рис. 4.2. Шрамы и небольшие подкожные имплантаты у женщины мбайе. Ок. 1925 г.

Рис. 4.3. Скарификация лица в африканском племени Сара.

Рис. 4.4. Женщина племени покот получает при инициации воротник из бус и многочисленные кольца – в уши; после замужества – проколку нижней губы.

Рис. 4.5. Рубцы женщины из племени табва (Заир) символизируют плодородие.

нанесение растягивалось до 30 лет (Народы мира, 1916, с. 528, 529, 531).

Шрамирование использовали и в Западной Африке, в основном, как знак принадлежности этносу и социальной группе. У хауса, например, по рубцам на лице можно было узнать не только город, из которого происходил туземец, но и род его занятий. В северной Нигерии девушек украшали рубцами по достижении зрелости и вторично — при замужестве. По данным А. Трэммерна, раскраска лица и тела практиковалась как украшение и в разных церемониях (Народы мира, 1916, с. 534). Татуировка, точнее, рубцевание с втиранием краски (почти наколка) в Восточной Африке происходила в подростковом

возрасте. Туземный «пирсинг» имел огромное распространение. Например, мужчины племени андоробо вставляли в мочки ушей широкие деревянные трубки. У бушменов в знак принадлежности племени ампутация мизинцев на обеих руках производилась еще у грудных младенцев (по Л. Штернбергу).

Рис. 4.6. Татуировка на лице молодой берберской женщины

Ближний Восток

В этнографической литературе есть описания женской татуировки лба, щек, подбородка и запястий у некоторых народов Передней Азии — например, у турок и арабов. (Рис. 4.6)

Осенью 2005 года автору довелось побывать на археологических раскопках в Северной Месопотамии. В этой пустынной части Сирии, граничащей на востоке с Ираком и на севере — с Турцией, живут представители разных народов — арабы, курды и армяне.

«Курдские женщины — веселы и красивы, любят ярко одеваться. У этих — оранжевые тюрбаны, а платья — зеленые, фиолетовые и желтые. Высокие, стройные, с гордо посаженной головой, они ходят прямо, чуть откинувшись назад. Бронзовая кожа, правильные черты лица, а глаза чаще всего синие», — как всегда, очень точно написала в дневнике Агата Кристи, оказавшаяся в тех же местах 60 лет назад. О чем она не упомянула — о татуировках, которыми у курдских женщин принято покрывать лицо и руки. (Рис. 4.7а, б, в) Наколки синего цвета выделяли область вокруг рта (у старшего поколения — преимущественно нижнюю губу и подбородок), иногда — центральную часть лба. На руках татуировки в виде линий с разветвлениями на конце и стилизованных крестов, похожих на наши снежинки (соляные знаки?), располагались с тыльной стороны над запястьем. Кроме того, крестообразные наколки украшали фаланги пальцев, наподобие колец. Лица молодых женщин украшали отдельные точки вокруг рта и на лбу. У пожилых (самой старшей было 64 года) — орнамент был гораздо сложнее. На расспросы о целях нанесения татуировок наши респондентки отвечали неохотно, но во всех ответах содержалась общая мысль: «Таков обычай, для укрепления здоровья». (Рис. 4.8) Таким образом, можно допустить, что татуировка курдских женщин

Рис. 4.7а, б, в. g. Варианты татуировок у жительницы современной Сирии (фото Д. Мадурова).

сохраняет роль оберега и знака принадлежности к этносу, хотя традиция эта, по-видимому, постепенно угасает.

Кавказ

В XIX и XX веках татуировка была широко распространена среди кавказских женщин: в Дагестане (у даргинцев, лакцев, цахуров), Азербайджане (среди азербайджанцев и талышей), в Армении (у армян и курдов-езидов), в Грузии (грузины, в том числе сваны). Татуировались лоб, щеки, запястья, туловище (Волкова, 1981). (Рис. 4.9а, б, в)

Н. Г. Волкова в 1976 г. впервые обратила внимание на синие точки, выделявшиеся на лице и

Рис. 4.8. Автор в окружении курдских женщин (фото Д. Мадурова).

руках женщин из азербайджанского села Карабулах в Дманисском районе Грузии. Местные жительницы утверждали, что это «просто украшение». В 1904 году А. М. Дирр описал любопытные татуировки в Дагестане. У даргинки из села Ходжал-Махи центральную часть лба украшал узор из четырех точек, еще одна точка было в центре подбородка. У женщины из лакского села Вихли (Вихул) на лбу был наколот узор из стрел и линий. Сообщалось, что цахурские женщины татуировали кольца на груди, вокруг сосков. Грузинки ставили точки на щеках и на лбу — так же, как и армянки.

Рис. 4.9а, б, в. Варианты татуировок, прежде распространенные в Дагестане (по Волковой, 1981).

Описывая «состояние Армянской области в пору присоединения ее к российской империи», то есть в 1829—1932 году, И. Шопен отметил достаточно богатую татуировку на теле азербайджанских женщин. Ему понравились «татарские» пляски в красных шелковых рубашках, которые при каждом движении обнаруживали бронзовое тело, татуированное в разные узоры. Это было примерно тогда, когда Пушкин путешествовал в Эрзерум.

Вполне вероятно, что женская татуировка среди столь разных народов Кавказа возникла под влиянием переднеазиатских традиций. Вопрос, однако, в том, насколько глубоко уходят исторические кор-

ни этого явления. Ксенофонт писал о западнокавказских моссиниках, современниках фракийцев. Вслед за археологом В. Б. Виноградовым Н. Г. Волкова обращает внимание на археологические находки глиняных и костяных штампов, называемых пинтадерами. Они сопровождают памятники кобанской культуры I тыс. до н. э., встречаются гораздо позже у сармат и алан. Считается, что штампами наносили ритуальные узоры на разные предметы — на ткань, кожу, специальный хлеб. Могли накладывать и на человеческое тело, чтобы его раскрасить.

Индостан и Юго-Восточная Азия

Татуировки в Азии имеют долгую историю. Уже первые европейские путешественники обращали внимание на некоторые специфические традиции туземцев. Так, в XV веке итальянец Николо Конти добрался до долины реки Иравади в Бирме и обнаружил, что аборигены «колют свою плоть железными иглками и втирают в эти места краски, потом несмываемые» (цит. по Anderson C., 2000, p. 102).

Столетием позже француз Тавернье отметил, что женщины в Восточной Бенгалии татуировками превращают свою кожу в покрытую цветастыми узорами ткань. По словам английской исследовательницы Клэр Андерсон из Лейчестерского университета, подобные татуировки, называемые «годна», в высшей степени разнообразны. Они имеют не столько декоративное, сколько информационное зна-

Рис. 4.10. Татуировка на лице женщины племени гонд.

чение. Для кочевых племен Индостана татуировки служат знаком идентичности, помогая распознавать окружающим принадлежность к определенному этносу. Скажем, у женщин племени гонд было принято покрывать лицо и конечности симметричными рисунками синего цвета. (Рис. 4.10) Изображения тигров, обезьян и птиц, по мнению ученых, были связаны с местными тотемами. Торговцы банджара и кузнецы гадиа лохар в Раджастане наносили татуировку на лицо. Среди жителей Ассама наличие татуи-

ровки было необходимым при вступлении в брак. Мужчинам адиваси выжигали раскаленным железом пять неизгладимых знаков в области предплечья при прохождении инициации. (Рис. 4.11)

Рис. 4.11. Пирсинг – традиционное украшение жителей Индостана.

В Южной Индии татуировка практиковалась женщинами-профессионалками из племени корава, путешествовавшими, татуируя и предвещая судьбу. Они могли делать наколки женщинам определенных каст. Сначала тупой палочкой краской рисовали рисунок, затем прошивали его швейными иглками. Иногда для этой цели применяли колючки акации. В Канаре на плечо наносили портрет божественной обезьяны Ханумана, облегчавшей боли. Наличие татуировки считалось важным для существования души в будущей жизни. Кроме того, практиковалось прижигание различных частей тела в медицинских и профилактических целях. Например, в племени тода у многих на плече ожоги от прижигания священными палочками. Они помогают «легко доить буйволовых самок». Еще одна манипуляция с телом — прокалывание ушей — принимает крайние формы у тамиллов. Постепенное расширение отверстий и ношение тяжелых предметов приводят к тому, что мочки достигают плеч. У лесных кадиров и мала-веданов существовал обычай заострять передние зубы (Народы мира, 1916, с. 368, 367).

Татуировки — неотъемлемый атрибут некоторых индуистских каст. В индийском эпосе Рамаяне Кришна наносит свои четыре знака

(ракушку, колесо, цветы лотоса и *гада*) на лица жен. Вишну татуирует руку Лакшми рисунками своего оружия, солнца, луны.

После мусульманского завоевания татуировки с декоративной целью среди последователей ислама становятся запрещенными.

У представителей разных каст значение татуировок неодинаково. Для индусов татуировки могут выступать как воплощение земного страдания, как символ наказания за грехи. Определенные знаки служат «распознаванию членов семьи». И, наконец, маркировка тела может иметь собственно религиозное значение. В частности, это относится к некоторым татуировкам лица, отражающим религиозное смирение и очищение. Брамины, последователи Вишну, иногда выжигают знаки на плече. Индийские христиане тоже наносят себе татуировки. Среди католиков и представителей сирийской христианской общины в Керале принято наносить на плечи и бедра изображения птиц, воплощающие Святой Дух. Иногда татуировка призвана служить знаком хорошего здоровья. Индийские женщины наносят татуировку, чтобы уберечься от зла и для благополучных родов. Описана вера в целительную силу татуировок при ревматизме и даже ранениях.

Татуировки играют большую роль в обозначении статуса человека, в этом случае их непременно наносят при прохождении «обрядов перехода».

В индийской культурной традиции татуировки как неизгладимые отметины часто сближаются по значению с рисованными знаками на теле, которые, в принципе, несложно смыть. Поэтому мы никак не можем избежать упоминания об «изгладимых» рисунках.

Например, в Индии многочисленны «живые святые», садху, по традиции не принадлежащие какой-либо касте. Их можно опознать не только по спутанным волосам и бороде, но и по специальным символам на лбу, нанесенным золой или сандаловой пастой. Если изображены три линии, они символизируют триаду богов — Брахму, Вишну и Шиву.

По рисунку можно отличить садху — последователей Вишну, они носят на лбу белый знак в виде буквы «V», иногда перечеркнутый горизонтальными полосами красного и белого цвета.

Любопытно, что нанесение красной метки на лоб жениху сопровождает процедуру индийской свадьбы. Эта церемония, называемая двара-пуджа, происходит в момент молитвы при входе в дом невесты.

Вообще же, почитатели Вишну наносят на лоб три параллельные вертикальные линии, иногда вместе с точкой или кругом. Знаки

Вишну — колесо, диск, раковина, щит и сердце. Кроме того, с именем Вишну связана в представлении индийцев водная стихия, и символы ориентированы вниз, как стекающая вода. (Рис. 4.13)

Последователи Шивы предпочитают горизонтальные полосы, иногда украшенные точкой и заключенные в овал. (Рис. 4.12) Еще один символ Шивы — треугольник, обращенный острием кверху, он воплощает огненную стихию.

В культе Брахмы соединяются вишнуитские и шиваитские знаки. Они могут быть разного цвета, поскольку материалом служат краситель куркум, сандаловые опилки, вареный рис, пепел из священного очага или не столь священная, на взгляд европейца, субстанция — навоз.

Несколько выше бровей, в центре лба, по представлениям индийцев, находится шестая чakra (аджня). Эта точка считается одной из самых важных, связанных с психической деятельностью. Собственно говоря, здесь находится третий глаз, или око мудрости, к открытию которого стремятся медитирующие индуисты, объединяя подсознание с сознанием. Цветная точка в этом месте — тилак — свидетельствует, что ее владелец достиг определенного прогресса на пути просветления. Чаще всего тилак красный (красочное сырье — куркум, квасцы, йод и камфара), но йоги и другие бродячие аскеты рисуют этот знак золой от погребальных костров, обозначая таким образом разрыв связей с миром обычных людей.

В столице Непала Катманду до сих пор большое влияние оказывает культ живого божества «кумари». Примерно каждые десять лет в привилегированных буддистских семьях Непала начинается поиск трех-четырёхлетней девочки — живого воплоще-

Рис. 4.12. Раскраска лба у шиваитов.

Рис. 4.13. Вишнуитские знаки.

ния богини-матери Талейю, также ассоциируемой с Дургой, женой бога Шивы. Избранная девочка до достижения полового созревания будет жить в специальном дворце, участвуя в религиозных церемониях и даже выступая в роли советницы правителя страны. Важнейший атрибут кумари — покрытый красной краской лоб с черным «третьим глазом» в центре.

Для понимания значения татуировок у народов Индостана важно знать понятие «янтра». Это внешнее воплощение молитвы, характерное для тантрийского учения. Тантра разрешает изображать молитвы-янтры где угодно, но человеческое тело при этом наиболее предпочтительно. Но вернемся к «настоящим» татуировкам. Из упомянутого выше научного обзора Клэр Андерсон следует, что в Раджастане татуировки наносят в основном мужчинам. В Восточной Бенгалии и Бихаре их носителями становятся преимущественно женщины *годнаити*. Процедура выкалывания специальными иглами татуировок очень болезненная. Один из европейских путешественников писал в своих заметках об ужасающих криках молодой женщины племени гонд, издаваемых в момент татуирования¹. Чтобы унять боль, использовали разные растительные средства. Бирманцы, например, курили опиум.

¹ Болезненные религиозные церемонии, ставящие во главу угла жестокие манипуляции с телом, характерны для коренного населения Индостана. Исследователь Ф. Б. Брэдли-Берт описал ритуалы, соблюдавшиеся индусами Бенгалии и Бигара. «Один из наиболее любопытных обычаев — это *Churuk Puja*, пережиток из тех времен, когда смерть, пытка и изуверение были обычными спутниками культа индусов. Он известен под названием Праздника Подвешивания на крюке, который врезывается им в мясо под лопатками. Несмотря на то, что обычай этот уже давно воспрещен законом, он, тем не менее, почти ежегодно приводится в исполнение, со всеми сопутствующими ему обрядностями, в разных округах. Это одно из тех страшных зрелищ, которое вызывало особенный восторг индусов; а сами фанатики с горячим увлечением подвергают себя этой пытке хотя, по всей вероятности, предварительно принимают кой-какие меры, чтобы несколько ослабить боль. Каждый из этих фанатиков подходит по очереди к жрецу и prostирается пред ним ниц, с обнаженными плечами и спиной. Жрец, пробормотав свою формулу, наклоняется над ним и, обмакнув палец в кучу пепла, делает два пятна на спине фанатика, как раз под лопатками. Помощник жреца надрезывает мясо над этими пятнами, ловко вонзает в раны два больших крюка, и фанатики, при ликующих криках толпы, мужественно наклоняются к столбам, делая вид, что даже не чувствуют ран, из которых сочится кровь по спине. Здесь, посредством подъемного механизма, от которого идут канаты, привязанные к крючьям, их быстро вздергивают при диких криках фанатической толпы и оглушительном бое барабанов» (Народы мира, 1916, с. 332).

В Бирме мальчики при завершении образования и выходе из монастыря считались уже взрослыми, что обозначала наносившаяся на их тело татуировка. (Рис. 4.14) От пояса до колен наносились изображения тигров, львов и обезьян, окруженных «бордюром из каббалистических знаков». Такая татуировка заменяла одежду, и мужчина, покрытый узорами, мог появляться в обществе без набедренника. Считалось, что татуировка красного

Рис. 4.14. Образец бирманской татуировки.

цвета, нанесенная с использованием киновари, помогала добиться успеха в любви, обрести неуязвимость и иммунитет к болезням. По словам этнографа Дж. Скотта, бирманских девушек татуировали только в тех случаях, когда они не пользовались успехом у поклонников (Народы мира, 1916, с. 284). По-видимому, главной посвятителем процедур у женщин Бирмы было прокалывание ушей в возрасте 12—13 или, реже, 6—7 лет. Это действие не производилось без участия астролога, устанавливавшего сроки операции.

Итак, для аборигенного населения Индостана и Юго-Восточной Азии татуировки имели религиозный смысл и наглядно обозначали связи между различными социальными и этническими группами населения¹.

Но такое значение татуировок было далеко от понимания некоторых представителей британской колониальной администрации. Курьезная ситуация возникла в семидесятые годы XIX века, когда в Европе стали популярны идеи Ломброзо о «преступном человеке». Поскольку одной из примет «преступного человека» служила тяга к нанесению татуировок, в Индии под подозрение в криминальных от рождения наклонностях попали целые касты и племена. Поэтому государственный

¹ Можно допустить еще одно, парадоксальное толкование знаков на теле. В Индии и Пакистане, независимо от формы религии, в основе многих ритуалов лежит стремление защититься от сверхъестественных сил и «дурного глаза». Чрезмерное одобрение и восхищение могут вызвать зависть духа-хранителя, поэтому, чтобы сохранить нечто ценное, этому объекту намеренно наносят урон. Для этого, по мнению Р. Темпла, на подошвы ползающего ребенка наносили черные пятна или умышленно портили произведения искусства (Народы мира, 1916, с. 351).

секретарь по делам Индии Герберт Рислей предпринял обширное этнографическое исследование провинций, включавшее целых двадцать вопросов по поводу татуировок. Учитывался пол татуированных, части тела, подвергнутые обработке, и сам рисунок. По счастью, результаты опроса показали отсутствие каких-либо «преступных церемоний» и дурной наследственности, и значительная часть индийского населения была постепенно оправдана в глазах колониальных властей.

Впрочем, «Акт о преступных племенах», принятый в 1871 году, еще долго оказывал свое влияние. Например, полиции Пенджаба предписывалось знать, что для представителей кочевого племени бауриа, часто подозреваемых в воровстве, характерно присутствие трех точек на теле у мужчин и пяти точек на лице у женщин.

Сибирь

Как отмечал С. И. Руденко, татуировка была хорошо известна северным азиатским народам: эвенкам, якутам, хантам, манси.

По словам Б. Ф. Поршнева, у охотников-тунгусов каждый род отличался особой татуировкой лица. Застигнутый на чужой территории человек из другого рода мог быть убит.

Северо-Восточная Азия

Суровость жизненных условий, характерная для северо-восточной части евразийского континента, никоим образом не сказалась на богатых культурных традициях коренного населения этих мест — чукчей и эскимосов. Обычаи этих народов покрывать тело татуировками заставляют вспомнить о более южных племенах, населяющих нашу Землю.

В начале XX века замечательный российский исследователь Чукотки В. Г. Богораз (1991, с. 187) подробно описал традиции оленных чукчей. По его сведениям, татуировка производилась иглой, пропускавшей под кожу тонкую нить, окрашенную сажей или угольным порошком. Впервые девочки у чукчей подвергались подобной процедуре в возрасте 10 лет или даже чуть моложе. Характерный рисунок женских татуировок — идущие вертикально и расходящиеся веером линии на подбородке, образующие некое подобие бороды. Также «прочерчивались» две симметричные вертикальные линии на щеках. Как отмечал В. Г. Богораз, наколки делались и взрослым

женщинам, как можно понять, преимущественно молодым. Три равноудаленные линии на щеке означали отсутствие детей. Такая татуировка служила «средством против бесплодия». Но уже во времена Богораза многие женщины и девушки украшали свое лицо тремя линиями «безотносительно к чадородию», а другие вовсе обходились без татуировок.

Береговые чукчи, обитавшие в поселках к югу от мыса Чаплина, наносили такую же татуировку, как и оленные. В более северных селениях, особенно там, где чукчи соседствуют с эскимосами, Богораз отметил более сложный рисунок татуировки. Он обратил к тому же внимание на отсутствие татуировок у мужчин, за исключением обитателей эскимосских селений. Мужская татуировка внешне очень скромна, представляя собой небольшие геометрические знаки по бокам от губ — обереги от духов. Защитную функцию выполняли и узоры в виде человеческой фигурки.

Колымские чукчи, по преданию, в стародавние времена после убийства врага татуировали точку на задней части кисти правой руки. У самых кровожадных мужчин со временем внутренняя сторона предплечья от запястья до локтя покрывалась цепочкой знаков.

У азиатских эскимосов татуировка более сложна и разнообразна. Она также в основном затрагивает открытые от одежды части тела (в северных условиях это лицо и руки). Для рисунков на лице эскимосских женщин характерны геометрические орнаменты, иногда в виде отчетливых солярных символов.

С. И. Руденко в 1945 году имел возможность проверить правильность наблюдений В. Г. Богораза. Кроме того, он обратил внимание на зарисовки художника Луки Воронина, сопровождавшего экспедицию Биллингса-Сарычева через Чукотскую землю в начале XIX века. Татуировка, сходная до мельчайших деталей, сохранялась у азиатских эскимосов как минимум последние двести лет. Руденко увидел те же линии от лба вдоль носа, тройные прерывистые линии на щеке с посаженными на них тройными полукругами, опирающимися на двойные линии. Те же пять тройных и двойных линий от края нижней губы покрывали подбородок. Руки от плеча до кисти покрывал орнамент из тройных концентрических кругов, соединявшихся тройными продольными и поперечными линиями и комбинациями из китовых хвостов или вороньих лапок. По мнению С. И. Руденко, отсутствие какой бы то ни было эволюции в общей композиции и частных элементах рисунка свидетельствует о большой древности обычая (Руденко, 1949).

Рис. 4.15. Потомки древнейших аборигенов Японских островов — айны — широко практиковали татуирование. Женщины татуировали область рта и руки. Девочкам начинали наносить наколки в раннем детстве и добавляли их каждый год, вплоть до замужества. Снимок 1900 г.

Роль татуировок как определенных защитных и информационных механизмов у чукчей и эскимосов становится еще более очевидной, если мы обратим внимание на некоторые другие способы изменять свою внешность, например, на традиционные прически.

В начале XX века чукчи и эскимосы коротко срезали волосы на макушке головы, создавая тем самым своеобразную тонзуру. По мнению Богораза, такая прическа не только изменяла внешний вид мужчин, но и находилась в согласовании с чукотскими верованиями. Она защищала от духов заразных болезней, помогала скрыться от мести духа жертвы и т. п.

Как видно, вера аборигенов Чукотки и Аляски в спасительную силу манипуляций со своим телом была очень сильна. Совершенно очевидно, что манипуляции с головой (особенно с лицом) и с руками (особенно с правой) обладали, согласно этим представлениям, магической мощью.

В татуировках и прическах, распространенных в северо-восточной Азии, можно увидеть и аналогии с традициями более южных племен. (Рис. 4.15)

Японские острова

Согласно представлениям столетней давности, среди низших классов японского общества была распространена татуировка, хотя она и запрещалась правительством. Тяжелая работа носителей паланкинов якобы вынуждала их снимать свою одежду в присутствии лиц высших классов и, чтобы скрыть наготу, они прибегали к татуировке, разрисовывая спину, грудь и плечи изображениями птиц, драконов, цветов и портретами красавиц (Народы мира, 1916, с. 226). Российский этнограф Штернберг в статье для энциклопедии Брокгауза и Эфрона отзывался восторженно: «татуировка японского простолюдина по яркости и изяществу производит иллюзию дорогого гобелена».

Японское обозначение татуировки «ирэдзуми» означает «инъекцию туши». Ирэдзуми вошли в моду к концу XVII века, особенно распространившись среди куртизанок и некоторых их возлюбленных. Одним из вариантов куртуазных татуировок были искусственные «родинки», наносившиеся так, что при сцеплении ладоней они взаимно прикрывались большими пальцами. Такие «родинки» наносились одновременно гейше и ее клиенту. Распространялись и любовные надписи, как символ верности и серьезности намерений. Тогда же появилась традиция наносить на кожу фрагменты буддийских молитв. Несмотря на запреты властей, к середине XVIII в. татуировки в Эдо достигли наивысшей популярности. Подкожные инъекции туши делали не только гейшам, но и артистам, любителям азартных игр, пожарникам, торговцам рыбы. Рисунки стали отображать принадлежность определенной профессии и даже некоторые подробности биографии.

Представители благородного сословия — самураи — татуировок не делали принципиально. Поэтому во время самурайского мятежа 1868 года полицейские проверяли подозрительных лиц на наличие или, точнее, отсутствие ирэдзуми.

Современные виды японских татуировок сводятся к нескольким основным мотивам: цветы, животные (в том числе фантастический дракон), религиозные мотивы, герои старины (Мещеряков, 2004, с. 486—489).

Первое место занимают цветы. Пион — олицетворение богатства и удачи. Долго цветущая осенью хризантема — символ долголетия (по-видимому, не случайно хризантема с шестнадцатью лепестками — герб императорского дома). Сакура, цветущая всего два дня, напротив, символизирует быстротечность жизни и спокойное восприятие этого факта. Также популярны изображения ярких листьев японского клена.

Среди животных преобладают рисунки тигров, дракона, карпа. Карп, благодаря своей способности плыть против течения, стал на Дальнем Востоке олицетворением стоицизма и воплощением мужского начала. (Рис. 4.16)

К числу религиозных изображений принадлежат тексты буддийской молитвы, а также изображения охранителей учения Будды — грозных божеств Нио, стража рая Фудо.

Старые мастера ирэдзуми умели наносить «невидимую татуировку», способную проступать на теле после принятия горячей ванны.

Рис. 4.16. У японцев карп – символ мужественности и стойкости
(по Takahiro Kitamura, 2003, p. 96).

Борнео (Калимантан)

Все народы Борнео татуировались. Иногда татуировка отражала военные подвиги, специальная татуировка наносилась при болезнях; для обозначения социального статуса. Женщин чаще татуировали до замужества.

У даяков племени каян татуировка наносилась женщинам для украшения; для предупреждения и излечения болезней, в убеждении, что татуировка служит светящимся факелом для души, отправляющейся к месту вечного пребывания в мире умерших (Народы мира, 1916, с. 432, 445.). Кроме того, среди аборигенов Калимантана было принято растягивать мочки уха ношением тяжелых украшений и выщипывать не только брови, но и ресницы. Верхние резцы просверливаются, в них вставляются медные заклепки, эти зубы чернятся и затачиваются (что, конечно, не способствует их долголетию).

Н. Н. Миклухо-Маклай о татуировках в Океании

Знаменитому русскому путешественнику и разностороннему исследователю Н. Н. Миклухо-Маклаю мы обязаны первыми подробными сведениями касательно обычаев окрашивания тела и татуировки среди народов Океании. Дневники и заметки основоположника отечественной этнографии стали достоянием общественности много позже его безвременной кончины в апреле 1888 года¹. Значимость научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая была осознана не сразу. С конца XIX века его труды по просьбе Совета Русского Географического Общества готовили к печати другой замечательный ученый — археолог, этнограф и антрополог Д. Н. Анучин. Но первый том научных работ Н. Н. Миклухо-Маклая был опубликован лишь после его смерти, в 1923 году. В начале 50-х годов читатели смогли познакомиться с первым собранием сочинений бесстрашного путешественника. И,

¹ Современные биографы Н. Н. Миклухо-Маклая, говоря о его болезни и страданиях, не упоминают причину смерти знаменитого путешественника. Вместе с тем диагноз Николаю Николаевичу был поставлен еще в 60-е годы XX века. Основатель отечественной палеопатологии Д. Г. Рохлин, исследовав череп Маклая, хранившийся все эти годы в Кунсткамере, обнаружил метастазы, причинявшие ученому мучительную боль. Н. Н. Миклухо-Маклай умер в результате онкологического заболевания, излечить которое современная ему медицина была бессильна.

наконец, в 90-е годы вышло наиболее полное шеститомное собрание трудов, включившее черновые и дневниковые заметки.

Описание и зарисовки татуировок занимают в этом многотомнике исключительное место.

Предоставим слово самому ученому. Вот Миклухо-Маклай на Рапа-Нуи: «Некоторые из более старых туземцев были татуированы, мне сказали, что это были воины, прошедших времен Рапа-Нуи, начальники имели татуировку на лице и даже на губах» (Миклухо-Маклай, 1990, с. 72).

А вот Маклай попадает в Западную Микронезию и заботливо записывает: «Перед большими празднествами и посещением соседних деревень... раскрашивается лицо, иногда спина, расчесываются и красятся волосы... Бороду бреют они и выщипывают (как признак старости)» (Миклухо-Маклай, 1993, с. 16). «...В большинстве случаев волосы на лице мужчинами вырываются, но не подмышками и не на половых органах; женщины же вырывают именно их... Просверливание носовой перегородки практикуется еще очень часто... Татуировка у островитян [архипелага] Пелау значительно скромнее, чем у жителей Япа, где сейчас также далеко не все мужчины татуированы, как было, во всяком случае, в прежние времена. В качестве причины того, почему туземцы Пелау мало себя татуируют, мне называли частые заболевания и даже смертельные случаи, происходившие вследствие сильной татуировки. Подобных жалоб не слышал я ни на Япе, ни на Самоа, где туземцы также часто татуируются; о серьезных заболеваниях и даже смертельных случаях вследствие татуировки там говорили как об очень сильном исключении. Но так как жители Пелау большие любители татуировать себя и очень восхищаются богатой татуировкой (такой как на Япе, Улеаи и т. д.) и так как их конституция отнюдь не может быть названа слабой в сравнении с конституцией других островитян (например, Япа), то здесь действительно, кажется, налицо случай идиосинкразии» (Миклухо-Маклай, 1993, с. 198).

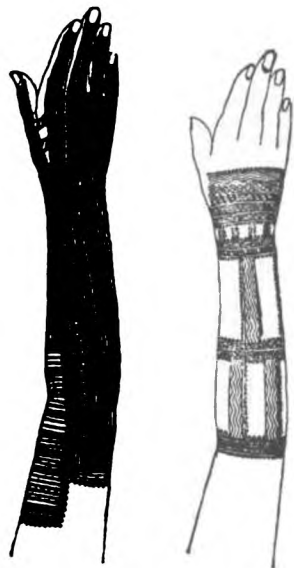
По наблюдениям Маклая, взрослые женщины Пелау были более татуированы, чем мужчины. Кисти и руки до половины плеча, преимущественно на наружной стороне, нижняя часть живота покрыты почти непрерывной татуировкой (нет отдельных фигур, арабесков и др.). (Рис. 4.17) А на наружной стороне ног, от большого вертела бедренной кости до щиколоток, вытатуированы целые ряды крестов, звезд, точек, простых и зигзагообразных линий. Татуировка в нижней части живота и на половых органах производилась у женщин

только после достижения ими половой зрелости. То есть можно уверенно говорить о том, что она сопровождала подростковую инициацию. По словам Миклухо-Маклая, процедура эта хотя и очень болезненна, но выполнялась за один вечер.

Другие обращения российского путешественника к этой теме помогают понять, что и прочие манипуляции с телом были тесно связаны с обрядами посвящения, а не только выражали эстетические предпочтения островитян.

Например, обычай «молау», или «мелау», по-видимому, вызван к жизни не только тем, что «белые зубы считаются обезображивающими человеческое лицо». Мужчины и женщины *при наступлении зрелости* (курсив мой. — М. М.) чернят зубы, несмотря на то, что здесь требуется проявить значительное терпение и испытать боль.

То же касается пробурывания носовой перегородки — процедуры под названием «илап». Маклай, сообщая о популярности этой разновидности туземного пирсинга, записал следующее поверье: «Когда после смерти делеп (душа, тень) умершего является у берега о. Ньяур, желая пробраться в Неделок (местопребывание делеп островитян Пелау), то другие, уже живущие там... осматривают вновь прибывшего; заметя отсутствие илапа (отверстия в носовой перегородке) не допускают его к себе в Неделок и спихивают его с бревна, которое служит мостиком, чтобы подняться из моря на крутой берег Неделока. Сброшенный в море несчастный делеп попадает в ожидающую его громадную раковину.., которая закрывается, схватив добычу; в ней делеп без илапа продолжает свое дальнейшее существование» (Миклухо-Маклай, 1993, с. 230). Так, необходимым условием попадания в туземный «рай» и благополучного загробного существования становится нехитрая прижизненная операция с собственным телом, произведенная при вступлении в мир «настоящих», взрослых людей.

Татуировка женской
руки на о-вазе Пелау.

Татуировка мужской
руки в Пелау.

Рис. 4.17. Образцы татуировок из
Микронезии.

Собственно татуировки, называемые «нтнут», «нткнут» или «мыгнот», у мужчин встречались в виде браслетообразных рисунков на руках и в виде линий, крестов и звезд на ногах. Как отмечал Маклай в приведенных выше записях, тело женщин было покрыто татуировками от ногтей до и выше локтя на руках, от бедра до конца лодыжки и с внутренней стороны ляжек на ногах; лобковые волосы выщипаны, и эта поверхность покрыта сплошным треугольником татуировки. Кроме того, на лице островитянок Маклай не раз видел «маленькие татуированные пятнушки, совершенно подобные видом своим и, может быть, назначением» мушкам европейских дам XVIII столетия. «Они красовались на щеках и иногда на краю ноздрей». У мужчин татуированная тонкая линия шла иногда от углов рта поперек щеки к ушному отверстию.

Обращает на себя внимание постепенность нанесения татуировок на разные части тела. Девочкам сперва татуировали кисти и наносили несколько фигур на ноги. При половом созревании переходили к татуировкам низа живота и рук выше локтя. Все процедуры выполнялись исключительно женщинами, при помощи специального инструмента «нтут» — маленького костяного гребня с острыми зубьями. Аналогичный предмет Маклай наблюдал у полинезийцев. Оценивая с современных позиций значение этих действий, мы можем говорить о неодинаковом значении частей тела, на которое по достижении определенного возраста наносился общественно значимый текст. По-видимому, когда-то взрослые люди, не имевшие на поверхности туловища подобных священных посланий, не могли считаться социально полноценными. В то же время, уже во времена Маклая первоначальный смысл татуировки мог быть в значительной степени утрачен. Российский исследователь специально подчеркнул, что, несмотря на многочисленные расспросы, ему не удалось установить прямой связи между татуировками и общественным положением туземцев. Для вступления в брак девушки также необязательно должны были быть татуированы (Миклухо-Маклай, 1993, с. 231).

Меланезия

По данным В. Вильямсона (Народы мира, 1916), в начале XX века татуирование встречалось на большинстве островов Меланезии. На некоторых островах татуировали оба пола, на других — только женщин. В некоторых местностях татуирование было приурочено к периоду

полового созревания и было показателем брачного возраста. В иных областях известные узоры служили марками клана, в других — почетными знаками, например, указывающими число убитых врагов. Наряду с татуировкой широкое распространение имели скарификация и разные виды туземного пирсинга (прободение уха или носа). (Рис. 4.18) У аборигенов Соломоновых островов искусственное отверстие в мочке уха расширялось введением разных предметов до такой степени, что уши доставали до плеч. В то же время прокалывание ушей и прободение носовой перегородки не сопровождается какими-либо особыми церемониями¹. Напротив, татуировка обычно связана с целым комплексом «посвятительных» мер. В некоторых частях Новой Гвинеи девушек по достижении половой зрелости было принято запирать от остальных, в этот момент «перехода» ее татуировали.

Рис. 4.18. «Пирсинг» носа среди аборигенов Новой Гвинеи (Художественная культура..., 1994, с. 258).

Вообще, в Меланезии многих девушек татуировали в связи с браком или просто с достижением соответствующего возраста, но, по словам Вильямсона, татуирование никогда не производилось после вступления в брак.

На островах архипелага Бисмарка глубокая скарификация лба производилась с медицинскими целями. Туземцы верили, что глубокие параллельно идущие шрамы, нанесенные на лоб ребенка от двух до пяти лет, уберегут его от головной боли и эпилепсии. Впрочем, в этих действиях можно усмотреть и раннюю инициацию. Следы такой

¹ Исключение составлял обычай обитателей гор Мафулу. Прободение носа совершается с заклинаниями. «Пациенты», подвергнутые операции, живут какое-то время отдельно в специально выстроенных домах, где упорно трудятся над расширением нового отверстия в носу. Они засовывают туда толстые деревянные палочки и пальмовые листья. В этот период следует питаться строго определенной пищей (бататами), приготовленной специально отобранной женщиной. Когда отверстие в носу достигает нужного размера, его затыкают кротонным листом и возвращаются к людям. Но самое сложное впереди. Испытуемый (а это, разумеется, ритуал посвящения, а не просто развлечение) ищет и ловит черную змею особой породы и определенных размеров. Тогда он вытаскивает из дырки в носу растительную пробку, протаскивая в отверстие хвост змеи, потом ее туловище до головы, затем быстрым движением протаскивает голову змеи и отбрасывает еще живое пресмыкающееся в сторону. После этого пищевые запреты снимаются.

Рис. 4.19. Татуировка ног, принятая на Маркизских островах Полинезии (Художественная культура..., 1994, с. 253).

операции отпечатываются на костях свода, подтверждая распространенность подобных обычаев в древности, поскольку археологами найдено немало черепов с подобной особенностью.

Траур в Меланезии и на Новой Гвинее не сопровождался татуировками. Хотя у племени коита красными линиями расчерчивалось лицо самого покойного. В знак траура меланезийцы сбывают волосы, а также красят тело в черный цвет. В новогвинейских горах Мафулу женщина, потерявшая ребенка, отрезает у себя один из пальцев.

Если говорить о религиозных представлениях, то меланезийцы верят в то, что душа покидает тело умершего. Так же она оставляет тело во время сна. Чихание служит знаком, что дух возвратился. Но если человек долго не чихает — это не к добру, плохой знак. Коита верят: когда кто-то умирает, его дух отправляется к горе и там ведет привычный образ жизни, имеет дома, жен, разводит сады. Но (самое главное!) если у умершего перегородка носа не была проколота при жизни, надо срочно сделать это после смерти, иначе в загробном мире духу придется носить вместо носового украшения животное, похожее на медяницу.

Здесь, как и в записанной Миклухо-Маклаем легенде про илап и делеп, живо выступает представление островитян: тело человека, данное при рождении, несовершенно, оно нуждается в доработке, без которой невозможна и земная, и, главное, загробная жизнь.

Любопытным мотивом руководствуются куманы Новой Гвинее. Прокалывая перегородку в носу, они верят, что удаляют мужчинам дурную кровь, «материнское наследство» (Элиаде, 2002).

Полинезия, Микронезия, Фиджи

Отплыв на восток от меланезийских островов, европейские моряки встретили совершенно другой народ — полинезийцев.

По словам этнографа Т. А. Джойса, татуировка считалась среди них наиболее важным украшением. (Рис. 4.20; 4.21а, б, в) Нанесение

Рис. 4.20. Татуировка жителей Маркизских островов. XIX век.

рисунка носило характер религиозной церемонии. Подвергавшийся этой процедуре должен был соблюдать разнообразные запреты и ограничения, иногда распространявшиеся и на его родственников, и на соседей по деревне. Для операции по всей Полинезии, кроме Новой Зеландии, применялся однообразный инструмент в форме маленькой кирки с костяным зубчатым клинком. Татуировщик намечал на теле рисунок и вводил туда пигмент при помощи указанного приспособления, ударяя по нему палочкой. Костяными орудиями пользовались на Самоа еще в начале XX века. В Микронезии уже тогда получили распространение стальные иглы. Специалисты по нанесению татуировок традиционно пользовались большим уважением. Нанесение татуировок было длительным процессом, иногда занимавшим несколько месяцев, поскольку мероприятие было болезненным и чреватым воспалениями. Почти все сопутствующие детали подтверждают ритуальный, а не декоративный характер процедуры. Например, во время операции хор девушек должен был исполнять обрядовые песни, от которых, как считалось, во многом зависел успех в нанесении татуировки. На Маршалльских островах в известное время года приносили жертвоприношения божествам татуировки, для нанесения наколов строилась отдельная хижина, где подряд наносили знаки определенной группе избранной молодежи (Народы мира, 1916, с. 207).

Рис. 4.21. Полинезия.

а) Те Поу, вождь Раротонги, острова Чатем. Рис. Дж. Виллиамса Мл., 1837.

б) Маркизские острова. Патини, правительница Нуку Хива. 1840 г.

в) орнамент татуировки правительницы Нуку Хива в 1880-х гг. (по Alpers, 1987, р. 212, 215).

Кроме самих татуировок, полинезийские жители Океании наносили другие неизгладимые знаки на тело, обычно в знак траура. В знак скорби было принято разбивать голову до крови камнями, разрезать кожу зубами акулы и отрезать пальцы (Народы мира, 1916, с. 216).

Поскольку именно полинезийское слово стало общепринятым для обозначения неизгладимых знаков на теле, легенды носителей этой культуры о происхождении обычая татуировок представляют особый интерес. Такие легенды записаны исследователями фольклора у маори, чьи полинезийские предки несколько столетий назад заселили прекрасную землю «длинного белого облака» Ао те а Роа, теперешнюю Новую Зеландию.

Новая Зеландия

Миф племени Тухое повествует о том, «как Матаора женился на женщине из нижнего мира и как он, побывав на ее родине, принес искусство татуировки в Мир Света вместе с накидкой, названной Ранги хаупапа. Но впоследствии никто, кроме духов, не мог вернуться из этого места» (Alpers, 1987, р. 319).

В этом предании, записанном Энтони Олперсом (Alpers, 1987, р. 319—327), рассказывается о традиционном путешествии культурного героя в потусторонний мир и о приобретении там бесценных даров, способных изменить мир людей. Любопытно, что в роли такого знакового дара выступает умение делать татуировку.

Матаора и Ниварека¹

Однажды, когда Матаора спал на солнце, подошла компания *туреху* и остановилась, разглядывая его. Эти молодые женщины были не из этого мира и никогда раньше не видели они такого молодого красивого вождя. *Туреху* были странными маленькими людьми с бледной кожей и длинными светлыми волосами. Их земля в Рарохенга, ниже этого мира. Они *туреху*, когда они на Те Ао Ту Роа; в Рарохенга они духи. И вот собрались те *туреху* вокруг Матаора, восхищаясь его великолепным обликом, и их присутствие разбудило его. Он был так удивлен, что он спросил их: «Вы женщины?». А они ответили: «Ты мужчина?». Тогда он доказал им. Потом он попросил их: «Пойдем ко мне». И так они и сделали. Но они не вошли в дом Матаоры и не стали есть еду, которую он им предложил. Это была приготовленная еда, а они такой никогда не видели. Они сказали, что еда испорченная и не притронулись к ней. Тогда Матаора дал им сырую пищу.

Когда они поели, Матаора решил развлечь гостей. Тогда он вынес свой *маипи* и показал, на что он способен. Он прыгал и скакал, он корчил рожи и высунул язык до подбородка и подбрасывал *маипи* в воздух, как будто тот был не тяжелее льняной нити. Потом они сами попытались поднять *маипи* и подивились силе Матаоры.

В ответ *туреху* станцевали для Матаоры. Они построились в два ряда, а одна из них встала напротив, чтобы управлять ими, и Матаора услышал, как ее называли по имени. Это была Ниварека. То, как они танцевали, было непохоже ни на один танец, виденный ранее Матаорой...

Ниварека была дочерью Уетонги, потомка Хине нуи те По, богини ночи, и ее супруга Руаумоко, божества землетрясений. Ниварека была красивой; Матаора хотел ее. Когда пришло время *туреху* покинуть его дом, Матаора предложил Нивареке остаться и стать его

¹ Этот текст воспроизводится в оригинальном переводе с незначительными сокращениями (М. М.).

женой. Они хорошо уживались вместе и были довольны, хотя Матаора был мужчина этого мира и ел приготовленную пищу, а Ниварека принадлежала нижнему миру. Но однажды случилось так, что Матаора ощутил ревность, и он ударил свою жену.

Ниварека была так потрясена, что с трудом могла говорить. В ее стране мужа не били жен. Ниварека так испугалась, когда Матаора ударил ее, что она покинула его и вернулась к своему народу. Матаора пожалел о том, что он сделал. Он горевал без Нивареки и очень скучал по ней. И он решил найти ее. Он отправился сначала к Тахуароа, это было в очень далекой земле под названием Ирихия, там, где стояла огромная гора Хикуранги, упираясь головой в небо. Тамошние люди не слышали о Нивареке, и тогда он пошел в Пуутереранги, вход в Рарохонгу, который охранял Те Куватавата. Матаора спросил его: «Ты видел молодую женщину на этой дороге?». «А какая у нее примета?» — спросил Те Куватавата. «У нее светлые волосы», — сказал Матаора. «Она прошла здесь и плакала», — ответил Те Куватавата; и Матаора был ободрен известием, что Ниварека до сих пор плачет.

Те Куватавата разрешил Матаоре пройти через ворота в нижний мир, неся с собой запас еды из этого мира. Продолжив путь, он встретил Тиваивака, трубастого голубя с всеообразным хвостом... «Что делают люди здесь, внизу?» — спросил Матаора птицу. «Они заняты урожаем кумары», — сказал Тиваивака. — Некоторые строят дома, некоторые рыбачат. Некоторые летают коршунами, а другие делают татуировку». Матаора спросил, видел ли Тиваивака Нивареку. «Она прошла здесь с мокрыми глазами и трясущимися губами», — ответил Тиваивака, и Матаора продолжил свой путь с сердцем, исполненным надежды.

Так он достиг дома Уетонги, чье имя знают все мужчины: тот был экспертом по татуировкам в нижнем мире, создателем всех тату орнаментов.

Уетонга делал татуировку на лице вождя. Этот вождь лежал на земле со сведенными руками, судорожно сжатыми пальцами, в то время как отец Нивареки трудился над его лицом, используя острый костяной гребень. Матаора был очень удивлен, увидев, как кровь стекает по щекам вождя. У Матаоры была его собственная моко, которую ему сделали в верхнем мире. Но она была нарисована охрой и голубой глиной. Никогда еще не видел Матаора такую моко, как делал Уетонга, и он сказал ему: «Ты делаешь это неправильно, старик. Мы делаем это не так».

«Верно», — ответил Уетонга. — Вы не делаете этого так. Но вы делаете неправильно. То, что вы делаете, годится только для деревяшки». И он добавил, касаясь щеки Матаоры: «Это надо стереть». И он размазал раскраску по щекам Матаоры и испортил его облик. И все люди, сидевшие вокруг смеялись, и Уетонга вместе с ними. «О, этот верхний мир, там украшения просто нарисованы, как разрисованы деревянные балки», — сказал Уетонга. — Слушай, ты, из верхнего мира, какие порядки приняты здесь: у нас есть ткань танико для самой прекрасной из накидок; резьба по дереву для домов и оружия и больших каноэ; есть моко, подобная той, которую ты видишь. Эти вещи не исчезнут. А на твоём лице только тухи. Это легко стереть».

Тогда Матаора задумался и сказал Уетонге: «Хорошо, ты прав. Сделай мою моко настоящей, как у того вождя».

И тогда они отослали вождя с истекающим кровью лицом, а помощники Уетонги смыли краску с лица Матаоры. Потом Уетонга взял свой костяной нож, он погрузил его зубья в смесь пережженных каури и жира акулы и принялся за дело. Сперва он нанес моко на подбородок Матаоры и на нижнюю губу. Матаора стиснул руки от боли и поджал ноги. Но он решил, что не подаст виду, как ему больно. Его губы вздулись вокруг рта, и когда Матаора ощутил жажду, он от боли не смог пить. Тогда они принесли ему воду в тыкве и через воронку влили ему в рот; это была искусно украшенная деревянная воронка, первая из тех, которыми пользуются теперь мастера тату.

Матаора почти потерял сознание от боли. Чтобы подбодрить его, местные женщины сели рядом и запели песню, умиротворяющую боль от нанесения моко:

Мы сидим-едим вместе,
Мы смотрим на узоры
На надбровье и носу Матаоры.
Они изогнуты, как нога ящерицы.
Стань татуирован ножом Уетонги, Матаора!
Имей терпение найти девушку,
Приносящую тебе сладкие мгновенья.

На лице у мужчины, что платит свой уту¹,
Да будут узоры красивыми.

¹ Компенсация за причиненный вред (новозел.).

На теле мужчины, который слаб, когда платит,
Сделай их кривыми, оставь их открытыми.

Пусть наши песни умерят боль
И сделают тебя храбрым, Матаора.
Е хики, Тангароа!
Е хики, Тангароа!

Тогда, чтобы показать этим людям, что он не боится боли, Матаора
спел свою песню, песню раскаяния:

Ниварека!
Ниварека, великая услада!
Кто побудила меня прийти в темноту,
Полную темноту!
Заговори боль
Возлюбленного,
Кто на Ахуаху,
И на Рангатира,
И на Нуку моана арики.
Да, красен цветок,
Тот, что распустился
У дороги к Таранаки.
Да, у Таранаки
Любимый,
К кому твои легкие ноги,
Мчались быстро.

Скажи это западу,
Скажи это югу,
И скажи это северу.
Посмотри на звезды над головой,
Сияющие в мерцании луны.
Я как татуированное дерево.
Скажи, кто тобой любим,
И дай аромату
Папоротника *мокимоки*
Наполнить его сладостью
И утолить желания.
В сердцевине колышущейся ветви,
Я буду слушать тебя.

Теперь другие дочери Уетонги слышали имя своей сестры в песне этого мужчины из верхнего мира, и они побежали к Таранаки, туда, где Ниварека работала над плащом из ткани *танико*, которую она сама выткала.

«О, Ниварека, этот красивый мужчина был татуирован нашим отцом, и он поет песню, в которой называет твое имя. Он совсем растерян».

Так Ниварека и все эти люди отправились к дому ее отца. Когда они пришли, лицо Матаоры так опухло, что он не мог открыть глаза. «Этот человек похож на Матаору, а его плащ похож на один из моих», — сказала Ниварека. Она села позади мужчины и прошептала: «Ты Матаора?» Он кивнул в ответ и протянул к ней руки. И Ниварека приветствовала мужа со слезами. Тогда она дала ему пить и немного еды.

Когда его лицо зажило, Матаора стал чрезвычайно красив, он вызывал восхищение у всех этих людей. И вот однажды он сказал Нивареке: «Давай вернемся опять в мою страну». Но Ниварека не захотела с ним идти. Она сказала: «Я должна сказать моим родным. Обычай на Те Ао ту роа плохой, мужья бьют жен в этой стране. Оба мира слышали о нашем несчастье, Матаора. Этот мир слышал о нас, так же как Те Ао ту роа». Потом она рассказала обо всем родственникам, и Уетонга пришел к Матаоре.

«Возможно, ты думаешь о возвращении на место, откуда ты пришел», — начал разговор старик. — Если так, оставь Нивареку здесь. Правда ли, что в вашем мире в обычае мужчин бить женщин?» Матаора от стыда опустил голову.

Следующим к Матаоре пришел брат Нивареки, и он сказал: «Почему ты не останешься здесь, Мата? Тебе рады в этой стране, как ты видишь. Ты должен знать, что несчастья мира наверху приводят к тому, что все люди в конце концов попадают в эту страну». Потом Уетонга вновь говорил с Матаорой:

«О, Мата, мы не хотим вновь слушать твои рассказы о жизни наверху. Этот мир и твой слишком сильно различаются. Мы живем мирно».

Потом Матаора узнал из слов Уетонги, что жители нижнего мира решили отпустить женщину с ним. Он собрался в дорогу, и его тесть вновь заговорил с ним: «Не бей больше Ниву».

«Нет, Уетонга», — ответил Матаора, — *моко, которую я теперь ношу, больше не сотрется*» (курсив мой. — М. М.).

Матаора и Ниварека вместе вернулись в верхний мир. Уетонга дал Матаоре прощальный подарок — плащ Ранги хаупапа...

По пути они встретили птицу Тиваивака. Тиваивака задержал их до сезона *Tatau uruora* (курсив мой. — М. М.), что значит позднюю весну¹. Потом он отослал их вместе с совой Руру, летучей мышью Пекапека и вместе с Киви, те были проводниками... Матаора боялся, что эти существа из ночного мира погибнут в свете Те Ао ту роа, но Тиваивака объяснил ему, что он должен всегда держать их в темных местах. Вот почему сова, летучая мышь и киви выходят только ночью. Это существа из нижнего мира.

Когда Матаора и его жена достигли Поутереранги, страж этого места спросил их, что они несут с собой в верхний мир.

«Только этих птиц и искусство моко, переданное мне Уетонгой», — Матаора сказал.

«А что это за узел у тебя за плечами?» — Те Куватавата спросил.

«Только старая одежда», — Матаора ответил.

«О, Матаора!» — разгневался Те Куватавата. — Никогда теперь, после этой лжи не смогут люди из верхнего мира пройти через этот проход! Они смогут лишь спуститься вниз. Никто кроме духов не поднимется наверх отсюда».

«Почему это так?» — спросил Матаора.

«У тебя была за спиной Ранги хаупапа в этом узле. Почему ты не сказал?»

И Матаора устыдился своей забывчивости. Вот почему живой человек не ступал на этот путь после Матаоры и Нивареки...

После того как Матаора вернулся в этот мир, искусство *моко* стало известно нашим людям. Матаора научился ему от Уетонги, а его потомки распространили его от Хаваики до Тонга Нуи, до Ра иатеа, до те Рангиора и до этой страны тоже.

¹ Итак, известное всем слово «татау» возникает в этой новозеландской легенде как обозначение времени года, причем весны, когда происходит возрождение природы. А вот собственно татуировка носит название «моко». Ранее высказывались предположения, что термин «татуировка» происходит от имени полинезийского бога Тики или же от слова «тат», подражающего удару молотка (см., например, Этинген, 2002, с. 168). Согласно другой точке зрения, слово «татуировка» произошло от полинезийского «рисовать». Еще ее возводят к корню «тау» — «рана», «раненый» или к таитянскому «та» — картинка (www.tattoo.r2.ru/info/3.html). На мой взгляд, отсутствие однозначной трактовки отчетливо указывает на связь названия с мифологической традицией.

Рис. 4.22а, б, в. Первые изображения новозеландских аборигенов стали широко известны европейцам благодаря рисункам художника Сидни Паркинсона, сопровождавшего Джеймса Кука в его втором плавании. Эти рисунки украшают многие энциклопедии татуировки.

Знаки, которые были вырезаны на лице Матаоры ножом Уетонги, были *тивахана* (эти линии изгибаются от надбровий к вискам); *ре-репехи* (эти линии идут от носа вокруг рта к подбородку); а также две спирали по бокам от носа, называемые *нгу* и *понгуангва*. Эту работу называют *моко*, потому что в этих извилистых линиях можно увидеть дергающийся хвост ящерицы.

Итак, перед нами один из бесчисленных вариантов «мифа об Орфее» (опять Орфей возник в связи с татуировкой), излагающий маорийскую версию путешествия героя в загробный мир. Несмотря на возможные поздние заимствования, не исключаяющие и европейское влияние, основа этого повествования очень древняя. Самым архаическим персонажем, по-видимому, является «творец татуировки» Уетонга. Очевидно, не случайно подчеркивается его божественное происхождение сразу от двух представителей местного пантеона. Понятно, что ночь и землетрясения в этом сейсмически активном островном регионе воплощали наиболее мрачные и могущественные сверхъестественные силы.

Первый человек с «настоящей» татуировкой Матаора, несущий людям верхнего мира свет этого специфического знания, по мнению Олперса, имеет общие черты с центральным культурным героем полинезийской эпической традиции Мауи. В истории о Матаоре и Ни-

Рис. 4.23. Те Рангитуке, вождь Кавакава, его жена и сын. Написанная в 1827 г. Аугустусом Эрлом картина зафиксировала богатую татуировку на лице представителя маорийской элиты (Docking (i., 1990, p. 26)

вареке усматривают аналогии с гавайской легендой о первом плаще из перьев Аху ула. (Рис. 4.22а, б, в)

Нас же должно более всего интересоваться, как в этом мифе трактуется происхождение татуировки. Во-первых, это произведение рассказывает о таком существенном событии, как окончательное разделение мира мертвых и мира живых. Соответственно, все, без исключения, детали повествования приобретают особый смысл. Здесь можно видеть набор необходимых элементов, свойственных подобным мифам: сакральный брак; вину героя (нарушение норм потустороннего мира); долгое путешествие; искупление вины преодолением испытаний; обретение новых свойств, умений, предметов, спутников; новое нарушение запретов, имеющее экзистенциальные последствия для всего человечества.

Что же можно сказать о татуировках маори, исходя из историй о Матаоре и Нивареке? Обычай раскрашивать лицо, принятый в «мире света» живых людей, отчетливо противопоставляется «настоящей моко», создаваемой Уетонги. Подчеркивается, что раскраска носит временный характер, ее легко смыть, смазать, и, тем самым, «потерять лицо»¹ («это только *тухи*»). Моко нижнего мира нельзя утратить, она создается навсегда, причем далеко не безболезненно. В повествовании неоднократно подчеркивается кровавый и болезненный характер процедуры. Это не случайно, поскольку татуировка здесь имеет отчетливое значение искупления грехов, жертвоприношения и сакрального дара.

Другой смысл моко, по-видимому, связан с посвящением. Мотив мужской инициации возникает в связи с нанесением совершенно определенных орнаментов, знаков, имеющих свое название и несущих информацию о владельце. Неоднократное упоминание в этом достаточно позднем повествовании ящерицы, скорее всего, не метафора, а

¹ Это наводит нас на мысль, что опасения «потерять лицо» — черта общечеловеческая и, вообще, распространенная идиома имеет более глубокий смысл.

Рис. 4.24. Хори Кинги Те Анауа. Картина Готфрида Линдауэра. Оклендская Городская художественная галерея.

Хори Кинги Те Анауа был верховным вождем племени Вангануи в 1860-х годах. В молодости он принимал активное участие в межплеменных конфликтах, участники которых не избегали каннибализма. Когда началась война между маори и европейцами, он выступил на стороне Паксха. По выражению одного британского офицера, Те Анауа был «могущественным старым вождем с лучшими чертами маорийского аристократа». Немецкий художник Готфрид Линдауэр (1839—1926), по мнению современных искусствоведов, придал новозеландскому вождю германские черты. В то же время он с фотографической точностью запечатлел татуировку на лице маори (Docking G., 1990, p. 84).

Рис. 4.25. A Noble relic of a Noble Race. Чарльз Фредерик Голди (1870—1947) изобразил жреца маорийского племени Тухое Вхарекаури Тахуна. Он тщательно прорисовал особенности лицевой татуировки моко (Docking G., 1990, p. 5).

Рис. 4.26а, б, в. Вожди маори в XIX веке.

отголосок древних тотемических представлений. Все эти обстоятельства помогают нам понять необычайную важность татуировки для новозеландских аборигенов. Имеющая сверхъестественное происхождение татуировка служила далеко не обычным украшением. Наверное, не случайно лица знаменитых воинов и могущественных вождей маорийских племен столь тщательно покрыты сложной татуировкой. (Рис. 4.23; 4.24, 4.25, 4.26а, б, в)

Напоследок прибегнем к мнению такого признанного авторитета, как создатель структурной антропологии К. Леви-Стросс. По его словам, татуировка маори «впечатывает» в сознание все традиции и философию этой группы.

И, наконец, обратимся к эмпирическим данным, полученным этнографами. Они подтверждают и дополняют выводы, к которым мы пришли выше. В Новой Зеландии татуировка составляла привилегию правящего класса. Операция была особенно болезненна, поскольку в отличие от остальной Океании инструмент был без зубцов, а с прямым режущим лезвием. «Пациент» подвергался самым суровым запретам. «Он становился полон такой святости, что не должен был даже сам прикасаться к своей пище, и его кормил кто-нибудь из приближенных». Для того, чтобы напоить татуируемого, изготавливали специальные сосуды, богато украшенные резьбой. Интерес вызывают сообщения о том, что некоторые маорийские вожди использовали орнамент татуировки на своем лице в качестве подписи или, точнее, герба. При заключении договоров с европейцами о передаче земель они копировали на бумаге фрагменты рисунков своей татуировки (Народы мира, 1916, с. 207). Можно думать, что такой договор становился в глазах маори священным.

Австралия

Член экспедиции прославленного мореплавателя М. П. Лазарева на шлюпе «Мирный», ознаменовавшей открытием Антарктиды, мичман Новосильский живо интересовался обычаями коренного населения и, по-видимому, первым из русских авторов описал некоторые ритуалы австралийских аборигенов. Так, он обратил внимание, что по достижении совершеннолетия юношам выбивали два передних зуба, после чего они становились равноправными мужчинами и самостоятельными охотниками. Девушкам еще в малолетстве отрезали два сустава мизинца на левой руке, которые будто бы «мешали

Рис. 4.27а, б. Неизгладимые знаки на телах вождя австралийского племени брокен бай Боонгаре и его жены.

наматывать лесы при рыбной ловле» (Фирсов, 1988, с. 144). Другой участник плавания, художник П. Н. Михайлов, старательно запечатлевавший все виденное, оставил выразительные портреты вождя брокен-байского племени Боонгаре и его жены Маторы. (Рис. 4.27а, б) На груди и в верхней части плеча этих людей можно видеть последствия татуировки, точнее, шрамирования. Узор татуировки незамысловат: основным элементом служит композиция из трех идущих параллельно коротких линий. Эти орнаменты напоминают шрамы от когтей зверя. Кроме того, носовая перегородка у вождя перфорирована, в полученное отверстие вставлена кость.

В начале XX века этнограф А. Р. Брун отметил, что обычай наносить рубцы на тело распространен во всех австралийских племенах и у мужчин, и у женщин. Местом для рубцов избирались обычно плечи и грудь. (Рис. 4.28) Рубцевание производилось не в один прием, а на протяжении всего юношеского возраста. За один раз могли нанести не больше двух рубцов. Среди обычаев инициации австралийских аборигенов важное место занимали ритуальные ограничения в

Рис. 4.28. Австралийский абориген из Квинслэнда.

Рис. 4.29. Татуировки у североамериканских индейцев хайда (по Шурцу).

еде. Мальчикам на какое-то время запрещалась самая престижная для племени пища: например, мясо вомбата, черепахи, эму или схидны. По мере возмужания юноши запреты снимались. По словам Брауна, «процесс этот тянулся так долго, что человек успевал состариться и поседеть, прежде чем ему разрешалось все кушать». В некоторых племенах нанесение рубцов бывало приурочено к отмене запрета есть престижную пищу. Туземцы подвергали себя другим операциям, приводившим к появлению «неизгладимых

знаков» — к прободению носовой перегородки и выбиванию одного из резцов (Народы мира, 1916, с. 100). В мифе, распространенном у племен Вираджури, божество Дарамулун говорит, что в момент посвящения он убил мальчиков, разрезал, сжег, а потом воскресил «новыми существами, но без одного зуба» (цит. по Элиаде, 2002, с. 47).

О нанесении австралийцами шрамов в знак траура мы уже упоминали в главе 2.

Кроме того, для участия в различных религиозных церемониях аборигены Австралии покрывали тело сложными узорами, употребляя для этого краски или птичий пух, прикреплявшийся к телу собственной кровью, бравшейся из вены руки.

Южная Америка

Если среди североамериканских индейцев больше были распространены церемонии временного окрашивания тела и в момент обрядов перехода широко применялись ритуальные маски, то коренное население южноамериканского континента чаще прибегало к необратимым манипуляциям со своим телом. Вместе с тем, по наблюдениям профессора Фрайбургского университета Ф. Коха-Грюнберга, сделан-

Рис. 4.30а, б. В 1585 г. Джон Уайт запечатлел орнаменты на телах индейцев Мэрилэнда и Вирджинии.

Рис. 4.31. Старый Медведь — лекарь индейского племени мандан. Рисунок североамериканского художника Джорджа Кэтлина (1796—1872).

ным в начале XX века, собственно татуировки среди подобных манипуляций были редкостью. (Рис. 4.29; 4.30а, б; 4.31)

«У лесных племен встречается странный обычай, влекущий за собой своеобразное уродование тела. Например, мужчины племени умауа, в бассейне верхней Япуры, носят род широкого пояса из очень твердой коры, раскрашенный узорами красного цвета. Они натягивают его вдоль туловища так туго, что мускулы выдавливаются наружу и как бы распухают. Этот пояс или жилет никогда не снимается... У большинства племен существует обычай прободения лица в разных местах; чаще всего пронизывается нос, ухо и нижняя губа. В сделанные отверстия вставляются разной длины деревянные или бамбуковые палочки, свернутые листья, а в торжественных случаях — полые косточки маленькой птички с продетыми сквозь них перьями. В нижнюю губу вставляют втулку из дерева, смолы, камня или металла: от этих украшений образуется большое отверстие; ушная мочка вытягивается, доходя до плеч; последнее наблюдается в особенности у ботокудов. У племени Мирапуа на Япуре такого рода втулки, вставляемые в

ноздри, служат племенным знаком. Этот обычай одно время дошел до такого развития, в особенности у женщин, что приходилось носовые кольца откидывать за ухо, чтобы они не мешали. Племя Отагуа с верхней Амазонки и некоторые племена с Укайали сдавливают черепные кости новорожденных посредством бандажей, деревянных подставочек и пр. — обычай, несомненно, обязанный своим происхождением древним перуанцам.

Татуировка встречается редко и всегда служит племенным отличием. Женщины племени кадиуэо, живущего в южной части Матто Гроссо, прежде татуировали себе все тело нежными арабесками; в настоящее время они оставили этот способ украшения, заменив его более легким — раскрашиванием.

На всем материке преобладает обычай раскрашивания тела, которое с первого взгляда производит впечатление одежды, вязаного костюма. Туземцы раскрашивают себя при всех церемониальных торжествах, перед праздниками и танцами, когда ожидаются гости и т. п.» (Народы мира, 1916, с. 67—68).

Шрамы и татуировки наносились в момент юношеской инициации. У племени банива на реке Гвании девушка, приобщаемая к миру взрослых женщин, получала от старейшего члена клана удары плеткой. Плеть из пальмовых волокон оканчивалась острыми рыбьими зубами, так что от каждого удара оставалась чувствительная рана, впоследствии — рубцы.

У индейцев-таулипангов девушек при наступлении половой зрелости подвергали самым настоящим пыткам. Больших черных муравьев сажали в ячейки сети, прикрепленной к ладоням, подошвам, плечам и бедрам посвящаемой. Через несколько часов бабушка, режущая девушки татуировали в углах ее рта племенные знаки угольком, полученным от сжигания пчелы. Якобы это делалось для того, чтобы напиток, который девушка будет потом готовить из корней маниоки, был сладким, как мед¹. Юной индианке выстригали волосы на затылке, оставляли на несколько дней в гамаке, в уединении. Затем старшая родственница окрашивала ей тело и подошвы ног в красную краску, а потом дедушка стегал плеткой из пальмовых волокон, посыпанной красным перцем. Чудовищная жестокость, если не прини-

¹ Заметим, что в обряде посвящения участвуют «социальные» насекомые: муравьи и пчелы, известные четкой организацией своего сообщества. Возможно, это ставит целью укрепление рода у таулипангов.

мать во внимание, что, по представлениям любящих близких, только эти процедуры могли превратить девушку в полноправного члена родовой общины. Юношам таулипангов при посвящении их в тайное мужское общество приходилось еще хуже. Им наносили надрезы на руках, груди и подбородке и втирали в эти рубцы растительный сок. В губы и в нос вставляли кусок пальмового волокна. Цель этих действий — обеспечить удачу при употреблении лука со стрелами и выдувательной трубки на охоте и в рыбной ловле. После чего посвящаемый целую неделю должен был беззвучно терпеть укусы муравьев.

У караибов Британской Гвианы девушкам при прохождении инициации опаляли волосы, после чего шаман делал на ее спине надрезы зубом какого-то грызуна, присыпая раны перцем. Испытуемая не должна была кричать. Похожие обычаи встречались у аборигенов бассейна Амазонки — в племенах мундуруку и текуна, а также в течении реки Уаупе. (Рис. 4.32; 4.33)

Если момент инициации, условная смерть, сопровождался столь сложными и мучительными процедурами, оставлявшими неизгладимые знаки, то неудивительно, что в момент столкновения со смертью реальной южноамериканские индейцы вновь прибегали к самотерзанию. Это позволило этнографу заметить: «Для защиты себя от смерти они подвергают свое тело всевозможным испытаниям и лишениям, доводя его до самого жалкого состояния. Это самоистязание обыкновенно обязательно для остающейся вдовы или вдовца, но иногда совершается и ближайшими родственниками... Некоторые племена Ла-Платы жестоко изувечивали себя прежде в случае чьей-либо смерти: после каждо-

Рис. 4.32. Татуировка воина мундуруку, XIX век.

Рис. 4.33. Пирсинг воина мундуруку.

го смертного случая они отрезывали себе сустав пальца» (Народы мира, 1916, с. 87).

Итак, мы познакомились с некоторыми, далеко не исчерпывающими данными этнографии о распространении татуировок среди народов традиционной культуры. Вовсе не будет преувеличением сказать, что у большинства племен возникновение неизгладимых знаков на теле (татуировок, рубцевания, пирсинга, подтачивания / выбивания зубов, ампутаций) связано с обрядами перехода, то есть с посвящением в новый статус.

Как мы могли убедиться, нанесение татуировок сопровождает взросление детей, инициацию подростков мужского и/или женского пола, вступление в брак, траур по покойному. Это те наиболее уязвимые моменты бытия, когда, по представлению носителей традиционной культуры, истончается грань между реальным и сверхъестественным, когда, меняя свой статус и природу, человек совершает временное путешествие в загробный мир. Неудивительно, что возвращается он оттуда обладателем важного мнемонического символа — татуировки или шрама. Этот знак нужен ему не только для полноправного прожития своей жизни на земле, но и для того, чтобы однажды он мог навсегда отправиться в мир теней. Тот, кто не будет иметь знаков на теле, не подготовлен к загробному существованию. То есть метка на теле — зримое воплощение мифа, сакральный текст. Поэтому так важна легенда новозеландских аборигенов, повествующая про путешествие культурного героя в загробное царство и про обретение татуировки. «Орфический миф» про Матаору ясно свидетельствует: наколка — не просто украшение или даже оберег, а дар богов людям и одновременно дар (жертвоприношение) людей богам.

«RICH MAN — POOR MAN, BEGGER MAN — THIEF»

Моряки, пилигримы, изгои, бродяги, преступники. Люди в замкнутом пространстве. Soldiers, sailors. Begger Man — Thief. «От тюрьмы да от сумы не зарекайтесь» — а значит, и от татуировок. «Сакральное» пространство тюрьмы. Татуировка у якудза. Роль изоляции в активизации мифологического мышления.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

А. С. Пушкин

Tinker, Tailor,
Soldier, Sailor,
Rich man — Poor Man,
Begger Man — Thief.

Моряки, пилигримы, изгои, бродяги, преступники

В английской считалке, использованной мною в качестве эпиграфа, перечислены основные персонажи настоящей главы: солдаты, моряки, представители элиты традиционного общества и их антиподы — нищие и преступники. Как это ни странно на первый взгляд, все

эти группы объединяет одна черта — пристрастие к татуировкам. До сих пор мы говорили о традициях древности, заботливо сберегаемой носителями архаических культур. Но теперь мы подбираемся к современности. В настоящей главе мы объединим разную публику. Общая для них особенность: это, как правило, мужские коллективы, в силу обстоятельств, иногда добровольно, иногда под воздействием идеи, но чаще по принуждению вынужденные оторваться от породивших их социальных условий и проводящие значительное время вместе.

Люди в замкнутом пространстве

Люди, обреченные в силу разных условий долгое время жить в изоляции от общества, демонстрируют значительные психологические изменения.

К их числу может принадлежать команда корабля, бороздящего океаны вдали от дома; к ним относятся солдаты; заключенные; душевнобольные, отделенные от внешнего мира в больнице. В 1961 году особенности психики таких индивидуумов исследовал Е. Гоффман, который предложил называть группу, долго пребывающую в изоляции, карцерной. Длительная изоляция усиливает взаимный контроль у членов группы и одновременно увеличивает психологическую дистанцию между ними. Люди начинают больше ценить пространство личной жизни и всеми способами пытаются его обозначить, придавая большое значение внешним проявлениям своего статуса. Ограничение информации из внешнего мира приводит к утрате адекватности восприятия. В карцерных группах царит обстановка напряженности. Любопытно, что российский социолог Ольга Крыштановская прослеживает аналогичные психологические и личностные изменения среди современной правящей элиты, объясняя этот феномен фактической закрытостью верхушки общества от основной массы населения. С этой точки зрения, рекламный слоган «Статус — это количество перьев», звучащий сегодня с экранов телевизора, имеет, по-видимому, достаточно глубокий психологический смысл.

Soldiers, sailors

Как отмечает составитель недавно опубликованной американской «Энциклопедии татуировки» Териза Грин (Green, 2003, p. 278), сами моряки вряд ли когда-нибудь думали о себе как о представителях

«культуры тату». Татуировка просто-напросто была частью их существования. Татуировки на морскую тематику, прежде всего, служили знаком для не-моряков. Изображения якорей, цепей, кораблей проникли из повседневного опыта мореплавателей. Более сложные изображения, к примеру, «Могила моряка», появились позже. Считается, что «морские» татуировки не только отражают причастность к определенной профессии, но и издавна служат защитой при кораблекрушениях. Эта среда породила множество суеверий, активно используя при этом разнокультурные традиции.

К числу сюжетов, наиболее распространенных в современном американском флоте, относятся: якорь, крест якоря, военный корабль, канат (веревка), парусник, «возвращение в порт приписки», морской дракон, свинья, петух, морской узел, послание в бутылке, морская звезда, пиратский корабль, моряк, могила моряка, огни корабля. (Рис. 5.1а, б, в, г)

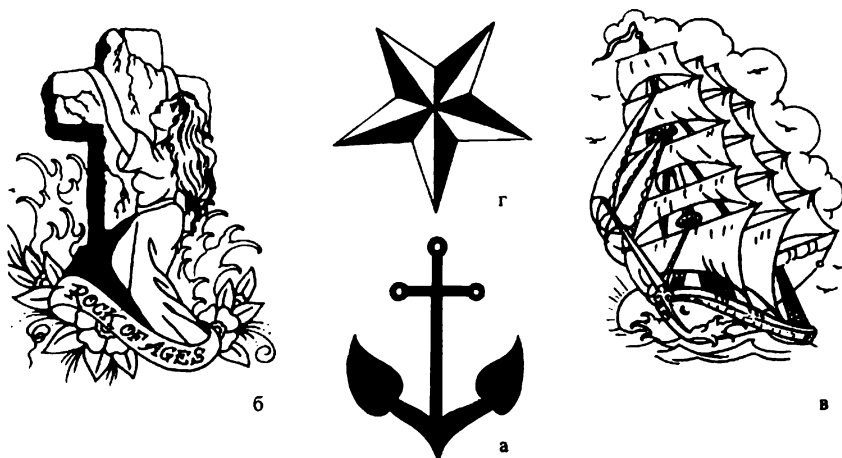

Рис. 5.1. Татуировки, принятые у американских моряков (составлено по данным Green, 2003): а) морской крест, б) «Скала времен», в) парусник, г) морская звезда.

Так, например, по традиции татуировка, изображающая свинью, наносится на левую ногу, а картинка петуха — на правую. Поскольку эти животные категорически не относятся к водоплавающим, считается, что они помогают своему «хозяину» скорее вернуться на сушу. Кроме того, известный своей агрессивностью петух, возможно, символизирует воинственный дух обладателя подобной татуировки. Пе-

тух был символом войны у готов. У древних греков он ассоциировался с восходом Солнца и культом Аполлона. У китайцев люди, рожденные в год петуха, глубокие мыслители, склонные к одиночеству и резким сменам настроения. По представлениям буддистов, красный гребешок и яркие хвостовые перья символизируют гордость и страсть. У японцев-синтоистов петух ассоциируется с сигналом молитвенных барабанов.

Распространенной стала татуировка, цитирующая слова гимна «Rock of Ages» — «Скала времен», написанного еще в 1776 году. В этой композиции обязательно присутствует потерпевшая кораблекрушение женщина, прильнувшая к кресту, воздвигнутому на небольшой скале в окружении бурных волн. Сюжет навеян не столько морем, сколько библейскими традициями. Это типичная аллегория западного мира, в которой скала — символ истинной христианской веры.

Нечто общее с этой татуировкой обнаруживает уже упомянутая «Могила моряка», неотъемлемым атрибутом которой служит якорь (вариант: распростерший крылья орел), возвышающийся над изображением тонущего корабля. Другая, сугубо моряцкая татуировка — «послание в бутылке» — символизирует надежду на спасение человека, оказавшегося на необитаемом острове.

К категории татуировок «старой школы» относится сюжет возвращения домой: клиппер под парусами с соответствующей надписью. Вообще же, судно с наполненными ветром парусами — независимый сюжет, означавший благополучное плавание вокруг коварного мыса Горн. Морякам, прошедшим это испытание, наносили и другие знаки отличия: например, пятиконечную синюю звездочку на левое ухо. Звездочка на правом ухе означала пять раз вокруг мыса Горн. О десяти плаваниях по опасному маршруту напоминали две красные метки на лбу.

Выполненный в восточном стиле дракон для американских моряков означает, что его хозяин служил «на китайском направлении». Заимствование этнических мотивов здесь выступает особенно наглядно.

Один из наиболее универсальных знаков — якорь — иногда несет более ограниченную информацию, сообщая, что ее носитель служил на судах Атлантического океана. По-видимому, изображение якоря пришло из средиземноморского региона, где в древности символизировало морских богов. Якорь приобрел новое символическое значение в эпоху раннего христианства и стал часто изображаться в сочетании с крестом. В таком виде он еще называется крест надеж-

ды (*crux dissimulata*). Ранние христиане, опасаясь гонений со стороны римских властей, рассчитывали на то, что запрещенный символ новой религии будет незаметен на фоне якоря.

Изображение каната вокруг запястья раньше считалось отличительной чертой докера (татуировка как знак профессии).

Иногда появление татуировки носило явный смысловой оттенок посвящения. Например, по данным Теризы Грин, изображение веревки наносили только после второго плавания.

Морская звезда, несмотря на название, имеет мало общего с одноименным беспозвоночным животным и больше всего похожа на пятиконечный символ советских времен. В представлениях западных моряков она ассоциируется с Полярной Звездой, одним из важнейших для навигации небесных тел.

Таким образом, даже у современных моряков одной из наиболее развитых стран мира обычай татуировки предстает в своих самых первозданных и архаичных формах. В морских татуировках доминирует мотив инициации, говорящий о профессиональной принадлежности и опыте владельца.

Как мы помним, в четвертом веке нашей эры римляне наносили опознавательную татуировку на руки своих легионеров.

Теперь поговорим о современных армейских татуировках. У американских солдат наиболее предпочтительны наколки, изображающие бульдогов, смерть перед бесчестьем, Иностранный легион, пропеллер и крылья, *Semper Fidelis*, надписи «Военно-воздушные силы США», «Армия Соединенных Штатов», «Береговая Охрана Соединенных Штатов», «Морской Корпус Соединенных Штатов», «Флот Соединенных Штатов» и т. п. Вообще-то, с официальной точки зрения татуировки в армии США под запретом. Известен, к примеру, случай, когда выходца из бывшего Советского Союза отказались брать на службу из-за наличия татуировки. (Можно предположить, что злополучная татуировка не соответствовала определенным канонам, принятым у янки, или несла избыточную информацию о своем владельце.) Но, тем не менее, в американской «Энциклопедии татуировки» тема воинских наколок присутствует.

Итак, начиная с Первой Мировой войны, английский бульдог в каске с орлом выступает как символ Морского корпуса США. Это повелось от прозвища «чертовы собаки», которым немцы награждали морскую пехоту противника, и стало официально утвержденным брендом.

Слоган «Death before dishonor» на русский язык наиболее адекватно переводится «Бесчестье или смерть», хотя английское выражение и его древнеримский прототип «morte prima di disonore» права выбора здесь не оставляют: честь предпочтительнее. Это выражение заставляет также вспомнить о кодексе поведения европейского средневекового рыцарства и о японских самураях. Как видно, декларативное воинское поведение универсально. (Рис. 5.2)

Begger Man — Thief.

«От тюрьмы да от сумы не зарекайтесь» —
а значит, и от татуировок

Без сомнения, самая карцерная группа из всех — люди, чья изоляция от остального общества совершается не добровольно, а принудительно. Их свобода действительно ограничена, они не могут нарушить условия изоляции без разрешения извне. Как ни цинично это звучит, такая группа представляет наиболее совершенную модель для изучения некоторых социальных явлений.

Исследования татуировки у представителей преступного мира имеют наиболее глубокую традицию, причем отечественным татуировкам, наносимым в местах заключения, посвящена самая подробная литература. Библиография специальных работ в этой области чрезвычайно обширна, и охватить ее весьма непросто. Мы будем опираться в своем обзоре на несколько публикаций, которые представляются нам основными. Среди них и ставшие классическими научные исследования, и самые «свежие» обращения к этой животрепещущей теме. К их числу относится не потерявшая своего значения работа М. Н. Гернета (1924), впервые описавшего татуировки в московских местах заключения; эта же традиция продолжается в недавней обстоятельной публикации московских криминалистов, содержащей обширные фактические данные (Дубягина, Дубягин, Смирнов, 2003). Теоретические попытки осмысления татуировок у преступников можно видеть в ряде зарубежных работ, в частности,

Рис. 5.2. Армейская американская татуировка (по Green, 2003).

в исследовании Эбби Шрэдер (2000). Глубокий культурологический анализ символики воровских татуировок в России предложил А. Ю. Плущер-Сарно (2001). И, наконец, все больше ученых (этнологов, филологов) рассматривают тюремные татуировки как проявления фольклорной традиции, создаваемой определенной субкультурой в пределах современного постиндустриального общества (например, см. работы Е. С. Ефимовой).

Начало этому интересу было положено популярными в XIX веке трудами Чезаре Ломброзо, одного из первых «криминальных антропологов». Рожденный в прагматическом и позитивистски настроенном столетии, ставившем своей целью «все объяснить», итальянский криминалист (между прочим, современник Бертильона, заложившего основы антропологической идентификации личности) разработал концепцию «врожденной преступности». По специализации Ломброзо был психиатром, но долгое время проработал тюремным врачом. Он предположил, что значительная часть нарушителей закона от рождения склонна к совершению злодеяний. По Ломброзо, преступники не только отличаются внешним видом от добропорядочных людей, но и обладают рудиментарными признаками первобытности, обладая специфическими моральными качествами. Занявшись классификацией лицевых черт, итальянский психиатр выделил комплекс признаков, который назвал «стигматом преступности»¹: асимметричное лицо, «неправильное» строение черепа, притупленная чувствительность, неспособность краснеть, мстительность, тщеславие, гордость, слабость рассудка, особое «иероглифическое» письмо и проч. Ломброзо даже пытался по морфологическим признакам отличать убийц (брахицефалов с мощными челюстями, длинными ушами и стекловидными глазами) от воров (долихоцефалов с маленькими глазами). Стоит ли говорить, что эти прогнозы в практической криминалистике себя не оправдали...

Татуировка тоже рассматривалась им как неотъемлемый атрибут асоциальных и «дегенеративных» личностей. Мы уже писали в предыдущей главе, что такое отрицательное отношение к носителям татуировки в какой-то момент даже спровоцировало политические действия, в частности, «Акт о преступных племенах» британских ко-

¹ Весьма показательно, что итальянец Ломброзо, «культурный наследник древних римлян», автоматически применил выражение «стигма» по отношению к представителям преступного мира.

лонияльных властей в Индии. И хотя взгляды Ломброзо на природу преступности достаточно быстро были опровергнуты, они создали в массовом сознании научное оправдание отрицания идеи татуировок, и негативное восприятие наколок сохранялось в цивилизованном мире вплоть до конца XX века.

Исторические аспекты татуирования заключенных рассмотрены Э. Шрэдер в работе под названием «Клеймение чужого/татуировка себя: надписи на теле среди осужденных в России и Советском Союзе» (Schrader, 2000). Автор делает попытку соотнести традиции обращения с телом преступника и определенными историческими ситуациями, начиная с поздних этапов существования московской Руси и оформления государственных институтов Российской Империи. Отправной точкой исследования Шрэдер служит конец XVII века, время построения сложной административной системы, когда статусный вопрос о «состоянии», то есть общественном положении, приобрел новое звучание в правление Петра I. Петровские реформы, включавшие Табель о рангах для дворянства, рекрутирование крестьянства на военную службу и построение полицейской системы, были призваны максимально структурировать аморфное общество, сделать социальные связи ясными и понятными.

Как отмечал в 1872 г. Н. М. Ядринцев, характеризуя русскую общину в тюрьме и ссылке, идея побега и бродяжничества играла особую роль в менталитете нашего народа. В этом смысле освоение сибирских просторов открывало совершенно другие возможности по сравнению с европейской частью страны. Низкая плотность населения, огромные пространства и природные богатства воплощали мечту о свободной жизни без контроля и давления центральной власти, без крепостного права.

В то же время сама власть рассматривала потенциал Сибири иначе. Неслучайным символом покорения земель за Уралом становится острог.

Еще при Петре возникает мысль об использовании каторжников как рабочей силы. Благодаря огромным массам ссыльных население Сибири возрастает в XVIII веке на 350 тысяч человек. Между 1770 и 1820 годами число русских в Сибири удваивается, в 1820—1854 гг. оно увеличивается еще на сорок процентов. Несмотря на обилие пенитенциарных заведений, демографический состав Сибири делает ее в общественном сознании дикой, «внезаконной» и символически «другой» (потусторонней) страной. Пытаясь преодолеть такое отно-

шение, генерал от инфантерии Анненков пишет в 1852 году, что Сибирь для нас не чужое место, Сибирь — это часть России и одна из важнейших ее частей...

С начала XVIII века в России широко применялось клеймение людей. Крестьяне практически всех регионов были обязаны иметь на теле знак своего владельца. Согласно указу Петра I от 1712 года клеймили левую руку рекрутам, втирая в место ожога порох. До 1757 года осужденным вырывали ноздри и выжигали на лбу и щеках буквы «ВОР» и «КАТ». Кроме того, людей клеймили аббревиатурами «С.К.» — ссыльнокаторжный, «СП» — ссыльный поселенец. Это жестокое наказание, призванное обозначить статус осуждаемого, его инакость и обособленность, сохранялось вплоть до конца правления столь гуманного и просвещенного императора, как Александр I.

Клеймение, позаимствованное у греков и римлян, продолжало традиции ранних эпох и было совершенно отчетливой разновидностью гражданской и физической казни. Собственно, идея, согласно которой человек отвечает за совершенное преступление целостностью своего тела, не нова, мы видим ее в основе юридической системы Хаммурапи почти четыре тысячи лет назад. Вне всякого сомнения, она лежала в основе законодательных норм большинства государств древности. То, что мы до сих пор поминаем ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб», а некоторые народы традиционной культуры его используют, говорит о многом: не только об укорененности библейских норм, лежащих в основе современной европейской цивилизации, но и о живучести архетипа. Семантически подобные действия вполне прозрачны. Они преследуют целью восстановить нарушенное равновесие применением адекватного действия. В своем историческом развитии эта идея привела к нарушению симметрии, когда за любое серьезное преступление человек стал отвечать целостностью своего тела. Но и в этой идее можно рассмотреть все признаки мифологического мышления, связанного с антропоморфизацией вселенной. Почему на первый план в системе наказаний долгое время выдвигались не просто ограничение свободы, материальные компенсации или принудительный труд, а воздействия, затрагивавшие телесность преступника? Не забудем и про длительную практику судебных схваток и испытаний, когда победившая сторона объявлялась невиновной. И широко известная цитата из «Кавказской пленницы» — «это оскорбление можно смыть только кровью» — тоже органически связана с комплексом архаических представлений.

Клеймение преступников было редуцированной (более щадящей и символической) формой казни в европейских странах вплоть до относительно недавнего времени. Чтобы не ограничиваться примерами из отечественной истории, приведем литературный пример из романа Александра Дюма. Конечно, речь идет о коварной миледи Винтер, носившей на плече знак в виде королевской лилии, выжженный рукой палача, знак, от которого она безуспешно пыталась избавиться...

В 1828 году генерал-адъютант Прянишников предложил нанести метку на руки беглых и затем пойманных ссыльнопоселенцев с тем, чтобы облегчить их идентификацию при возможном побеге. Такие клейма отражали бы физическое состояние, а не были бы мерой наказания. Именно поэтому Николай I первоначально не поддержал подобное нововведение. Однако в 1845 году царь все же отдал распоряжение клеймить беглых каторжников и ссыльных. Тогда же министр внутренних дел Перовский придумал регламентировать надписи в клеймах как обозначение статуса в зависимости от меры наказания. Аббревиатура «СБ» означала ссыльных и бродяг, «СК» — ссыльнокаторжных. Впервые стало применяться клеймение бродяг в европейской России, а не только беглых и ссыльных в Сибири. В 1846 году в соответствии с этим законом заклеили около тысячи человек. В следующем году — уже в три раза больше. Согласно концепции Э. Шрэдер, именно этот период служит поворотной точкой в возникновении специфической тату-культуры в криминальном мире России.

По мнению пеннсильванской исследовательницы, в мироощущении носителей этих знаков клеймо становится не знаком наказания, а атрибутом их социальной принадлежности, того самого «состояния». Учитывая специфическую роль, которую играют бродяги и странники, «калики перехожие» в поздней истории имперской России, к этому тезису нужно отнестись с особым вниманием...¹

В конце XIX — начале XX веков российские криминалисты и этнографы начинают профессионально изучать преступную среду. Эти первые исследователи отмечают, что наиболее привилегирован-

¹ Примечательно, что американская исследовательница, обсуждая «общественный статус бродяг» во второй половине XIX века, полностью обходит вопрос о крепостных крестьянах, реформах Александра-Освободителя и о влиянии этих событий на свободное перемещение российского населения после 1861 г. Складывается впечатление, что автор механически воспринимает русских бродяг и беглых крестьян как некий аналог пионеров Дикого Запада, устремившихся в неосвоенные земли Сибири в поисках лучшей жизни.

ное положение в чрезвычайно иерархическом тюремном мире занимают бродяги, называвшие себя в тот момент «полевыми дворянами». Среди ссыльных и прочих осужденных они считались аристократами. По словам криминалиста Шрейтерфельда, бродяги называли себя «почтенными жителями тюрьмы». По мнению Свирского, воровское братство, осознавая свою обособленность от мира за пределами тюрьмы, от честного общества, пытается создать для себя внутри тюрьмы привилегированную, аристократическую касту. «Бродяга» — высший титул заключенного того времени.

По мнению Э. Шредер, в своей строгой иерархии российский преступный мир конца XIX — начала XX вв. стал соответствовать российскому общественному устройству, насаждаемому начиная с правления Петра I, когда каждому чину должен был соответствовать свой порядок. Это объяснение кажется нам наивным. Впрочем, нельзя не признать, что иерархическая структура российской тюрьмы заслуживает пристального внимания как весьма наглядный пример самоорганизации изолированных человеческих коллективов, как модель карцерной группы, способная многое рассказать о мотивах общечеловеческого поведения.

Итак, возможно, в конце XIX века складываются некоторые культурные стереотипы тюремной жизни, в основном дошедшие до современности. В том, что это культура, точнее, субкультура, сомневаться не приходится: у нее свой язык, литература, песни, система ценностей, определяющая отношение к основным понятиям жизни и смерти — к любви, дружбе, к героизму, печали, обиде. Язык «странников» и бродяг недоступен для непосвященных. Собственно говоря, уже Ядринцев подмечает у российских бродяг конца XIX века ритуалы посвящения, настоящие «обряды перехода», связанные не только со знакомством с секретами корпорации, но и с «вживанием» в нее. Здесь нужно сказать, что для тюремной среды, как, по-видимому, для всех карцерных групп в целом, характерна активизация архаического мышления. Очевидно, в таких условиях вступают в действие древние механизмы самоорганизации человеческих групп, характерные еще для первобытного общества. Разумеется, в поздних изолированных коллективах, о которых идет речь в этой главе, эти процессы протекают в деформированном, искаженном виде. И тем не менее, по отношению к карцерным группам вполне можно говорить о ритуализации жизни, о появлении устойчивых норм поведения, традиций, отступление от которых карается так же строго, как нарушение священных норм мироустройства в древности.

Итак, еще в XIX веке, чтобы занять свое место в сложной иерархической системе, новичок должен был пройти своеобразную инициацию. Впервые попавший в тюрьму бродяга должен был доказать, что он принадлежит к аристократии преступного мира. Знаки на теле подкрепляли социальный статус. Шрамы и ожоги были способны доставить особый престиж своему владельцу, поскольку говорили о его богатом опыте.

Следующий шаг в создании выразительного языка — нанесение собственно татуировок на тело уже самими заключенными. Наколки в местах заключения становятся определяющими статусными знаками, позволяющими, по словам отечественного криминалиста А. Бронникова, собравшего коллекцию изображений из сотен криминальных татуировок, «отличить овцу от серого волка».

«Сакральное» пространство тюрьмы

Очень глубокий взгляд на феномен воровских татуировок демонстрирует, на мой взгляд, в своих работах А. Ю. Плутцер-Сарно. Он рассматривает покрытое татуировками тело вора в законе как языковой объект и, в соответствии с этим, его анализирует. Выводы, к которым приходит автор, настолько масштабны, что их справедливо применить к обычаям всех обществ традиционной культуры, практикующих нанесение неизгладимых знаков.

Как подчеркивает Плутцер-Сарно, тату — уникальный язык символов и передаваемые в устной традиции правила восприятия. Этот язык кодирует тайную информацию от непосвященных. Попутно возникают новые смыслы литературных слов и общепринятых визуальных образов. Язык тату социален и политизирован. Традиционный набор татуировок, называемый на жаргоне «фрак с орденами», действительно представляет собой знаки чинов и отличий. Биография вора воплощается в татуировках. Функционально это — паспорт, досье, орденские книжки, грамоты и эпитафии. Соответственно, человек без татуировок в лагерном мире — человек без социального статуса, а это в строго организованном иерархическом обществе самое страшное.

А. Ю. Плутцер-Сарно рассматривает тело татуированного вора как целостный и сложнейшим образом организованный речевой акт. Тату — средства общественно-политической коммуникации, социальной самоидентификации, общественной рефлексии, коллективной

памяти. Неслучайны названия татуировок на жаргоне — «реклама», «регалка», «расписка», «клеймо», «портачка». Тату задают стереотипы массового поведения и даже «ритуальные правила упорядочивания воровского мира», содержат «кодекс законов». Некоторые тексты, наносимые на тело, способны «структурировать будущее», в них заложена «программа поведения». Иногда в них заметен ритуально-магический смысл, тогда они выступают в роли оберегов.

Скорее всего, подсознательное отношение к татуировке как священному тексту приводит к суровым карам в отношении лиц, носящих татуировку, которую они не заслужили. Вопрос «За наколки отвечаешь?» имеет жизненно важный смысл, т. к. в местах заключения человека, присвоившего наколки вора в законе, убивают. Об этом пишет Плутцер-Сарно, ссылаясь на авторитетное мнение Д. С. Балдаева (1997). Этот же факт отмечают криминалисты Дубягина, Дубягин и Смирнов (2003). Татуировка может восприниматься как молитва. Если тело — храм, то надпись на нем наиболее значима.

Плутцер-Сарно подметил еще один важный момент: краска для нанесения тату (на блатном жаргоне мазута) приравнивается к высшим материальным ценностям зоны, поскольку она составляется из наиболее ценимых в этих местах продуктов питания — чая, жира и повидла. Возможно, здесь на подсознательном уровне вновь проявляет себя «сакральное» отношение к этому действию, характерное еще для первобытности.

Как отмечает Е. С. Ефимова (2003), татуировки являются полноценной частью тюремного письменного фольклора. Она обращает внимание, что в татуировках используются те же аббревиатуры, что и в шифрованных тюремных письмах («ксивах» и «малявах»). Например, часто присутствуют сокращения ЛЕДИ, АНГЕЛ, СТОН, ЛОТ¹. Некоторые наколки изначально многозначны².

По мнению Е. С. Ефимовой, для воровской эстетики важно переживание жизни как игры. Вор всегда играет определенную роль, и его функции строго обозначены.

¹ ЛЕДИ — люблю, если даже изменишь. АНГЕЛ — а ненавижу глупо, если любишь. СТОН — слышишь, ты один мне нужен (одна мне нужна). ЛОТ — люблю одного тебя (наколки и аббревиатуры из переписки в женской колонии по Е. С. Ефимовой).

² СЛОТ — с малых лет одни несчастья; Смерть легавым, они не спасутся (по Дубягиной, Дубягину, Смирнову, 2003, с. 66).

Именно этот «игровой» момент, по-видимому, сближает некоторые аспекты поведения в тюремном мире с традициями карнавальской культуры (для нее, как мы знаем, характерны манипуляции с телом и демонстративное стремление «украшать» его).

Карнавальная культура, как известно, тесно связана с образом смерти. И надо сказать, что в этике преступного мира данная тема проявляется вполне архетипически. По мнению исследователей, устремленность к смерти и отсутствие страха перед ней – основополагающий принцип воровского восприятия мира. Ведь сама тюрьма иносказательно именуется могилой. Поэтому, наверное, череп-татуировка означает принадлежность к авторитетам (по Д. С. Балдаеву). К этому же семантическому ряду принадлежат крест, топор, коса и змея. Нанесение инициационных тату малолетним преступникам при достижении совершеннолетия объясняется как «двойная символическая смерть» (по Плутцеру-Сарно). Это переход из мира малолеток в мир взрослых и переход из мира воли в мир тюрьмы («могилы»).

Еще один аспект, связанный с идеей смерти, на который обращает внимание Плутцер-Сарно — это фигура «кольщика» татуировок. В тюрьме это своеобразный «жрец», выполняющий фактически роль палача. Автор рассматривает татуирование как превращение тела в символический труп, что соотносится с пыткой и казнью. В этом контексте это способ «заставить тело говорить правду», поэтому она и наносится часто против воли и с особой жестокостью.

Мы не будем рассматривать подробно сюжеты воровских татуировок, но им посвящены обстоятельные, прекрасно иллюстрированные издания (например, Дубягина, Дубягин, Смирнов, 2003 или Lambert, 2003). И все-таки, отметим самые статусные символы, входящие в тату вора. Это тигр, лев, барс, пантера, волк, оборотень, дьявол, ворон, орел, летучая мышь, кот, звезда, корона, пиковая и трефовая масть, меч, череп и скелет (по Плутцеру-Сарно). Как видно, на первом месте представители семейства кошачьих, что вновь напоминает нам традиции скифских племен или даже геральдический bestiary.

Татуировка у якудза

По словам российского востоковеда А. Н. Мещерякова (2004), заходя в современную японскую баню, натыкаешься на предупреждение: «Лицам с татуировкой вход воспрещен». Таким способом владельцы общественных заведений закрывают дорогу перед представи-

телями местного преступного мира — якудза. (Рис. 5.3)

Вспомним, как в романе «Алмазная колесница» потомственный якудза Танука (впоследствии верный сподвижник Эраста Петровича Фандорина Маса), еще не заслуживший почетных знаков на тело, мечтает: «Вот бы на плечо татуировку в виде змеи. Пускай не в три кольца, как у Обакэ, и не в пять, как у Гондзы — хотя бы в одно-единственное... Ничего, если он исправно выполнит

то, что поручено, Гондза обещал не только огненно-красную змею на правом плече, но еще и по хризантеме на коленки!» (Рис. 5.4)

Танука представлял, как сделает большую и почтенную карьеру в банде, пройдя путь ученика, бойца, маленького командира вакасю, большого командира вакагасира, а потом, если доживет, станет самым оябуном.

Мы не ошибемся, если предположим, что каждой ступени в этой достойной карьере японского мафиози соответствует новая, все более сложная татуировка.

Как и в случае с европейскими традициями, первоначально татуировка среди японских преступников служила наказанием. Вероятно, как и многое другое, обычай клеймить или, скорее, татуировать преступника пришел в Японию из Китая.

По сообщению письменного источника VIII века, одному из заговорщиков, покушавшемуся свергнуть законную власть, была нанесена татуировка в области глаз. Возможно, такой способ казни тогда не прижился, поскольку следующие упоминания о нанесении неизгладимых знаков на тело преступника встречаются только в XVII веке. Локализация насильственных татуировок очень напоминает ту, что наносилась в аналогичных случаях древними греками и римлянами: изображение собаки на лбу, там же иероглиф «аку» — злодей. Кроме того, круг на левом плече; двойная линия вокруг бицепсов левой руки, причем за каждое новое преступление добавлялось по линии (вот откуда кольца змеи, о которой мечтал будущий Маса). Татуировка ис-

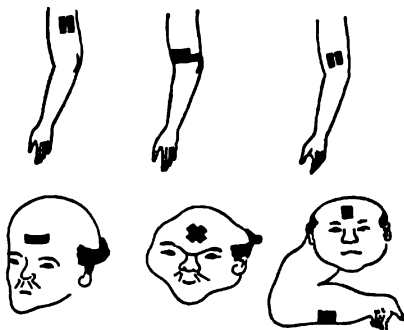

Рис. 5.3. Метки, наносившиеся на тело преступникам в разных частях Японии (по Мещерякову).

Рис. 5.4. «Мечта Масы». В графической работе художника Утагава Кунисада (1856) изображен театральный актер в роли благородного разбойника. Его левая рука, сжимающая нож, трижды «обвита» кольцами змеи или дракона, обнимающей вытатуированный меч (по Takahiro Kitamura, 2003, p. 66).

пользовалась как текст, по которому можно было судить о количестве и характере совершенных правонарушений.

Учитывая строго регламентированную, цеховую организацию феодального японского общества, неудивительно, что символы казни довольно скоро стали наноситься самими якудза как знак принадлежности «профессии». В иерархическом и изолированном сообществе японских мафиози в результате инверсии первоначального смысла, связанного с наказанием, возобладала «варварская» традиция ирэдзуми. Этот процесс можно с полным правом уподобить тому, что произошел в России XIX века, когда клеймение каторжников сменилось добровольным нанесением тайных знаков членами воровской общины.

Роль изоляции в активизации мифологического мышления

Мы познакомились с некоторыми вполне современными карцерными группами, в которых устойчиво сохранялся обычай татуировки и в то время, когда мода на подобные украшения тела еще не пришла к широким слоям населения. О каждой из этих групп можно сказать, что она обладает собственной субкультурой, выражающейся в определенной системе понятий, в традициях, не всегда очевидных для посторонних. Общую черту подобных объединений мы выделили в начале главы: все эти люди вынуждены долгое время находиться в изоляции от общества, и еще, — большинство из них мужчины. И, как мы теперь сумели убедиться, говоря о самой карцерной из указанных групп, разные исследователи усматривают в их поведении изменения, связанные с ритуализацией, сакрализацией и карнавализацией некоторых действий.

Понятия ритуала, священного и карнавальная культуры прямоком отсылают нас к сознанию архаического человека. Поэтому, прежде всего нужно разобраться, в каких случаях прибегали к изоляции люди первобытного общества и какими атрибутами эта изоляция сопровождалась.

Широко известно, что уединение и заточение используется в некоторых религиозных практиках для достижения особого состояния сознания. Например, тибетские монахи достигают наивысшего просветления после длительного уединения в темноте, где они отрешаются от всех воздействий внешнего мира. Можно без натяжек

предположить, что этот обряд достигает главной цели — активизации мифологического мышления.

Но какова историческая основа такой традиции?

Нам поможет достичь ответа на этот вопрос гениальная работа В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Заслуга выдающегося отечественного филолога состоит в том, что он сумел вычленил из огромного массива фольклорных данных основные структуры, восходящие к первобытному мифу; он создал своего рода книгу книг, читая которую можно понять образы-архетипы, по определению Карла Юнга, являющие собой коллективное бессознательное, присущее нам всем без исключения.

Итак, В. Я. Пропп (2002, с. 24—25) специально выделяет в фольклоре мотив изоляции, причем эта изоляция как заточение, но распространяется обычай на царскую семью. Я не могу отказать себе в удовольствии подробно привести цитаты из русских народных сказок, тщательно отобранных Владимиром Яковлевичем для иллюстрации некоторых крайне важных исторических реконструкций.

«Велел он построить высокий столб, посадил на него Ивана-царевича и Василису Прекрасную и провизии им поклат туда на пять лет».

«Король берег их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило».

Царские дети сидят в настоящем карцере, избегая солнечного света, в полной темноте, «темнице»: «Испостроили ей темничу». «Только папаша с мамашей не велели (своим двум сыновьям) не показывать никакого света семь лет». «И приказал царь в земле выстроить комнаты, чтоб она там жила день и ночь все с огнем, и чтоб мужского пола не видала».

По Проппу, с запретом света связан и ритуальный запрет видеть кого-либо: заключенные не только не могут никого видеть, но и взгляды на их лицо под запретом. Отголоски традиции видны в выразительной цитате: «У одного там короля есь красавица-хозяйка, портрет бы с ей снять, а она все в маски ходит»¹.

¹ Вот откуда происходит леденящая душу Железная Маска! Если на лице заключенного маска, значит, он точно благородного происхождения, например, брат короля. Закрывание лица как главного канала общения в таком контексте служит не столько преобразению сущности человека (определение маски, данное этнографом А. Д. Авдеевым), сколько средством изоляции от общества.

Тех, кто рисковал взглянуть на заключенных (термин Проппа) или даже упомянуть их, ожидали крупные неприятности магического свойства. В вятской сказке: «Жила она в подвале. Кто поглядит из муськова полку (т. е. мужчин), из молодых, то здорово болел народ». «А он в темнице... Про него не след и говорить: тебя ведь заберут!»

Еще один замечательный фрагмент русской сказки о пребывании героя в ином царстве, отобранный Проппом. В нем, помимо ритуальных запретов, хорошо прослеживается мысль полной оторванности элиты от общества (вспоминается ленинское «страшно далеки они от народа»):

— Что же у вас, господин хозяин, местность экая у вас широкая, — и башня к чему эка выстроена, не одного окна и некакого света нет, к чему она эка?

— Ах, друг мой, в этой башне застата царская дочь. Она, говорит, как принесена, родилась, да и не показывают ей никакого свету. Как кухарка ли, нянька принесет ей кушанье, только сунут ей там, и не заходят внутрь. Так она там и живет, ничего вовсе не знат, какой народ есь.

— Неужели, господин хозяин, люди не знают, кака она, хороша ли, чиста ли, нечиста?

— А господь ее знает, хороша ли, нехороша ли, чиста ли, нечиста ли. Кака она есь, не знают люди и она не знает, какие есть люди.

Как видно, жизнь потомков архаического царя трудно назвать легкой. Вдобавок ко всему, их ограничивают в пище: «оставили окосечко, штоб ей подавать по стаканчику водицы да по кусочку сухарика из суток в сутки».

По словам В. Я. Проппа, в фольклорной традиции сохранились все виды запретов, некогда окружавшие царскую семью: не допускалось общение с другими людьми, свет, взгляд, определенная пища, соприкосновение с землей.

Это сказка, скажет недоверчивый читатель. Но, как мы уже говорили в главе 2, античный писатель Николай Дамасский упоминал о таких же традициях, принятых по отношению к элите в западно-кавказском племени моссиников (они же — любители татуировки). Законченные скептики могут обратиться к «Золотой ветви» Дж. Фрэзера, в которой собраны многочисленные примеры изоляции царей в Японии, Китае, Африке, Мексике, Ирландии... Конечно, заточение царя или вождя и его детей в таком контексте — это не наказание, а испытание, которое они должны проходить, чтобы подтвердить свой высо-

кий статус и для блага общества. Но формально описываемые ограничения иногда очень жестоки и мало чем отличаются от наказания. В мифологическом мышлении может родиться только одно объяснение: правитель — фигура ритуальная, его связь с богами особенно тесна. Фактически он медиум, от которого зависит благополучие его подчиненных, живущих, в отличие от него, свободной жизнью. Поэтому, во-первых, нужно его сохранить и уберечь (этого толкования придерживался Пропп), во-вторых, чтобы связь с миром потустороннего или предков была крепкой, не прерывалась, надо чем-то пожертвовать. Отсюда система запретов. Она создает атмосферу посвящения, а при любом посвящении неопит ритуально путешествует в мир смерти. То есть идея заключения отчетливо сопрягается в этих сюжетах с идеей пребывания в загробном мире.

Такова первая неожиданная историческая реплика на тему «тюрьма как могила».

Теперь обратимся к другим фольклорным сюжетам, в которых можно усмотреть мотив изоляции.

Один из центральных структурных компонентов эпоса, мифа или, позднее, сказки — удаление от дома и путешествие главного героя. Странствие главного персонажа всегда ритуальное. Герой снаряжается в дорогу, запасаясь волшебными предметами, без которых ему не достичь пункта назначения, отбирая себе попутчиков, тоже непростого свойства.

Из волшебных предметов Пропп выделил важнейшую триаду: посох, хлеб и крепкую обувь. Мало того, опираясь на работы современных ему этнографов, историков и археологов, он сделал вывод — это именно те атрибуты, которые сопровождают усопшего в погребальных обрядах многих народов мира. Так В. Я. Пропп определил направление путешествия — царство мёртвых. Здесь же впервые возник образ одного из средств, помогающих достичь цели. «Если мертвецу придется переплывать водное пространство для достижения мира теней, ему положат в могилу ладью» (Харузин, цит. по Пропп, 2002, с. 34).

Здесь мы на некоторое время остановимся, поскольку возникает тема водной преграды, разделяющей мир живых и царство мертвых предков¹. Стихия большой воды, в принципе, противоречит биоло-

¹ Можно вспомнить многочисленные ранние и относительно поздние реминисценции на эту тему: путешествие Одиссея между Сциллой и Харибдой, кельтский остров Авалон или уже упоминавшегося нами в другом контексте Левиафана.

гической природе человека. Ключевые этапы формирования нашего вида, по-видимому, связаны с расселением в достаточно засушливых, холмистых, иногда просто предгорных ландшафтах. Но, мигрируя по миру в поисках лучшей жизни, наши предки были вынуждены неоднократно пересекать моря и океаны.

Мифы и сказки помогают нам понять психологические аспекты таких странствий.

Погруженные на корабль или плот («волшебное» плавучее средство), люди отдавали себя на волю чужеродной стихии, готовясь встретиться с миром прародителей. Плавание для такого сухопутного существа, каким является человек, не может не носить характера испытания. А испытание, как мы, кажется, уже неоднократно убеждались, вызывает целый комплекс ритуальных посвященных действий.

Вспомним свидетельство ибн Фадлана, встретившего русов, покрытых татуировками. Русы (варяги, норманны) — властители морей средневековой Европы. Их суда, бороздящие северные водные пространства, были украшены резными деревянными фигурами, которым перед походами приносили жертвы. Драккар, увенчанный в носовой части головой дракона, что это, как не волшебное плавучее средство?

Эпос скандинавских народов — еще одно свидетельство того, что сознание норманнов было сильно мифологизировано. Поэтому присутствие татуировок у членов команды корабля русов — абсолютно закономерное явление. А ведь варяги были не только торговцами, но и воинами и, при случае, морскими разбойниками... (К теме разбойников мы обратимся чуть позже.)

Но вернемся на сушу и поговорим о длительных сухопутных путешествиях¹. Здесь мы встречаем категорию лиц, которая как-то выпала из нашего предшествующего рассмотрения. Это пилигримы средневековой Европы, паломники, путешествующие в Святую Землю для соприкосновения с высшими духовными ценностями. Казалось бы, они-то какое отношение имеют к карцерным группам? Ведь они свободно перемещались, причем не в замкнутом пространстве, как моряки, а постоянно меняя средства передвижения, но, главным образом, пешком. Что их объединяло — по-видимому, именно то, что условно изолировало их от внешнего мира: религиозная идея и

¹ Нельзя не вспомнить парадоксальное высказывание Клода Леви-Стросса: «Я ненавижу путешествия и путешественников» (1999, с. 7).

идея путешествия как такового. Вообще, как ни парадоксально, любое путешествие семантически сродни изоляции, поскольку отрывает человека от «корней», от привычной социальной среды. Странствие по дорогам средневековой Европы было делом небезопасным, паломники сбивались в группы, способные не только защитить себя, но и противопоставить окружающему миру. Путь паломника предполагал психологическую изоляцию от близких и друзей, оставшихся на родине. Любопытен атрибут пилигрима — татуировка с христианской символикой¹, хотя, как мы знаем, поздняя христианская Церковь стигм не одобряла. В нашем сознании присутствует еще один неизменный атрибут пилигрима — это посох, еще один «волшебный предмет», выделяемый Проппом².

Говоря о перемещениях в пространстве, мы не можем оставить без внимания целую группу народов древности, объединенных кочевым и полукочевым образом жизни. Речь идет о степных народах Ев-

¹ Пилигримы татуировались в Иерусалиме, возвращаясь домой со знаками, подтверждавшими пройденный путь и ревностное служение Богу. Иерусалимские татуировки сохраняют распространение даже в XV—XVII столетиях. Английский очевидец Джордж Сэндис записал: «Они помечают плечи пилигримов именами Иисуса, Марии, Иерусалима, Вифлеема, наносят иерусалимский крест и разные другие знаки» (Fleming, 2000, p. 79).

² Если говорить о сухопутных путешествиях, я не могу удержаться и не вспомнить одно из наиболее впечатляющих литературных произведений XX века, оказавшее огромное влияние на читательскую аудиторию задолго до появления одноименного фильма. Речь идет о «Властелине колец», насквозь пронизанном архетипами. Казалось бы, при чем здесь татуировки или какие-то неизгладимые знаки? Но попробуем взглянуть на эпос Средиземья с этой точки зрения.

Мужская компания, спутники, наделенные необычными свойствами, сопровождают главного героя Фродо в Мордор — самый настоящий ад, воплощение смерти. По мере продвижения к цели в душе героя происходят серьезные психологические изменения, нарастает чувство одиночества, обособленности, т. е. возникает изоляция от внешнего мира, даже от друзей, которых герой стремится защитить, и от родины — Хоббитона. То, что это происходит под действием кольца всевластья, не должно нас смущать, главное, что само состояние присутствует. И, наконец, что случается в момент кульминации, когда Фродо проходит последнее испытание над кипящим жерлом вулкана Ородруин? Горлум в смертельной схватке за кольцо откусывает у Фродо палец, оставляя у хоббита типичный неизгладимый знак — неизбежный в обществе, где царит архаическое, мифологизированное мышление. Фродо, таким образом, возвращается из царства смерти обладателем стигмы. (К этой же категории, кстати, относится рана от волшебного меча, полученная им в битве при Заверти.) Мне не известно, планировал ли подобный эффект Дж. Р. Толкиен или руководствовался интуицией, но он попал в самую точку, воссоздав слепок первобытного мифа.

разии, скотоводах, охотниках и воинах, чья стратегия существования, тип хозяйства и особенности культуры диктовали потребность преодолевать большие расстояния.

К этой категории населения относятся алтайские скифы, сплошь покрытые татуировкой. К ней же принадлежат много позже тюркоязычные и угорские народы, принявшие участие в Великом переселении на запад и несшие, как известно по данным палеоантропологии, странные шрамы на лбу. Начиная с эпохи поздней бронзы, то есть примерно со II тысячелетия до н. э., главный спутник и средство перемещения для евразийских степняков — это конь. Сперва на повозках и колесницах, позже и верхом жители Евразии приобретают способность быстро преодолевать пространство.

Неудивительно, что, возникшая в фольклорной традиции, конь попадает в категорию волшебных помощников. Как доказал В. Я. Пропп (2002, с.141—145), образ коня частично заменил и вытеснил образ другого мифического животного — орла, у многих традиционных народов считавшегося медиатором между мирами живых и мертвых, между небом и землей и т. п. В фольклоре конь может стать крылатым и принять мифические функции птицы. В индоевропейской традиции конь не просто ездовое животное, часто сопровождавшее своего хозяина в загробный мир, это символ самого умершего, вступающего в мир духов. Кроме того, это существо огненной природы, в ведическом эпосе и в русских сказках он добывается из огнива. Иногда у него «во лбу ясный месяц, а по бокам звезды» (Пропп, 2002, с. 151)¹. Иногда сверхъестественный четвероногий помощник способствует приобретению героем аналогичной метки на лбу.

Этот сюжет В. Я. Пропп выделил в отдельный раздел своей работы, озаглавленный «Печать царевны». В сказках, относящихся к этому кругу, проходящая этап заключения в башне царевна клеймит (в буквальном смысле) героя, который приходит ее освободить и на ней жениться.

Герой достигает окна царевны верхом на Сивке-Бурке, «поцеловал царевну Неоцененную Красоту, а она ему прямо в лоб клеймо и прило-

¹ В «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина Царевна-Лебедь описывается в сочетании с очень важным эпитетом: «Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит». В своих научных работах я неоднократно пыталась показать, что этот образ, очевидно, навеянный Пушкину знакомством с фольклорной традицией, может иметь отношение к реальным обычаям ритуальной скарификации у древних народов (Медникова, 2001, 2003).

жила». «Она его золотым перстнем ударила в лоб». «А она его пальцем в лоб ударила. Загорелся на лбу свет» (цит. по Пропп, 2002, с. 259).

В иных случаях мы наблюдаем откровенное членовредительство со стороны заключенной царевны. «У Марфы-царевны был ножичек перочинный, она им и резанула по щеке Ивана-царевича». Впрочем, как вскоре выясняется, только по этому рубцу героя и можно узнать. «Вот, батюшка, кто меня избавил от змиев, я не знала, кто он, а теперь узнала по рубцу на щеке» (цит. по Пропп, 2002, с. 259). Налицо явные посвященные обряды и испытания героев. Девушка проходит свое испытание, ее жених — свое. Мотив клеймения, рубцевания и нанесения татуировки — классический атрибут обряда перехода. Но для нас важно, что именно в одной из сказок этого цикла возникают образы, позволяющие семантически уравнивать тотальную несвободу (заточение в башне) и свободный полет между мирами (скачка на коне). Последствия заключения и путешествия для героев, по-видимому, одинаковы — татуировка и рубцы.

Еще один универсальный образ мирового фольклора, рассматриваемый В. Я. Проппом, место, куда отправляются герои, чтобы пройти обряд инициации, — таинственный лес. Для нас сейчас важна его функция как задерживающей преграды. «Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, задерживающая пришельцев... Материалы показывают, что лес окружает иное царство, что дорога в иной мир ведет через лес» (Пропп, 2002, с. 40—41). В сказке, как правило, в лес уводят детей, причем еще до окончательного наступления половой зрелости. По Проппу, увод детей в лес всегда враждебный акт, что означает утрату первоначального позитивного смысла посвящения в фольклорной традиции. Тем не менее, «как бы его со свету сжить» — постоянная мысль заботливых членов семьи по достижении ребенком определенного возраста. Что же его ожидает? Вновь изоляция, причем на сей раз в лесу и в окружении сверстников. По этнографическим данным, в этот момент происходит нанесение на тело неизгладимых знаков.

Не избегает подробного изучения этого вопроса в фольклорном материале и В. Я. Пропп (напр., 2002, с. 68—69). Баба-яга Усынюшку «била, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела все дочиста и уехала». «Вдруг едет старый дед, в ступе толкачом подпирается... За него берется, крючком да в ступу — толк-толк! Снял у него со спины полосу до самых плечей, взял поволоку натер да под пол бросил...»

В сказках часто возникает мотив отрубленного пальца. В роли экзекутора выступает персонаж, охраняющий врата в царство мертвых (яга, циклоп Полифем, Лихо Одноглазое, разбойники). В роли жертвы — мальчики, девушки, а также живущие в лесу женихи-разбойники.

«Сладили дело, пировать пир сели. У жениха рук-то нет, он и надел перчатки черныя, а в них набил песку» (цит. по Пропп, 2002, с. 71). Дело не только в рубце как в знаке пройденного посвящения. В фольклоре палец и рука воплощали всего человека целиком. Это может пролить свет на обычай палеолитических охотников изображать или отпечатывать ладони рук (некоторые с ампутированными пальцами) на стенах пещер (см. гл. 3).

Как убедительно доказывает Пропп, разрубание, по представлениям древних, необходимый религиозный акт, создающий нового человека. Так же считает М. Элиаде (2002, с. 184, 237): «Превращение тела в скелет, сопровождаемое рождением новой плоти и крови — специфическая для охотничьей культуры тема посвящения... Животные и люди возрождаются, начиная с кости; некоторое время они пребывают в плотском существовании, и, когда они умирают, их “жизнь” концентрируется в скелете, на основе которого они вновь возрождаются».

Итак, в запертном, закрытом от всех, фактически отгороженном от мира таинственном лесу, который ассоциируется с царством мертвых, происходят жестокие посвятельные обряды.

Теперь мы переходим к последней категории сказочных персонажей, которая должна особенно интересовать нас в этой главе — братьям-разбойникам.

Судя по жестоким подробностям, эти разбойники действительно способны на тяжкие преступления¹. Они грабят и убивают, иногда не гнушаются людоедством. Их извиняет только одно: эти действия ритуальны в своей основе. Поэтому убитые, разрубленные и даже съеденные жертвы возрождаются к жизни с набором новых, волшебных качеств, например, с умением понимать язык птиц или превращаться в животных.

Откуда в лесу разбойники? Дело в том, что традиционным обществом допускаются три стадии обряда посвящения. После первой посвящаемый, излечиваясь от ран, возвращается домой и женится. Во

¹ Трудно представить, но к поздним версиям сказок этой категории относятся безобидные гномы со своей Белоснежкой.

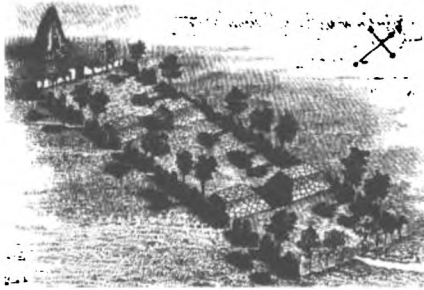

Рис. 5.5. Помещение тайного союза мужчин, называемое панга, на островах Фиджи (по Шурцу).

время второй он остается жить в лесу на месяцы или годы. И третья, высшая стадия: из лесной избушки посвященный переходит жить в мужской дом.

Мужской дом в сказочном изложении и по данным этнографии — это самый настоящий острог, только снабженный магическими степенями защиты. «Кругом тот дворец обнесен высокою железною оградой:

ни войти во двор, ни захватить добрым молодцам». «А кругом невысокая ограда поставлена — не пробраться туда ни пешему, ни конному». «Кругом дворца стоит частокол высокий на целые десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто». Но функция ограды совсем другая по сравнению с тюрьмой — не запереть посвящаемых, а защитить запретное место от взглядов посторонних (исторически там могли храниться святыни целого племени). Кроме того, в сказке дом может охраняться змеями и львами, наиболее высокоранговыми животными в мифологической классификации архаического человека. (Рис. 5.5)

Дом обязательно разделен на помещения. «В этом доме никого нет, походил по комнатам...» (цит. по Пропп, 2002, с. 93). Еда здесь поделена на доли, и эти доли равны. Объясняется все просто: живущие в доме — братья или, в терминах социальной антропологии, члены одной родовой общины. В то же время организация структурирована: братья выбирают старшего. Всего их может быть до 30 человек.

Днем дом пустует неслучайно. Юноши сообщая отправляются на охоту и возвращаются ближе к ночи.

Охота — традиционно занятие престижное, высокостатусное. (Рис. 5.6) Она сыграла колоссальную роль в становлении нашего вида, обеспечив наших предков белками животного происхождения, необходимыми для обеспечения высокоинтеллектуальной деятельности. В связи с охотой некогда развились способы коммуникации, сперва в виде языка жестов, потом в форме членораздельной речи. Кроме того, именно от выслеживания и добывания животных первобытными мужчинами производят некоторые ученые такую уникальную и специфическую форму деятельности человека, как театральное искусство. «...Самой ранней формой преобразования человека в иное существо яв-

ляется... охотничья маскировка... На основе глубокого и тщательно-го изучения повадок промыслового животного (а наблюдательность первобытного охотника поистине поразительна), человек развивает и совершенствует свои имитационные способности, стремясь как можно точнее передавать поведение того или иного животного. Маскировка и богатые имитационные возможности... послужили основой для возникновения так называемых охотничьих плясок... Эта последняя занимает существенное место в возникновении и развитии театрального искусства» (А. Д. Авдеев — цит. по Художественная культура..., с. 355—359). (Рис. 5.7)

В первобытном обществе от успеха охотников могла зависеть жизнь всего племени. В принципе, и сегодня тесная мужская компания на охоте ассоциируется с положительными эмоциями. Характерно, что во все эпохи охотой занималась элита (даже в Советском Союзе — престарелые члены Политбюро ЦК КПСС). Так что мы видим, что фольклорные братья из леса, по-видимому, занимают достаточно привилегированное положение.

Но у живущих уединенно в лесу молодых людей есть еще одно важное занятие кроме охоты — грабеж. «Разбой лесных братьев также имеет свою историческую давность. Новопосвященным часто предоставлялись права разбоя или по отношению к соседнему племени или, гораздо чаще, по отношению к своему собственному». «Мальчики уже не находятся под действием обычных правил и законов, но имеют право на эксцессы и насилия, в особенности воровство и вымогательство средств питания... новообрезанные могут в течение месяца красть и есть, что им вздумается. ...они бродят по селениям и воруют домашнюю птицу... Они могут присвоить себе всякий предмет, принадлежащий непосвященному» (Schurtz — цит. по Пропп, 2002, с. 96—97).

Рис. 5.6. Король Англии Карл I на охоте. Фрагмент портрета кисти Ван Дейка (ок.1635 г.). Лувр, Франция.

Рис. 5.7. «Медвежья пляска» индейских охотников сну. Середина XIX века.

Известный французский ученый Ж. Дюмезиль предполагал изначальную ритуальную функцию стоящих вне закона людей, а итальянский историк Ф. Кардини вообще считает, что такая группа предназначалась для защиты родовой общины от опасности¹. В относительно недавней европейской истории была категория воинов, которым приписывали неуязвимость, свирепость, бесстыдство, отсутствие общепринятых нравственных норм. Это были берсерки и ульфхеднары, психологически превращавшиеся в момент битвы в медведей и волков. На определенном этапе исторического развития в таких надзаконных персонажах, способных на «упоение в бою», воплотилась сакральная сущность воинской касты. (Рис. 5.7)

¹ До сих пор мы обсуждали роль изоляции в обрядах инициации, принятые в архаических обществах. Примечательный пример дает нам в этом смысле Древняя Греция, от которой европейский мир унаследовал, в целом, негативное отношение к татуировкам. Вступление в зрелость и посвящение в когарту воинов тоже сопровождалось в греческих полисах временной изоляцией, например, в отношении афинских эфетов или участников спартанских криптий. Но из манипуляций с телом известна только афинская процедура *koureion* — острижение и приношение волос (см. подробнее — Видаль-Накэ, 2001).

В. Я. Пропп не видел принципиальной разницы между сказочными лесными разбойниками и уголовниками недавнего прошлого. В одном из поздних повествований герой просится в шайку: «Если вы не верите, глядите — на моих руках: вот у меня и клеимы есть» (то есть татуировки, знак посвящения).

Помимо «клеим», формальные признаки «большого мужского дома» действительно сближают его с тюрьмой (комнаты — камеры, еда — пайка, стража у ворот, обитатели дома — грабители).

Но все-таки мне представляется важным подчеркнуть современное отличие от традиционных разбойников. Те связаны родством, они — продукт мифологического сознания и родовой общины. Лесные братья вернутся из изоляции и будут ей служить, но пар (их подростковая и юношеская агрессивность) будет выпущен. Родовая община понимает их изоляцию как необходимость, она по-своему оберегает заключенных в таинственном лесу. Если говорить о современных заключенных, то здесь полная инверсия: таким способом общество оберегается от них. То, что знак престижа в традиционном обществе, отторгается обществом цивилизованным.

Еще одно коренное отличие: современные карцерные группы в большинстве своем — набор случайных людей. Они не опираются на передаваемую из поколения в поколение систему мифологических ценностей. И если здесь возникают аналогичные нормы поведения с архаическим обществом, значит, речь идет о каких-то глубинных, общечеловеческих механизмах организации иерархии.

Признанный авторитет в области изучения истории татуировок Альфред Джелл назвал татуировку моряков и преступников «стигмой класса других». Формально это так, но с учетом вышеизложенного, кажется, правильнее говорить об универсалиях, а не подчеркивать инакость.

Возможно, любая долговременная изоляция, неважно физическая или психологическая, запускает в нашем мозгу механизм мифологического мышления. Одним из признаков запуска подобного механизма, очевидно, является татуировка. Всегда ли нанесение неизгладимых ритуальных знаков должно сопровождаться изоляцией и уединением? В традиционном обществе, похоже, что да. Корреляция эта, по-видимому, столь сильна, что может в обратном порядке продуцировать сходные формы поведения в современных карцерных группах, давно утративших органическую связь с первобытной традицией.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ТРАДИЦИЯ. НАЗАД К ИСТОКАМ?

Суть эпохи — глобализация. Одиночество в большом городе. Постфольклор как средство общения. Эклектика побеждает... Экстремалы. Самобичеватели в исторической ретроспективе. Единственная альтернатива. Этнические мотивы. Да здравствуют кельты и японцы! Возрождение архетипа. Элитарные развлечения. Современные опасности.

Нам простительно подражать тем, кого природа наделила щедрее, чем нас в этом отношении, украшая себя их красотой, прятаться под тем, что мы отняли у них, и одеваться в шерсть, перья, меха и шелка.

Мишель де Монтень

Суть эпохи — глобализация

Значительная часть населения нашей планеты живет сегодня в условиях индустриального или даже постиндустриального общества. К каким изменениям в мироощущении это привело?

Нас уже не удивляют успехи в области пересадки органов (трансплантологии), в генной инженерии, операции по перемене пола, зачатие в пробирке, клонирование млекопитающих, радикальная косметическая хирургия или фармакология.

Мы живем в обществе постмодернизма. Как будто тасуя картонную колоду, мы перемешиваем слои прошлых знаний, неожиданно и часто случайно извлекая давно забытый опыт. Современные люди достаточно самоуверенны. Создается впечатление, что с помощью вы-

соких технологий человечество приобрело инструмент для изменения своей сущности и, прежде всего, своей брэнной оболочки.

По словам социолога Майкла Фезерстоуна, для западной цивилизации характерны мобильность, движение и преодоление границ. Эта подвижность опирается на культурный релятивизм Запада, слишком долго воспринимавшего лишь классические, то есть античные каноны красоты и теперь стремящегося испытать что-то новое.

Характерная черта эпохи — небывалое увеличение численности землян и появление мегаполисов, диктующих культурные стереотипы остальному миру. Благодаря развитию информационных технологий появился термин «глобальное давление». Не секрет, что постоянное проживание среди большого количества себе подобных — большой стресс, имеющий далеко идущие физиологические и психологические последствия. В зависимости от индивидуальных особенностей представители городской культуры XXI века по-разному реагируют на вызовы времени. Неожиданно оказались востребованными, казалось бы, давно забытые явления, ранее прочно обосновавшиеся на обочине современной цивилизации. Безусловно, возрождение интереса к мистике, нетрадиционным культам — попытки найти защиту от избыточного информационного давления среды, замедлить агрессивный темп жизни. К тому же большие группы людей легко превращаются в толпу, суммарный интеллект которой значительно ниже индивидуального. Не случайно в толпе легко распространяется феномен измененного сознания.

Одиночество в большом городе. Постфольклор как средство общения

Мегаполис предстает перед новичком как воплощение первозданного Хаоса. Всего слишком много, все слишком быстро. Чересчур много людей, одно только их скопление заставляет подсознательно искать проявления конкуренции и агрессии. Нигде человек не бывает так одинок, как в условиях большого города. И он ищет людей, близких себе по духу и системе ценностей.

Современная городская цивилизация породила такое явление, как «постфольклор», возникающее параллельно официально санкционированной, «элитарной» культуре и традиционно-фольклорной традиции патриархального села. И вот объединяются для общения

любители японских фильмов в стиле «анимэ», сражаются на мечах толкиенисты или фанаты «Звездных войн».

По словам отечественного исследователя этого феномена С. Ю. Неклюдова, постфольклор делится в соответствии с социальным, профессиональным, клановым и даже возрастным расслоением общества. Он включает такие разные проявления, как рукописные альбомы, тюремные поделки (четки, шахматы, платки), настенные граффити и татуировки, украшения и жесты, некоторые формы речи, «посвятительные» обряды уголовников, подростков, солдат-срочников, туристов, альпинистов и др.

В предыдущей главе мы говорили о «закрытых» традициях татуировок в группах, по разным причинам действительно изолированных от окружающего мира. В огромном пространстве городов, наполненных множеством жителей, формируется аналогичная ситуация. В поисках самоидентификации люди стремятся к объединению в ограниченные сообщества и добровольно обрекают себя на изоляцию. Важным элементом культурных кодов, присущих таким «добровольным беглецам от глобализации», становится иногда испытанное средство традиционного общества — татуировка.

Но границы любого закрытого коллектива неизбежно проницаемы. Поэтому не случайно мода на татуировки охватывает и немаргинальные слои населения.

Эклектика побеждает

Весьма популярными изданиями стали так называемые энциклопедии татуировки – своеобразные «словари символов» постиндустриальной эпохи. Анализ содержания этих энциклопедий может быть предметом отдельного исследования. Сюжеты современных татуировок, предлагаемых на выбор мастерами тату, эклектичны, в них перемешаны и западные, и восточные культурные традиции. Не будет преувеличением сказать, что на наших глазах вырабатывается новый, отсекающий лишнее, «квази-язык», в котором старые знаки, ранее имевшие ограниченное эпохой или локальное значение, приобретают универсальный и усредненный смысл. Можно также предположить, что путем «искусственного отбора» глобализации происходит вычленение наиболее ценных и общедоступных изобразительных символов, пусть это и происходит в рамках весьма специфической субкультуры.

Итальянский социолог Альберто Мелуччи ввел понятие «странствующих кодов», получающих распространение в информационную эпоху. Под «кодами» он понимает сопряженные понятия тела, идентичности, культурного и общественного начал. Существует широкий набор кодов, связанных с направлением боди-арта. Их рассматривают в первоначальных категориях идентичности, то есть в связи с этносом, полом, сексуальностью.

Широкое распространение татуировок, начиная с 90-х годов XX века, в немаргинальных слоях общества было бы невозможным, если бы это не отвечало неким глубинным потребностям. По-видимому, здесь не обходится без активизации области коллективного бессознательного, нашей общечеловеческой сущности, сопротивляющейся все возрастающему информационному шуму. Изнемогая от избытка информации, человечество прибегает к испытанным методам самоидентификации. Основа основ — собственное тело. Манипуляции с ним — ответ сложному миру вокруг. В терминологии французского мыслителя Мишеля Фуко они могут быть названы изобретениями, поскольку нарушают монотонность, заданность и банальность мира.

Некоторая часть урбанизированной молодежи сегодня парадоксально напоминает средневековых рыцарей, но только на месте герба — одежда, прическа, грим, татуировка, вместо индивидуального гимна — специально подобранная мелодия мобильного телефона.

Экстремалы

Остановимся подробнее на некоторых современных тенденциях в интерпретации человеческого тела. Здесь мы никак не можем обойтись без обращения к исследованиям американского социолога Виктории Питтс (Pitts, 2003), сделавшей достоянием научной общественности экстремальные методы обращения со своим телом, ставшие обычным делом для многих американцев. Исследовательница применила качественный интерпретационный метод анализа интервью и текстов. Она использовала так называемый «метод снежка», который не позволяет употребить статистический анализ из-за крайней разнородности исходных данных. Еще бы, люди, которых опрашивала Виктория, были слишком эксцентрическими личностями. Другой важный момент: Питтс не интервьюировала обычных подростков, она находила неординарных американцев постарше. Хотя среди опрошенных

Рис. 6.1. Виртуальная модификация лица Орлан.

было несколько двадцатилетних, самому старшему «объекту изучения» исполнилось 53 года.

Один из респондентов Виктории, двадцатилетний Эндрю, перенес сотни часов болезненных процедур татуирования, пирсинга, шрамирования, выжигания и «самооперирования». В его мировоззрении смешались взгляды постмодерниста и киберпанка. Для того чтобы до неузнаваемости изменить внешность, Эндрю использовал и высокотехнологичные приемы и способы, применявшиеся в обществах традиционной культуры (например, новозеландскими маори). Результаты этих экспериментов шокируют добропорядочных обывателей. Покрытый шрамами и

ропсью молодой человек испытывает значительные ограничения: не может посещать определенные магазины, вызывает подозрения у пограничников. Многие просто считают его сумасшедшим. Но, по словам Эндрю, «благодаря изменению своего тела, он смог контролировать такие вещи, которые раньше не мог». Киберпанки, подобные этому юноше, достигают эффекта, возможного раньше только в фантастических романах.

Другой экстремальный пример — французская художница Орлан, превратившая свое тело в объект творчества. Если честно, то силиконовые имплантаты, внедренные ею в область надбровья, вызывают у меня сложное впечатление, так же, как и необычная окраска кожи (Орлан показывали по российскому телевидению). (Рис. 6.1) Впрочем, Орлан так часто меняла облик за свою жизнь (а она не очень молода), что способна удивить еще раз, преобразившись до неузнаваемости. Ее самая известная акция называлась «Реинкарнация св. Орлан». Для того чтобы обрести новую внешность, она перенесла радикальные хирургические операции и совместила в своем лице лоб Моны Лизы и подбородок Венеры Боттичелли. Детали признанных эталонов женской красоты оказались настолько неконгруэнтны, что, разочаровав-

шись в идеале, художница стала экспериментировать, обращаясь к традициям деформации у доколумбовых индейцев, древних египтян и африканцев. По счастью, не для всех этих проектов Орлан ложилась на хирургический стол, иногда в презентациях участвовали ее изображения, обработанные в графических программах.

В. Питтс считает, что высокотехнологические телесные проекты этого мастера перформанса наполнены общественной связующей идеей и с позиций феминизма исправляют идеал женской красоты, распространенный в мужском изобразительном искусстве.

С начала 1990-х годов западные журналисты и социологи обратили свое внимание на явление, вскоре названное «Ренессансом татуировок». Имелось в виду не только увеличение числа людей с татуировками, но и приобщение к этой традиции новых социальных групп — представителей среднего класса и женщин. Вдобавок к татуировкам некоторые современные европейцы и американцы позаимствовали у традиционных народов скарификацию; клеймение раскаленным металлом; пирсинг (не только ушей, но и тела); подкожные имплантаты из металла и прочих материалов, выступающие из туловища объемными фигурами; аномальное растяжение мочки уха.

Публичные акции по изменению тела проводились в крупнейших культурных столицах мира — в Нью-Йорке, Сиэттле, Сан Франциско, Лондоне и Амстердаме. Конечно, среда для таких представлений была специфическая: садомазохистские клубы, альтернативные музыкальные фестивали, некоторые арт-галереи. Во время акций происходили вещи, чудовищные для обыденного европейского восприятия. Нанесение рубцов и клейм было еще самым безобидным занятием, но встречались и иголки, загнанные под кожу, и шары, прибитые к телу. Распространение получила и такая процедура, как «подвешивание», совершенно идентичная по форме обычаю некоторых индийских религиозных фанатиков, упомянутому мной в комментарии к четвертой главе.

По словам Виктории Питтс (Pitts, 2003), произошло осознанное заимствование ритуалов и эстетики у коренных народов Африки, Индии, Америки и Полинезии, которые тут же слились с техно-кожанолатексной субкультурой садомазохизма и фетишизмом. Позже добавились любители перформанса, панки¹, сексуально ориентированные

¹ Панки всегда интересовались этническим стилем, и их знаменитая прическа позаимствована у североамериканских индейцев, где она известна под названием «могавк».

Рис. 6.2а, б. Панки всегда интересовались этническим стилем

феминистки¹, спиритуалисты Новой Эпохи², любители западных татуировок и просто сумасшедшие. С этого момента специалисты стали обсуждать «культурную политику модификаций человеческого тела». (Рис. 6.2а, б)

Нельзя отрицать, что модификаторы взялись за дело всерьез. Так, киберпанки стали использовать достижения биомедицины и новых информационных технологий для внедрения подкожных имплантантов или для нанесения рубцов лазером. Создавались и создаются новые «стили тела». Расширение возможностей изменения тела сопровождалось ростом числа студий, общественным интересом к боди-арту, появлением специальных журналов, веб-сайтов, выставок и книг. За короткое время сформировалось новое общественное движение, направленное на изменение человеческого тела, данного от природы. Если не принимать во внимание неизбежные эротические и

¹ Это движение всесторонне исследует, каким ограничениям и насилию подвергается женское тело в патриархальном обществе, и предлагает свои рецепты обретения свободы.

² Спиритуалисты Новой Эпохи (New Age) тоже обсуждают угнетение тела западной патриархальной религиозной традицией. Кроме того, они не признают систему контроля и доминирования над телом со стороны западной медицины и обращаются к восточным практикам.

сексуальные аспекты таких действий, можно сказать, что в них воплотились некоторые идеи научной фантастики XX века о создании на основе живых организмов биомеханических существ. В современном общественном сознании татуировка — самая уважаемая из этих манипуляций.

Даже если оставить за рамками интерес к не-западным цивилизациям, гендерные и сексуальные взаимоотношения, феномен человеческого тела стал привлекать общественный интерес еще в восьмидесятые годы XX века. Объект социального контроля со стороны патриархального общества, медицины, религии — тело человека, стало рассматриваться как пространство для самовыражения, получения удовольствия, укрепления связей с другими людьми.

Публикация в 1985 году книги под названием «Современные примитивы» стала поворотным пунктом в распространении новых тенденций рассмотрения тела. В ней описывался и иллюстрировался опыт евроамериканца, взявшего имя Факир Мусафар. Факир и его последователи, бывшие до этого маргинальной группой, практиковавшей, на взгляд обывателя, экстремальные методы членовредительства, стали известны и популярны. По мнению В. Питтс, современный примитивизм преследует своей целью выражение солидарности с традиционной культурой и ностальгию по ней.

Вот как изложил свое кредо сам Мусафар: «Неважно, коренные ли мы американцы, возвращающиеся на свои пути, или городские аборигены, отвечающие некоему внутреннему универсальному архетипу, ясно одно: мы ниспровергли основы западной культуры относительно собственности и использования тела. Мы верили, что наше тело принадлежит нам, не отцу, матери или супругу; или государству или его монарху, правителю или диктатору; или общественным институтам военных, образовательных, воспитательных, исправительных или медицинских учреждений» (цит. по Pitts, 2003, p. 9). Как видно из этого эмоционального манифеста, человеческое тело рисуется объектом абсолютной свободы.

По-видимому, урбанизированным создателям этой идеологии представляется, что носители традиционных культур из-за их близости природе ведут естественный, гармоничный и ничем не регламентированный образ жизни. На самом деле, как мы знаем, жизнь «архаического человека» строжайшим образом регламентирована и подчиняется системе ритуальных запретов и испытаний, воплощенных, в том числе, в манипуляциях с телом. (Рис. 6.3)

Рис. 6.3 Жители современных городов стремятся вернуться к «естественному» и «ничем не регламентированному» образу жизни далеких предков.

Новые «модификаторы», напротив, стремились выразить протест против ценностей своего общества и избрали для этого путь внешнего заимствования практик обращения с телом. Была провозглашена цель продемонстрировать символический контроль над телом, испытывая и украшая его способами, запрещенными западной культурой. По словам Мусафара, «способ языка, выбранный для объяснения их поведения (самоповреждение) был отрицательной и до-юридической формой контроля».

В этом, на мой взгляд, еще одно отличие от архаического способа мышления, где на первое место выдвигается вовсе не контроль над телом, а воссоздание сакрального текста.

В определенном смысле мое мнение подкреплено словами авторитетного исследователя татуировок в Полинезии А. Джелла (Gell, 1993): в то время как в не-иерархических обществах знаки на теле отражают имманентную «самость» и внутреннее содержание, «проступающее» на коже, в обществах иерархических знаки и клейма выражают подавление обесцененного тела.

Современные сторонники практик обращения с телом, будучи продуктом американского происхождения и образования, не впитали с детства мифологию и сакральные ценности традиционного общества, поэтому, несмотря на проявляемый ими энтузиазм, их действия во многом бессмысленны, или, точнее, наполняются новым смыслом.

Такой новой мотивацией может стать вживление в человеческий организм микрочипов, превращающее индивидуума в биоробота. Сторонники этого высокотехнологичного направления так и называют себя киборгами.

Примечателен обобщенный портрет «нового манипулятора», как рисуют его американские социологи: это белокожий, часто гомосексуальный представитель среднего класса, образованный сторон-

ник идеологии «New Age» и «pro-sex», обладающий сформированными политическими пристрастиями.

Несколько лет назад на международном научном совещании, проходившем в стенах Бирмингемского университета и посвященном некоторым специфическим аспектам древнейшей хирургии, мне довелось познакомиться и пообщаться с эксцентричной английской аристократкой. Аманда Филдинг, леди Нейдпат в молодости, самостоятельно просверлила себе череп электродрелью и сняла об этом фильм, превратив происшедшее в художественную акцию. Можно порадоваться за нее, ведь, вскрыв голову в месте прохождения важнейших кровеносных сосудов головного мозга, она осталась жива. Хотя все нейрохирурги, смотревшие это документальное кино, были в ужасе и возмущении. Мотивация для столь рискованной операции так и осталась мне до конца непонятной. С одной стороны, это был вызывающий перформанс, с другой — якобы способ регуляции внутричерепного давления.

Но, надо сказать, число последователей леди Аманды растет, и это не должно не вызывать беспокойства у специалистов, призванных следить за физическим и психическим здоровьем населения.

Говоря об экстремалах, пронзающих и рубцующих свое тело сегодня, мы не можем не заметить, что большинство из них происходит из вполне благополучных семей, и, более того, живет в самых богатых и законопослушных странах мира.

Осмелюсь предложить некоторые свои объяснения столь странному поведению, естественно, оставив за рамками откровенные психопатологические случаи. В середине XX века философия экзистенциализма стала ответом на сытые, «мещанские» ценности буржуазного мира. Это был сугубо интеллектуальный ответ, блестяще реализованный в рамках письменной (по Лотману) культурной традиции. В результате весь мир узнал, что истинная жизнь и высшее осознание ценностей возможно лишь в очень короткий миг «бездны мрачной на краю». Собственно, что-то такое цивилизованный мир уже знал, скорее, подозревал, основываясь на полузабытой памяти о своем происхождении от традиционного общества. Именно поэтому философия экзистенциализма оказала такое воздействие на современное ей молодое поколение и, в частности, служила идеологическим обеспечением бурных событий 1968 года, связанных со студенческими беспорядками во Франции.

Современные татуировки и прочие действия в экстремальных формах — такой же ответ на буржуазность и протест против избытка благополучия. Но не интеллектуальный, а реализованный в рамках мнемонической традиции, на уровне коллективного бессознательного.

Также важно подчеркнуть, что среди адептов экстремальных способов обращения со своим телом много художественно одаренных, тонко чувствующих натур, отличающихся по способу восприятия от стандартного обывателя.

Самобичеватели в исторической ретроспективе. Единственная альтернатива

Волей-неволей мы вынуждены обратиться к рассмотрению тех моментов в истории человечества, когда появлялись определенные общественные группы людей, декларативно провозглашавшие своей целью самоповреждение и, по-видимому, получавшие в результате этих действий экстатическое (или сексуальное) удовольствие. Автора не особенно интересует болезненная основа этих действий, но волнует выяснение исторического контекста, в котором возможно появление «самовредителей».

Здесь же мы постараемся дать характеристику противоположного способа обращения с человеческим телом.

Итак, как мы могли уяснить из анализа письменных источников и этнографических данных, самоповреждение — характерная черта поведения человека традиционного общества в момент траура. Наноса себе увечья в знак скорби по умершему, «архаический человек» отдает ему самую высокую дань уважения, действует сообразно с религиозными традициями своего племени. В принципе, это характерный вариант поведения в рамках «культуры до культуры». Как только появляется священный текст, написанный буквами, с его страниц звучит отрицание древнего ритуала.

Но, как и грамотность никогда не была повсеместной, траурные ритуалы, сопряженные с самотерзанием плакальщиков, изжить повсеместно не удалось. В некоторых культурных традициях существовали даже категории плакальщиков-профессионалов, и тем не менее, нельзя сказать, что эти люди по своим идеологическим представлениям стояли обособленно от сакральных обычаев своего народа. Напротив, они им следовали.

Новое появилось в Римской империи и было с неодобрением отмечено Лукианом, когда он написал о «ненормальностях» почитателей философа Перегринна. Поклонники киника бичевали себя уже, можно так выразиться, из соображений идеологии.

По-видимому, следующими, кого следует упомянуть в этом ряду, были флагелланты — дословно «бичующиеся». Эта христианская секта возникла в Италии начала XIII века и в 1349 году была объявлена еретической.

Питательной средой для течения стала городская беднота, на которую воздействовали взгляды некоторых францисканцев-спиритуалов. Кроме отрицания индульгенций и культа святых в основе вероучения флагеллантов центральной идеей стало ожидание скорого конца света и стремление к покаянию. Покаяние производилось путем самобичевания и «крещения кровью». Вслед за францисканцами бичующиеся вели аскетический и странствующий образ жизни, отвергая накопление церковью богатств, ношение роскошной одежды и т. д. Показательно, что их идеи оказались на редкость заразительными, за короткое время приобретя характер эпидемии. Известно, например, что в 1249 году почти все население Перузы под влиянием их проповедей было охвачено манией покаяния. Северная Италия была заполнена процессиями, в которых участвовали десятки тысяч кающихся, ходивших босыми и раздетыми, бичуя себя плетьюми.

Конечно, это был классический случай массового психоза, погружения большей части населения в состояние измененного сознания.

Учение флагеллантов было ориентировано на близкую смерть и вызвало волну самотерзаний. По-видимому, произошла активизация мифологического мышления, увязывающего вместе смерть и саморазрушение. Мы можем предполагать: последователи Перегринна во II в. н. э. интуитивно ощущали близкую гибель античного мира, что вызвало у них сходную реакцию.

А зачем терзают свою плоть сегодняшние флагелланты и прочие экстремалы? Может быть, они тоже боятся конца света?

Как мы знаем, есть все резоны дать положительный ответ на последний вопрос. Слишком многие футурологи предрекают в наши дни близкий конец человечества: из-за техногенных катастроф, глобального потепления, невиданных эпидемий, перенаселения, космических пришельцев и т. п.

Конечно, к прогнозам ученых следует относиться с вниманием. Но как часто такие высказывания напоминают пророчества кухарки

профессора Преображенского Дарьи Петровны: «28 ноября 1925 года, в день преподобного мученика Стефана земля налетит на небесную ось...» Кстати, булгаковском в «Собачем сердце» речь шла о манипуляциях с телом и создании нового существа...

Теперь, какова же альтернатива, позволяющая человечеству отказать от самоповреждений перед лицом близкой смерти?

Как ни банально звучит, это философия гуманизма, то есть, согласно определению, рефлексированный антропоцентризм, исходящий из человеческого сознания и имеющий своим объектом ценность человека. Впервые возникнув в античную эпоху, гуманизм предполагал высшее культурное и нравственное развитие человеческих способностей в эстетически законченную форму в сочетании с мягкостью и человечностью. Заметим, это была эра всеобщей грамотности свободных граждан Римской империи.

XIV век, покончивший с учением флагеллантов, стал началом новой волны европейского гуманизма, подготовившей эпоху Возрождения.

Мы не будем говорить о культурных достижениях в эпоху Ренессанса, они и так очевидны. Важнее другое: чем больше расширялись географические и исторические познания европейцев, тем больше интереса они испытывали к традициям «варварских» культур во вновь открываемых колониях и в собственном прошлом.

Здесь характерен пример Англии времен Елизаветы I, Шекспира, Марло — высшей точки английского Возрождения, связанной с письменной культурой. Публикации 80—90-х годов XVI века открыли перед современниками мир аборигенов Вирджинии. Были опубликованы рисунки Джона Уайта, изображавшие *алгонкинов*. Участник французской экспедиции во Флориду (1562—1565 гг.) Жак Ле Мойн де Марке, будучи гугенотом, бежал в Англию после Варфоломеевой ночи и только там сумел опубликовать гравюры, изображавшие татуированных туземцев (Fleming, 2000).

Когда наследником английского престола стал король Шотландии Яков VI, этот факт вызвал активную реакцию в среде тогдашних британских историков, занявшихся поиском общих корней двух народов. Антиквар Уильям Кэмпдон обратился, по традиции, к античным источникам и «заново открыл» тексты, посвященные обычаю пиктов татуировать себя. В «Истории Великой Британии» (1611), написанной Джоном Спидом, изображение татуированной кельтской женщины уже украшало обложку... (Рис. 6.4)

Рис. 6.4. Юная дочь пиктов. Фрагмент рисунка Жака Ле Мойн Де Марке (1585—1588), Йельский Центр Британского Искусства, Нью Хевен.

Так забытое прошлое стало видиться образованным европейцам утраченным раем. Не правда ли, это похоже на современное восприятие некоторых этнических традиций?

Этнические мотивы.

Да здравствуют кельты и японцы!

Если говорить о «этнических татуировках», далеко не всегда они имеют в своей основе твердые исторические обоснования. Это можно сказать об одном из самых популярных направлений — нанесении на кожу кельтских орнаментов. Как мы уже отмечали во второй главе, долгое время признанные исследователи древней культуры островных кельтов скептически относились к татуировкам, якобы распространенным среди них, несмотря на сообщения греческих историков и знаменитых римских полководцев. В крайнем случае, признавалось, что кельты индоевропейского происхождения могли позаимствовать традицию расписывать свое тело от более древнего аборигенного населения островов, частично истребленного, частично ассимилированного воинственными пришельцами. Специалисты по кельтам несколько дрогнули после открытий замерзших скифских мумий в горах Алтая. Судя по всему, скифы, так же как и древние жители Синьцзяна, чьи татуированные мумии нашли позже в пустыне Такламакан, были индоевропейцами, как и кельты. Но так ли это важно для адептов современного этнического стиля? Они хотят, чтобы древние кельты были татуированы, и они делают себе наколки в этническом стиле так, как они себе это представляют.

Так уж получилось, но уже как минимум второй раз за недавнюю историю человечества начало века совпадает с оживлением интереса к традициям дальневосточных культур. Если в начале XX века этот интерес привел к повсеместному распространению ширм и бумажных вееров, то в XXI веке — в центре внимания ирэдзуми и живописная традиция юкийо, характерная для периода Эдо (1603—1868). Казалось бы, оба вида изобразительной деятельности существовали независимо друг от друга долгие столетия. Но только сейчас специалисты обратили внимание на изображения татуировок в «картинах текущего мира» (Takahiro Kitamura, 2003).

Они помогают изучать стилистику прежних татуировок и обогащают современную традицию. Многие картинки запечатлели знаменитых актеров с телами, разукрашенными цветущей сакурой, драко-

Рис. 6.5. Рисунок Утагава Кунисада (1786—1865), изображающий знаменитого актера.

нами, разнообразными растительными орнаментами и более сложными мифологическими сюжетами. (Рис. 6.5)

Мы уже говорили об основных сюжетах японских татуировок, а в предыдущей главе упомянули о распространенности их у якудза. Но, оказывается, архетипическая «разбойничья идея» сыграла в возникновении ирэдзуми у японцев куда большую роль. Знаменитый востоковед и писатель, автор детективов про судью Ди, Ван Гулик считал, что на простых жителей Японии повлияла популярная новелла «Суикодэн», заимствованная у китайцев и опубликованная в 1757 году. История 108 воинов стала очень востребована горожанами эпохи Эдо, во многом благодаря красочным татуировкам, а многочисленные художники и артисты стали подражать благородным эпическим разбойникам, нанося ирэдзуми.

Популярные искусства эпохи Эдо — театр Кабуки, юкийо (печать картинок с помощью резных деревянных дощечек) и ирэдзуми — оказали друг на друга большое влияние. Актеры Кабуки даже изобрели специальный костюм для выступлений, телесного цвета, но покрытый полной имитацией ирэдзуми. Они не могли носить постоянную татуировку, им ведь приходилось перевоплощаться в разных героев. Современный театр Кабуки провозглашен национальным достоянием, и традиция ношения костюмов с татуировкой продолжается. Когда юкийо после столетней изоляции японцев в последней трети XIX века попали на Запад, они оказали большое воздействие на европейскую школу живописи, прежде всего, на импрессионистов. Все японское было настолько модно и воспринималось так позитивно, что наследник русского престола, будущий царь Николай II, путешествуя по Дальнему Востоку, захотел получить на память ирэдзуми. Однако он не знал, что в то время в Японии татуировка воспринималась как привилегия неаристократических классов.

Возрождение архетипа

До сих пор, обсуждая современное состояние вопроса, мы говорили об экстремальных группах. Но есть большое число не столь экстравагантных людей, которым все ближе становится идея нанесения татуировки. По данным американских социологов, сегодня из взрослых жителей США татуирован каждый седьмой. При этом среди опрошенных в возрасте 40—56 лет татуирован каждый десятый, а среди тех, кому 25 — 34 года — уже каждый третий (http://tattoo.by/tattoo/american_tattoo.html).

А как обстоит дело в России? Для того, чтобы составить об этом представление, мне пришлось предпринять небольшое самостоятельное исследование¹. В отличие от Виктории Питтс, я столь же намеренно не стала обращаться к представителям маргинальных субкультур и завсегдалям тату-салонов. Социологический опрос по разработанной мною анкете был проведен в конце 2004 — начале 2005 гг. преимущественно среди студентов двух столичных гуманитарных вузов (Государственного Университета Гуманитарных Наук и Российского Государственного Гуманитарного Университета). Рассмотрим данные по двум выборкам отдельно.

Среди первокурсников ГУГНа на вопрос о наличии татуировок и пирсинга ответил положительно каждый пятый, или 20 % опрошенных. Мы придавали большое значение характеристикам этой группы, поскольку ее суммарный возраст в большей степени соответствовал гипотетическому возрасту прохождения обрядов посвящения в обществе традиционной культуры: 60 % опрошенных в возрасте 17 лет, 20 % — 19 лет, 20 % — 20 лет.

Количество молодых людей в выборке с татуировками и пирсингом несколько преобладало над количеством девушек (соответственно, 60 и 40 процентов). Мысль сделать наколку посещала юношей впервые в 13, 17 и 18 лет, по словам респондентов, это решение было принято самостоятельно (33,3 %) или под влиянием друзей (66,7 %). Первая татуировка или пирсинг были ими сделаны от 13 до 18 лет. У юношей татуировка чаще локализована на ногах (100 %), в половине случаев к этой татуировке добавляется маркировка предплечья. В 100 % случаев пирсинг затрагивал хрящ уха, в 50 % к нему добавлялась перфорация мочки и правой брови.

Ответы респондентов на группу вопросов, позволявших выявить мотивацию, наиболее неотчетливы. Наколки и пирсинг наносятся «просто так», впрочем, нашелся человек, считающий, что татуировка в японском стиле «символизирует его жизненные предпочтения».

В то же время можно предполагать, что тату и пирсинг у молодых людей этой группы преследуют характер демонстрации. Об этом свидетельствует нанесение рисунка тигра, символизирующего, по мнению респондента, силу; то, что татуировка, не говоря уже о пирсинге, чаще затрагивает открытые места тела. Вместе с тем, юноши

¹ Я пользуюсь случаем принести глубокую благодарность моим добровольным помощникам, и прежде всего, Т. Ю. Шведчиковой.

не обязательно считают, что татуировка и пирсинг улучшают их внешний вид (формально 66 % — «за»). Один респондент, ответивший на этот вопрос положительно, в другом месте анкеты признался: он не считает, что татуировка и пирсинг повышают привлекательность ее обладателя. Зато «татуировка (пирсинг) помогает выделиться из толпы» (33,3 %), «повышает социальный статус» (66,7 %), помогает «чувствовать себя другим человеком» (33,3 %). Но есть и такие юноши, которые считают, что нанесение наколки не несет никаких личностных изменений и социальных последствий (33 %). Вообще, опрошенные студенты живут в толерантной среде. Их выбор положительно оценили друзья (66,7 %), безразлично — родственники (100 %) и отрицательно — преподаватели (33 %).

Первокурсницы впервые захотели сделать татуировку в 16—18 лет и реализовали это желание в 17—18 лет. Татуировка нанесена на пояснице (50 %), на плече (50 %), пирсинг — на левой брови (50 %). Ношение обычных сережек не будем считать показательным в силу распространенности этой скорее декоративной традиции. Хотя и здесь может быть важен возраст перфорирования мочки уха (5 и 17 лет)¹. Девушки принимали решение самостоятельно, без влияния со стороны друзей, о котором они хотели бы сообщить. Их стремление также демонстративно в своей основе: татуировка почти никогда не закрыта одеждой (если только речь не идет о зиме). В сюжетном отношении встречены растительный орнамент и имя друга на японском языке. Соответственно, можно предположить, что в выборе девушек преобладали романтика и стремление украсить себя. Восприятие татуировок и пирсинга позитивное со стороны друзей и безразличное со стороны родителей.

Выборка, полученная в опросе, произведенном на базе РГТУ, несколько отличается по своему составу и более разнородна, к тому же она постарше. Опрошенные молодые люди имели неполное или законченное высшее образование.

Возраст юношей варьировал от 21 до 26 лет. Они приняли решение сделать татуировку самостоятельно (100 %), в возрасте 13 (25 %), 17 (25 %) и 18 (50 %) лет. Реализовать желание сумели впервые в 18

¹ Интересно, я сама проколола уши в 16 лет, перейдя в выпускной класс. Насколько я теперь вспоминаю, руководствовалась не столько декоративными соображениями. У нас в доме и сережек-то не было. Просто почему-то было необходимо это сделать.

и 19 лет (по 50 %). Иногда наколка была получена во время службы в армии (25 %). Идея сделать пирсинг уха возникла и была реализована в 16 лет (25 %). Татуировки в 100 % случаев локализованы на руках (2/3 назвали плечо, 1/3 — запястье); временами, что неудивительно в нашем климате, они бывают скрыты одеждой.

50 % признались, что делали наколки для улучшения внешнего вида, но встречались и другие объяснения: «в дополнение общего стиля», «для собственного удовольствия». Позитивные последствия для своей жизни прослеживают 75 %; 25 % придерживается мнения об отсутствии влияния татуировок на свою жизнь, в то же время 50 % опрошенных вместе с положительными усматривают отрицательные моменты в нанесении татуировок. «Чувствую себя другим человеком» с наколкой и пирсингом двадцать пять процентов; встречена и такая формулировка: «преодолею сомнения в собственном самоопределении». Хотя, по их мнению, отношение окружающих к ним не изменилось или даже стало лучше (50 %), половина юношей упоминают негативное отношение родных и близких к самой процедуре.

У половины опрошенных в сюжетах татуировок присутствуют этнические мотивы, причем вновь доминирует Япония. Встречены растительные орнаменты, рисунки в стиле Hi-tech и даже тараканы и черви. Отвечая на вопросы о возможной символике, респонденты упоминали «знаки войны», «жизнеспособность», «любовь к морю», но половина юношей заявила, что их татуировки ничего не означают.

Сравнивая две исследованные юношеские группы, не трудно заметить, что первокурсники более открыты. Они еще не стесняются признаться во влиянии со стороны друзей, в то время как молодые люди постарше настаивают на своей самостоятельности. Кроме того, в оценках первокурсников больше преобладают демонстративные мотивы. Они, безусловно, преобладают и у юношей постарше, но подсознательно вытесняются более солидными объяснениями. Несмотря на нейтральные или положительные ответы о влиянии наличия татуировок на социальный статус, у молодых людей постарше растет понимание негативного восприятия этих действий со стороны окружающих.

Группа девушек, опрошенных на базе РГГУ, наиболее многочисленна и разнородна в возрастном отношении — от 18 до 27 лет. 36,4 % девушек моложе 20 лет, 63,6 % — старше двадцати.

Желание сделать татуировку возникло в 15 (27 %), 16 (36,4 %), 18 (18,2 %), 20 (9,1 %) лет и в 22 (9,1 %) года. 27 % признались, что сделали татуировку под влиянием друзей.

Локализация татуировок: спина (40 %), живот (10 %), ноги (20 %), плечо (20 %), предплечье (10 %). У тех, кто имеет татуировки, пирсинг не столь популярен — только у 27 %. Локализация пирсинга (за вычетом традиционных сережек) — язык (33,3), пупок (66,7).

Если выбран этнический мотив, доминирует «Китай» (50 %), встречены «Япония» (25 %) и «кельты» (25 %). Присутствуют растительные орнаменты (их популярность наиболее высока), изображение молнии, инициалы любимого человека; появляются нетипичные для юношей персонажи: «бабочка» и «заяц». Рисунки символизируют «молодость», «красоту», «вечную дружбу», «удачу», «пламя», «воду», означают «собственное имя на китайском языке», «просто нравятся».

Последствия для жизни: «чувствую себя другим человеком» (27,3 %), никаких (27,3 %), позитивные (45,5 %). Признают, что их действия встретили отрицательную реакцию, немногие (18,2 %).

И, наконец, «методом снежка» в рамках нашего исследования было опрошено несколько взрослых индивидуумов, выделявшихся из московской летней толпы явным наличием у них татуировок на открытых частях тела.

Мужчина, 45 лет, предприниматель с высшим образованием.

Получил татуировку в 20 лет, на память о каком-то событии (скорее всего, в армии, точнее, на флоте). Татуировка на плече, обычно закрыта одеждой, изображает представителя семейства кошачьих. Последствия для жизни в результате нанесения татуировки оценивает как негативные. Татуировка, по его словам, символизирует военно-морской корабль и флаг. Друзья, знакомые, родные отнеслись к наколке отрицательно, но отношение их к носителю татуировки не изменилось. Считает, что это способ выделиться из толпы, но не считает шрамирование, татуировку или пирсинг знаком привлекательности.

Женищина, 40 лет. Образование среднее. Профессия — повар.

Захотела сделать татуировку в 25 лет, самостоятельно. Первую нанесла в 31 год, вторую — в 38 лет, третью — в сорок, у частного мастера. Во всех случаях — на память о каком-то событии или человеке. Локализация — спина, грудь, плечо. Обычно наколки закрыты одеждой. После этого чувствует себя другим человеком. На вопрос, этнические мотивы какой страны были выбраны для

рисунка, ответила «Россия». Наколки символизируют «мои страсти». Ответы на группу вопросов о социальных последствиях противоречивы. Отмечает повышение своего социального статуса после нанесения татуировок и одновременно отрицательное отношение к татуировкам друзей, знакомых, родных. Мало того, на прямой вопрос: «Изменилось ли их отношение к Вам?» получен ответ: «Пренебрежительное отношение». Считает, что татуировка — способ выделиться из толпы, повышающий привлекательность ее обладателя.

*Женщина, 41 год. Образование высшее.
Сфера деятельности — управление.*

Мысль сделать татуировку возникла в 30—31 год, самостоятельно, была реализована в 32 года. Татуировка нанесена в задней части туловища, в виде ящерицы. Мотивировка: нравится внешний вид. Изображение символизирует силу, вечность и огонь. Не оказала никакого влияния на социальный статус. Друзья, знакомые, родные восприняли ее положительно, их отношение не изменилось. Не считает, что это способ выделиться из толпы. Полагает, что татуировка, шрамирование или пирсинг повышают привлекательность своего владельца.

Отчетливо видно, что пик желающих сделать татуировку или пирсинг совпадает во всех молодежных подгруппах со сроками завершения полового созревания, у некоторых реализация этого намерения бывает отсрочена (по-видимому, из-за скрытого негативного отношения родителей), но, как правило, происходит до 20 лет. Создается впечатление, что у юношей нанесение татуировок или пирсинга носит более демонстративный характер, чем у девушек. Тематика предпочитаемых ими изображений больше говорит о стремлении утвердиться, показать силу, изжить неуверенность. То есть в определенном смысле татуировка молодых людей напрямую связана с понятием агрессивности. У девушек все спокойнее: локализация наколок не столь демонстративна, доминируют чисто декоративные или романтические мотивы. Примечательны отличия в отношении к татуировкам, наблюдаемые у взрослых респондентов. 2/3 сорокалетних оценили восприятие окружающими их татуировок как негативное (кстати, не исключено, что этим людям нанесли наколки в момент, когда они принадлежали карцерным группам). При этом только у взрослого, обра-

зованного, успешного мужчины встречено признание отрицательной роли наколки в его жизни. Больше никто из опрошенных в таких построениях не признался. У взрослой женщины с высшим образованием на первом плане стоял вопрос собственной привлекательности, сопряженный с декоративно-позитивным восприятием татуировки.

Человек, органически включенный в контекст письменной культуры (по Лотману), а именно к такой категории относятся опрошенные нами студенты гуманитарных вузов¹, должен априори отвергать любые способы создания мнемонических знаков на теле. Тем не менее, мы наблюдаем противоположную картину — явную активизацию идеи манипуляций со своим телом.

Можно было бы предположить, что студенты-гуманитарии, преимущественно будущие историки, ищут таким визуальным способом свою аутентичность, опираясь на исторически апробированные образцы поведения. Но это слишком сложно, к тому же мы наблюдаем явление татуировок повсеместно и не только у лиц, отягощенных избыточным гуманитарным знанием.

Еще одна интерпретация, сугубо декоративная: так модно, так престижно в определенных кругах. Но являются ли все современные татуировки языком общения?

Тут можно вспомнить одну аналогию. В XVIII веке, который трудно упрекнуть в недостаточной приверженности идее письменной цивилизации хотя бы потому, что он назван эпохой Просвещения, в салонном, светском общении огромное значение приобрел «язык мушек». Небольшие метки на лице воспринимались как эмблемы, поскольку определенная локализация соответствовала вполне конкретной фразе. Конечно, мушки можно было менять местами, в этой подвижности было их главное достоинство и принципиальное отличие от татуировок. В этом смысле Н. Н. Миклухо-Маклай, уподобивший некоторые аборигенные татуировки мушкам европейских дам, по-видимому, ошибался. Скорее их надо было сравнивать с родинками.

Зачем дамы и кавалеры XVIII века, вольтерьянцы и вольтерьянки, наклеивали на лица мушки? Ведь, невзирая на все условности, они могли обмениваться письмами или, в конце концов, просто поговорить. Конечно, мушки — это была игра. В ней можно усмотреть отголоски

¹ В ответах на нашу анкету встречались грубые грамматические ошибки, что, впрочем, еще не означает непросвещенности респондентов.

карнавальной культуры. Но в основе карнавала лежит слишком много сакрального и архетипического. Поэтому пышный расцвет визуального языка мушек в письменный век великих европейских философов вполне может быть назван подсознательной игровой компенсацией на избыточное количество интеллектуальных текстов, внезапно хлынувших в сознание грамотного европейского человека.

Двадцатый и двадцать первый века по количеству суммарной информации, обрушиваемой на рядового горожанина, выходят за рамки нашего предшествующего развития. Речь идет даже не о быстрой смене культурных стереотипов, а о самом характере поступающей информации. Письменная культура сдает свои позиции перед лицом сперва телевизора, потом — компьютера. Впрочем, характер сведений, которые преобладают, пока соответствует письменной традиции: мы больше обращаем внимание на происшествия, чем на обыденность. Но есть отличия: новое все чаще поступает к нам не через написанное слово, а через картинку в телевизоре. Интенсивность использования зрительного канала общения резко возрастает. Но, в отличие от абстрактных букв, которые надо еще уметь сложить в слова и фразы, чтобы получить нужный нам образ, видеоряд активизирует буквальное восприятие действительности. Отсюда «комиксовое», или «клиповое», сознание многих современных людей. Если человек с детства не приучен много читать, подобный тип восприятия ему гарантирован. Хорошо это или плохо, не нам судить. Но это закономерно в той ситуации, в которую поставлено современное урбанизированное человечество.

Когда я написала этот текст, мне случайно попала статья в «Огоньке», посвященная современному падению грамотности. Автор приводит мнение специалистов с кафедры практической стилистики русского языка (факультет журналистики МГУ). Если судить по письменным работам абитуриентов и студентов, произошло коренное перераспределение грамотности. Раньше относительно грамотных было от половины до двух третей будущих журналистов. Теперь совершенно неграмотны процентов семьдесят, и только остальные тридцать умеют как следует писать и говорить (Быков, 2005).

Итак, мы можем предположить, что внезапная реанимация идеи татуировок, охватившей немаргинальные слои населения, связана с ослаблением позиций письменной культуры. Таким образом, на распространение татуировок косвенно повлияли технические достижения, меняющие способ передачи информации, стрессы, воздействующие на жителей больших городов.

Но прогнозировать развитие ситуации мы не будем. Дело в том, что письменная традиция в истории своего появления слишком тесно связана с процессом урбанизации (Древний Восток, античный мир, Китай). А современная нам цивилизация как раз и строится на гиперразвитии городов. Так что не исключено, что из противоречивых тенденций возобладает магистральная, и татуировки вновь станут уделом немногочисленных общественных группировок.

Элитарные развлечения

Приступая к работе над этой книгой, я и не предполагала, что встречу отголоски туземных практик востребованными представителями современной элиты, условно говоря, наиболее образованной и высокооплачиваемой частью населения. Но действительность, как это часто бывает, превзошла ожидания. Приведу только один пример.

В наше время совершенно неожиданно возрождаются некоторые совершенно архаические способы украшать себя, такие, например, как инкрустация зубов, больше подобавшая индейцам доколумбовой Америки. Сейчас в гламурных кругах Москвы не вызывает удивления вкрапление в зубы стразов или сапфиров. Есть стоматологические клиники, предлагающие услуги на рынке декорирования.

Современные опасности

Говоря о современном буме татуировок, было бы нечестно не упомянуть о тех опасностях для здоровья, которые подстерегают любителей этой моды. Во-первых, это инфекции. В XX веке человечество открыло для себя такие заболевания, как синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД), кроме того, активизировались крайне опасные формы гепатита. Вдобавок, есть такие инфекции, как столбняк или туберкулез (тоже активизировавшийся, особенно в нашей стране). Использование многоразовых инструментов или недостаточная дезинфекция в момент нанесения татуировки создают огромную угрозу заражения. Кстати, Американская Ассоциация банков крови и Красный Крест не принимают кровь от доноров с татуировками, сделанными менее года назад. Если не применять ДНК-тестирование, только через год станет более или менее ясно, заразились вы СПИДом в результате татуирования или нет.

К тому же сама операция представляет собой ощутимый удар по иммунной системе человека. Представьте себе, капельки чернил внедряются под кожу. Обычно наше тело отторгает чужеродные вкрапления при помощи лейкоцитов, поглощающих подобные частицы. Но клетки-лейкоциты меньше по размерам частичек пигмента, поэтому они не могут с ними справиться. А теперь допустим, что в иммунной системе уже существует напряжение, возникшее под воздействием неблагоприятных экологических условий (к сожалению, такова среда наших крупных городов и не только). Тогда татуировка может выступить катализатором самых серьезных патологических процессов, включая онкологические заболевания лимфатической системы и крови. К несчастью, уже известны клинические данные о связи татуировки с развитием лейкемии и лимфогранулематоза.

А как же, спросите вы, древние люди или аборигены тихоокеанских островов? Ведь они покрывали все тело наколками и раком крови не болели?

Во-первых, мы не можем установить всех последствий татуирования в древнем мире. Может быть, кто-то такого воздействия не выдерживал, не случайно оно считалось опасным и производилось в момент посвящения. Во-вторых, вплоть до XX века, открывшего антибиотики и прочие интенсивные способы лечения, люди вообще жили относительно недолго, и отсроченные негативные эффекты не успевали обнаружить себя. В-третьих, надо признать, что наши предки были закаленнее, выносливее и здоровее нас. Может быть, потому, что они были ближе к природе, а еще потому, что сама природа не была отравлена антропогенным воздействием.

Чтобы уберечь здоровье людей от негативных последствий татуировок, медицинские эксперты Европейского Союза даже озаботились разработкой предупредительной директивы, которая будет призвана регламентировать иглы, красящие субстанции, а также рисунки и места тела, куда их можно наносить. Это не просто бюрократическая акция. Сам факт обращения политиков к этой теме говорит о масштабах проблемы.

В общем, собираясь в тату-салон и выбирая рисунок татуировки, оцените еще раз все риски и подумайте: а надо ли это вам?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

По глубокому убеждению автора, ничего особенного. По крайней мере, уже 40 тысяч лет с человечеством не происходит ничего такого, что не укладывалось бы в обычные рамки микрореволюционных процессов. В какие-то эпохи в глобальном масштабе увеличиваются размеры тела, в какие-то времена можно говорить о тотальной грацилизации. Люди стали есть другую пищу — и в процессе естественного отбора постепенно уменьшились размеры зубов. Благодаря социальным барьерам, защитившим нас от природных факторов, резко увеличилась продолжительность жизни, причем совсем недавно, в прошедшем столетии.

А что меняется в нашем поведении? На первый взгляд, технологические достижения людей настолько неоспоримы, что даже мысль сопоставить жизнь человека каменного века и обитателя современных городов кажется кощунственной. Как далеко мы ушли, как мы можем гордиться благами цивилизации.

Возможно, феномен татуировок, реанимированный современным обществом, — это тот незаметный поворотный пункт, доказывающий, как недалеко мы продвинулись по пути «прогресса». Из-под завесы культурности нет-нет да и выглядывает нечто слишком архаическое. Первобытное мышление не покинуло нас безвозвратно, оно глубоко спряталось, но в любой момент готово вернуться.

Подсознательная вера человека в то, что, меняя свое тело, он достигнет аутентичности и изменит мир вокруг себя, оказалась слишком живуча. Возможно, страх перед инфекциями, сопутствующими радикальным манипуляциям с телом, например, перед проблемой СПИДа, остановит человечество на этот раз от «бума татуировок». Но мы должны понимать, что в определенных условиях тяга к изменению себя проявится вновь, слишком древние поведенческие механизмы здесь задействованы. Мы живем в эпоху глобализации, когда инфор-

мация способна мгновенно дойти из одного конца земного шара в другой. Люди, разделенные тысячами километров, несколько поколений назад могли никогда не встретиться, сейчас они становятся все ближе друг другу, да и видиться для этого уже необязательно. Уже сейчас мы стали единым организмом, и наша роль в биосфере Земли терпит существенные изменения. Но каждое действие, как известно, рождает противодействие.

Торжество татуировок, наблюдаемое в конце XX — начале XXI века, может свидетельствовать об одном: античный и библейский ужас перед неизгладимыми знаками на теле, терзавший «цивилизованный мир» на протяжении тысячелетий, уступает место восхищению перед красотой рисунка. Возрождается, хотя, собственно, он никуда и не уходил, древний мотив обозначения своей принадлежности какому-либо сообществу.

Можно выразить происходящее и другими словами. «Информационный бум», окружающий современное человечество в результате собственной интенсивной деятельности, стал настолько велик, что происходит инстинктивный отказ от «письменного сознания» и «письменной памяти» (по Ю. М. Лотману). Но параллельно активизируются альтернативный вариант коллективной памяти, в котором письменность, как ни печально это звучит, не является необходимой. Распространение татуировок помогает нам понять, в каком направлении меняется окружающий мир. Но меняется ли мир в душе человека?

Комфорт вокруг сыграл дурную шутку. И вот преуспевающий клерк по ночам играет в компьютерную «стрелялку», стремясь испытать всю ту сумму эмоций первобытного охотника, что заложена в него долгими поколениями естественного отбора и не востребована в нынешней жизни. По этой же причине, не пройдя сурового посвятельного испытания, не проверив себя вовремя на прочность, пускаются во все тяжкие, манипулируя со своим телом, благопристойные жители европейских и американских городов. Но все это уже с нами происходило, о чем свидетельствует изучение татуировки как исторического источника. Распространение татуировок в ту или иную эпоху способно определить ментальное состояние общества, и только за это мы должны быть ей благодарны.

В первой главе я легкомысленно задала вопрос, не является ли тяга человека к манипуляциям со своим телом инстинктивным действием и, если честно, не предполагала дать на него положительный

ответ. Что руководит нами в подобных процедурах, разум или чувства, рацию или бессознательное? Как мы могли вместе убедиться, в глубинной основе всех этих явлений оказалось слишком много общечеловеческого, т. е. бессознательного. Так что же, смириться с голосом слепого инстинкта, побуждающего нас зачастую к саморазрушению? Но человечество в процессе биологической эволюции получило членораздельную, артикулированную речь, а в процессе эволюции социальной обрело письменность. Эти уникальные особенности уравновешивают данную нам от природы основу, так давайте пользоваться неоспоримыми преимуществами, которыми мы обладаем по сравнению с другими представителями животного мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенуас, 2004 — *Бенуас Л.* Знаки, символы и мифы. М.: АСТ, Астрель, 2004.
- Библия, 1989 — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с приложениями. Брюссель, 1989.
- Богораз, 2001 — *Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. М.: Гл. ред. Вост. лит., 2001.
- Бутовская, 2004 — *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура. М.: Науч. мир, 2004.
- Быков, 2005 — *Быков Д.* Пропавшая грамота // *Огонек*, 2005. № 48. С. 32—34.
- Видадь-Накэ, 2001 — *Видадь-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001.
- Волкова, 1981 — *Волкова Н. В.* Обычай татуировки и раскраски тела на Кавказе // *Советская этнография*, 1981. № 5. С. 113—116.
- Гернет, 1924 — *Гернет М. Н.* Татуировка в местах заключения г. Москвы // *Преступный мир Москвы* / Ред. М. Н. Гернет. Ржев, 1924.
- Геродот, 2001 — *Геродот.* История. М.: Ладомир, 2001.
- Гиппократ, 1994 — *Гиппократ.* Избранные книги. М.: Сварог, 1994.
- Дольник, 2004 — *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. 4-е изд. СПб.: ЧеРо-на-Неве, Петроглиф, 2004.
- Дубягина, Дубягин, Смирнов, 2003 — *Дубягина О. П., Дубягин Ю. Л., Смирнов Г. Ф.* Культ тату (криминальная и художественная татуировка). М.: Юриспруденция, 2003.
- Дэвлет, 2004а — *Дэвлет Е. Г.* Изображения на скалах и мифологические представления о частях и об особенностях костного строения // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии* / Отв. ред. М. Б. Медникова. М.: Ин-т археологии РАН, 2004. С. 8—23.
- Дэвлет, 2004б — *Дэвлет Е. Г.* Альтамира: у истоков искусства. М.: Алетейя, 2004.
- Ефимова — *Ефимова Е. С.* Картина мира тюремной лирики // *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика* // <http://www.ruthenia.ru/folklore/efimova4.htm>
- Ефимова, 2003 — *Ефимова Е. С.* Субкультура тюрьмы // *Современный городской фольклор* / Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2005. С. 231—266.
- История Древнего Востока, 2002 — *История Древнего Востока. Тексты и документы* / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высш. школа, 2002.

Козинцев, 1999 — *Козинцев А. Г.* Смех, плач и зевота: психология чувств или этология общения? // *Этология человека на пороге 21 века*. М.: Старый сад, 1999. С. 97—121.

Козинцев, 2002 — *Козинцев А. Г.* Об истоках антиповедения, смеха и юмора // *Смех: истоки и функции*. СПб.: Наука, 2002.

Кореневский, 1999 — *Кореневский С. Н.* Культ стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья (археологические источники и некоторые вопросы развития древних верований) // *Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация некоторых представлений* / Отв. ред. В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский. М.: Вост. лит., 1999. С. 54—77.

Латышев, 1993 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб.: Фарн, 1993. Т. 2.

Леви-Стросс, 1999 — *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М.: АСТ; Львов: Инициатива, 1999.

Лотман, 2001 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Медникова, 2001 — *Медникова М. Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001.

Медникова, 2003 — *Медникова М. Б.* Ритуальное посвящение у древних народов Евразии: символические трепанации // *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2003. № 1(13). С. 147—156.

Медникова, 2004 — *Медникова М. Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетей, 2004.

Мещеряков, 2004 — *Мещеряков А. Н.* Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2004.

Миклухо-Маклай, 1999 — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Наука, 1993. Т. 2; Т. 3—4, 1994; Т. 6, Ч. 1, 1999.

Народы мира, 1916 — *Народы мира в нравах и обычаях*. Пг.: Изд-во П. П. Сойкина, 1916.

Пастуро, 2003 — *Пастуро М.* Геральдика. М.: Астрель, АСТ, 2003.

Плутарх, 1961 — *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1.

Плутарх, 1963 — *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 3.

Плуцер-Сарно, 2001 — *Плуцер-Сарно А. Ю.* Язык тела и политика: символика воровских татуировок // *Татуировки заключенных: Альбом*. СПб.: Лимбус-Пресс, 2001. С. 9—12.

Плуцер-Сарно, 2004 — *Плуцер-Сарно А. Ю.* Русские воровские тату: от текста к символу // *Новое литературное обозрение*, 2004. № 68. <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/p136.html>

- Подорога, 1995 — *Подорога В. А.* Феноменология тела. М., 1995. С. 20.
- Полосьмак, 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001.
- Пропп, 2002 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу [Пер. и коммент. А. П. Ковалевского; Ред. И. Ю. Крачковский]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Реклю, 1906 — *Реклю Э.* Татуировка // Человек и Земля / Пер. П. Ю. Шмидта, М.: Брокгауз и Евфрон, 1906.
- Руденко, 1949 — *Руденко С. И.* Татуировка азиатских эскимосов // Сов. этнография, 1949. № 1. С. 149—154.
- Степанов, 2004 — *Степанов С. С.* Язык внешности. М.: Эксмо, 2004.
- Феномен алтайских мумий, 2000 — Феномен алтайских мумий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000.
- Фирсов, 1998 — *Фирсов И. И.* Полвека под парусами. М.: Мысль, 1988.
- Халдеева, 2004 — *Халдеева Н. И.* Антропозстетика. Опыт антропологических исследований. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004.
- Хейердал, 1982 — *Хейердал Т.* Древний человек и океан. М.: Мысль, 1982.
- Художественная культура, 1994 — Художественная культура первобытного общества: Хрестоматия / Сост. И. А. Химик. СПб.: Славия, 1994.
- Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004 — *Шер А. Я., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С.* Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004.
- Шурц, 1896 — *Шурц Г.* История первобытной культуры. СПб.: Просвещение, 1896.
- Старшая Эдда, 2000 — Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна. СПб.: Азбука, 2000.
- Элиаде, 1999 — *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.
- Элиаде, 2002 — *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. Киев: София; М.: Гелиос, 2002.
- Энеолит СССР, 1982 — Энеолит СССР / Отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1982.
- Этинген, 2002 — *Этинген Л. Е.* Кожа // Человек, 2002. № 4. С. 158—170.
- Alpers, 1987 — *Alpers A.* The world of the Polynesians seen through their myths and legends, poetry and art. Auckland: Oxford Univ. Press, 1987.

Anderson, 2000 — *Anderson C.* Godna: Inscribing Indian convicts in the Nineteenth Century // *Written on the Body. The Tattoo in European and American History* / J. Caplan (ed.). L.: Reaction Books, 2000. P. 102—117.

Jones, 2000 — *Jones C. P.* Stigma and tattoo // *Written on the Body. The Tattoo in European and American History* / J. Caplan (ed.). L.: Reaction Books, 2000. P. 1—16.

Fleming, 2000 — *Fleming J.* The Renaissance Tattoo // *Written on the Body. The Tattoo in European and American History* / J. Caplan (ed.). L.: Reaction Books, 2000. P. 61—82.

Goffman, 1961 — *Goffman E.* Asylins: essays on the social situation of mental patients and other inmates. N. Y.: Harmondsworths, 1961.

Groning, 2002 — *Groning K.* Decorated skin. A world survey of body art. L.: Thames&Hudson, 2002.

Gustafson, 2000 — *Gustafson M.* The Tattoo in the Late Roman Empire and Beyond // *Written on the Body. The Tattoo in European and American History* / J. Caplan (ed.). L.: Reaction Books, 2000. P. 17—31.

Dickson, 1996 — *Dickson D. B.* The Dawn of Belief: religion in the Upper Palaeolithic of southwestern Europe. University of Arizona Press, 1996.

Lambert, 2003 — *Lambert A.* Russian prison tattoos: codes of authority, domination and struggle. Atglen: Schiffer Publishing Ltd., 2003.

MacQuerrie, 2000 — *MacQuerrie Ch.* Insular Celtic Tattooing: History, Myth and Metaphor // *Written on the Body. The Tattoo in European and American History* / J. Caplan (ed.). L.: Reaction Books, 2000. P. 34—45.

Mair, 1992 — *Mair V.* Mummies of the Tarim Basin // *Archaeology*, 1995. Vol. 48, № 2. P. 28—35.

Meaney, 1992 — *Meaney A. L.* Anglo-Saxon Idolators and Ecclesiasts from Theodore to Alcuine; A Sorce Study // *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*, 1992. Vol. 5. P. 115.

Pitts, 2003 — *Pitts V.* In the Flesh. The cultural politics of body modification. N. Y.: PALGRAVE MacMillan, 2003.

Pogozeva, 1985 — *Pogozeva A. P.* Die Statuetten der Tripolje-Kultur // *Beitrage zur allgemeinen und vergleichenden Archaologie*, 1985. Bd. 7. S. 95—242.

Schrader, 2000 — *Schrader A. M.* Branding the Other/Tattooing the Self: Bodily Incriptions among Convicts in Russia and the Soviet Union // *Written on the Body. The Tattoo in European and American History* / J. Caplan (ed.). L.: Reaction Books, 2000. P. 174—192.

Takahiro Kitamura, 2003 — *Takahiro Kitamura.* Tattoes of the floating world. Ukiyo-motifs in the Japanese tattoo. Amsterdam: Hotei Publishing, 2003.

Van Gennep, 1960 — *Van Gennep A.* The Rites of Passage. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

Мария Борисовна Медникова

НЕИЗГЛАДИМЫЕ ЗНАКИ

Татуировка как исторический источник

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор А. Полякова

Оригинал-макет подготовила И. Богатырева

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

В книге на с. 186, 188 использованы фотографии
с сайта www.pataney.com

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 12.09.2007. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1000. Заказ № 8192.

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Phone: 207-86-93

E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова»
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Zubovskiy pr., 2, str. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

Мария Борисовна Медникова

Антрополог. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. Автор 150 научных работ, опубликованных в российских и зарубежных изданиях, в том числе книг «Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии» (М., 1995), «Трепанации у древних народов Евразии» (М., 2001), «Трепанации в древнем мире и культ головы» (М., 2004); соавтор нескольких коллективных монографий, в частности «Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования», (М., 2000). Лауреат премии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая (2005). Область научных интересов: биоархеология и палеоэкология человека; реконструкция биологических и социальных аспектов жизни древнего населения. Автор стоит у истоков нового научного направления, изучающего культурные модификации человеческого тела по данным палеоантропологии.